НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

КНЯЗЬ

Il Principe · De Principatibus

НОВЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

КНЯЗЬ

De Principatibus · Il Principe

FLORENTIAE · ANNO MDXIII

«Ma, sendo l'intento mio scrivere cosa utile a chi la intende, mi è parso più conveniente andare dietro alla verità effettuale della cosa, che alla immaginazione di essa».

«Но поскольку моё намерение — написать вещь полезную для того, кто её поймёт, мне показалось уместнее идти прямо по следу действенной истины самой вещи, чем воображения о ней».

Caput XV

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

КНЯЗЬ

Il Principe · De Principatibus

(в русской традиции — «Государь»)

Полный научно-филологический перевод с флорентийского оригинала XVI века, вступительная статья, свод политических максим, словарь понятий и историко-филологические примечания
В. И. Смирнова

GLOWSOFT PUBLISHING
Москва · 2026

УДК 321.01(450)"15"
ББК 66.1(0)4
М15

Перевод с итальянского, вступительная статья, свод политических максим, словарь понятий и историко-филологические примечания: Смирнов Виталий Игоревич.

Макиавелли, Никколо (1469–1527).
М15 Князь (*Il Principe · De Principatibus*) : трактат / Никколо Макиавелли ; пер. с итал., вступ. ст., свод максим, слов. понятий и коммент. В. И. Смирнова. — Науч.-филол. изд. — М. : GlowSoft, 2026. — 160 с. — Формат 60×90/16 (148×210 мм). — 16+.

Настоящее издание представляет новый полный перевод главного политического трактата Возрождения — *Il Principe* (*De Principatibus*, 1513) Никколо Макиавелли, выполненный по принципу строгого терминологического единства. В отличие от переводов XIX–XX веков, закреплявших за книгой сакрально-монархическое название «Государь» и размывавших авторский понятийный аппарат, настоящий перевод последовательно разводит категории *principe* («князь»), *principato* («княжество» / «единовластие») и *lo stato* («властный уклад», «власть», «режим», «владение»), сохраняет сквозную систему ключевых понятий оригинала (*virtù*, *fortuna*, *imperio*, *ordini*, *modi*, *armi proprie*, *prudenzia*, *necessità*, *umori*, *verità effettuale della cosa*) и передаёт точный аналитический синтаксис флорентийского секретаря современным русским языком без архаизации и беллетристического сглаживания. Каждая глава снабжена историко-филологическими примечаниями; завершают книгу свод двадцати политических максим трактата, словарь понятий и критический разбор переводческой традиции.

Цифровое собрание и аудиоиздание: веб-версия книги с параллельным флорентийским оригиналом 1513 года и двухголосая студийная аудиокнига представлены в открытой цифровой библиотеке GlowSoft (lib.glowsoft.ru). Знак информационной продукции согласно ФЗ № 436-ФЗ: 16+.

ISBN 978-5-00000-000-0 *(резерв под номер издания)*
© Смирнов В. И., перевод с итал., вступ. ст., комментарии, аппарат, оформление, 2026
Текст оригинала (1513): общественное достояние (*Public Domain*)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

От издателя и переводчика

◆

Эта книга вышла из независимого издательского проекта **GlowSoft**, задуманного с одной целью — возвращать классическим политическим и философским текстам их первозданную смысловую резкость. Новый филологический перевод трактата Никколо Макиавелли *Il Principe*, историко-текстологический комментарий, аналитический свод максим, терминологический словарь и типографский макет настоящего тома подготовлены мной как единое авторское и издательское целое.

Идея издания выросла из прямого читательского вопроса: существует ли на русском языке перевод *Il Principe* Никколо Макиавелли, который передаёт мысль оригинала без литературных прикрас и понятийных подмен? При всём уважении к полуторавековой русской традиции — от первого перевода Н. С. Курочкина (1869), подарившего трактату торжественное, но обманчивое заглавие «Государь», до тома «Academia» под редакцией А. К. Дживелегова (1934), хрестоматийного перевода Г. Д. Муравьёвой (1982) и современных научных изданий — массовый русский текст Макиавелли почти всегда оказывался мягче и анахроничнее флорентийского подлинника 1513 года. Бывший секретарь Второй канцелярии и Совета Десяти Флорентийской республики, переживший падение республики, тюрьму и пытку дыбой, писал в поместье Сант-Андреа-ин-Перкуссина сухую, беспощадную аналитическую записку о захвате, удержании и утрате власти.

Работая над переводом, я поставил задачу перенести на русскую почву строгий филологический метод, утверждённый в мировой науке Харви Мэнсфилдом, Уильямом Коннеллом и Квентином Скиннером. В основу работы легли четыре принципа:

1. **Возвращение подлинного заглавия и фигуры правителя.** Итальянское *principe* (от лат. *princeps* — «первый») обозначает любого единоличного властителя — от наследного герцога до вчерашнего кондотьера или частного гражданина, овладевшего синьорией. Слово «Государь» окрашивает текст сакрально-монархическим ореолом, тогда как главный герой книги — *principe nuovo*, «новый князь», чья власть держится на собственном оружии и расчёте. Поэтому во всём тексте *principe* передаётся строго как **«князь»**, а *principato* — как **«княжество»** (или **«единовластие»**).
2. **Разведение *lo stato* и *il principato*.** В начале XVI века слово *stato* ещё не означало обезличенное новоевропейское «государство» с конституцией и аппаратом. У Макиавелли *lo stato* — это сама **власть**, **властный уклад**, **режим** или **владение**, которое удерживают в руках (*mantenere lo stato*) или теряют (*perdere lo stato*). Смешение обоих понятий в слове «государство» разрушает уже первую фразу главы I.
3. **Единая терминологическая сетка с маркерами оригинала.** Сквозные категории Макиавелли — *virtù* (политическая доблесть и хватка, сталкиваемая с моральной «добродетелью»), *fortuna* (стихия случая в отличие от жребия — *sorte*), *imperio* (верховное владычество), *ordini e modi* (порядки и способы действия), *armi proprie* (собственное оружие), *prudenzia* (расчётливое благоразумие), *necessità* (необходимость), *umori* (враждующие начала знати и народа), *verità effettuale della cosa* (действенная истина самой вещи) — переведены системно и в смысловых узлах отмечены в квадратных скобках курсивом ([*virtù*], [*stato*], [*ordini*]), чтобы читатель видел каркас авторской мысли.

4. **Сохранение синтаксиса дилемм и научный комментарий.** Я отказался сглаживать развилки Макиавелли («либо — либо», *o… o…*), его латинизированные периоды и жёсткие формулировки вроде «жестокостей, применённых хорошо или дурно». Исторические реалии войн 1494–1513 годов, текстологические чтения рукописей и скрытая полемика с Цицероном, Сенекой и гуманистическими «зерцалами князей» раскрыты в 215 примечаниях в конце глав.

Текстологической опорой перевода послужили критические издания итальянского подлинника, подготовленные Федерико Шабо, Марио Мартелли и Джорджо Инглезе, в которых выверены расхождения между ранней рукописной традицией и первопечатной вульгатой 1532 года. Основной корпус трактата дополняют аналитический свод политических максим «Князя», словарь ключевых понятий оригинала и статья независимого критика, оценивающая достоинства и неизбежные издержки выбранного переводческого метода.

Если эта книга в ваших руках заставляет спорить с каждым тезисом флорентийского секретаря так, словно его записка легла на стол сегодня утром, — значит, замысел удался, и она дошла «до того, кто её поймёт» (*a chi l’intende*).

Виталий Смирнов
Издательский проект GlowSoft · 2026

ПОСВЯЩЕНИЕ

Никколо Макиавелли — Великолепному Лоренцо, сыну Пьеро де Медичи

Nicolaus Maclavellus ad Magnificum Laurentium Medicem

◆

По большей части те, кто желает добиться расположения князя [*principe*], имеют обыкновение представать перед ним с такими вещами, которые из всего своего достояния считают самыми дорогими или в которых, как они видят, он находит наибольшее удовольствие; оттого нередко видишь, как князьям подносят коней, оружие, затканные золотом ткани, драгоценные камни и тому подобные украшения, достойные их величия[1]. Желая поэтому и сам предстать перед Вашим Великолепием с каким-нибудь свидетельством моего преданного служения Вам, я не нашёл среди своей утвари [*suppellettile*] ничего, что было бы мне дороже или что я ценил бы так высоко, как познание деяний великих людей, приобретённое мной долгим опытом в делах современных и непрестанным чтением о делах древних [*cose moderne… cose antiche*][2]; это познание, которое я долго и с большим усердием обдумывал и исследовал, а теперь свёл в небольшой том, я и посылаю Вашему Великолепию. И хотя я считаю этот труд недостойным предстать перед Вами, всё же твёрдо надеюсь, что по Вашей человечности [*umanità*] он будет Вами благосклонно принят, если учесть, что от меня не может быть принесено Вам большего дара, чем возможность в кратчайший срок понять всё то, что сам я за столько лет и ценой стольких моих лишений и опасностей узнал и понял[3]. Труд этот я не разукрасил и не наполнил ни пространными периодами, ни напыщенными или пышными словами, ни какими бы то ни было иными обольщениями [*lenocinio*] или внешними прикрасами, какими многие имеют обыкновение описывать и украшать свои сочинения, поскольку я хотел, чтобы либо ничто вовсе не доставляло ему почёта, либо только истинность содержания и значительность предмета [*verità della materia*] вызвали к нему благосклонность[4]. И я не хочу, чтобы сочли за самонадеянность, если человек низкого и нижайшего положения [*basso ed infimo stato*] осмеливается рассуждать о правлении князей и предписывать ему правила [*regolare i governi*]: ведь подобно тому как люди, зарисовывающие местности, спускаются низко на

равнину, чтобы рассмотреть природу гор и возвышенностей, а чтобы рассмотреть природу низин, поднимаются высоко в горы, — точно так же, чтобы хорошо узнать природу народов, нужно быть князем, а чтобы хорошо узнать природу князей, следует быть человеком из народа [*popolare*][5]. Примите же, Ваше Великолепие, этот малый дар с тем же расположением духа [*animo*], с каким я его посылаю; если Вы внимательно обдумаете и прочтёте его, то увидите в нём моё сильнейшее желание, чтобы Вы достигли того величия, которое обещают Вам фортуна [*fortuna*] и другие Ваши достоинства. И если Ваше Великолепие с вершины своей высоты когда-нибудь обратит взгляд в эти низины, Вы узнаете, насколько незаслуженно я переношу великую и непрестанную враждебность фортуны [*malignità di fortuna*][6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первоначально, согласно знаменитому письму Макиавелли к Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г., трактат (носивший в рукописной традиции латинское заглавие *De Principatibus* — «О княжествах») предназначался Джулиано де Медичи (1479–1516), младшему брату папы Льва X. Около 1515–1516 гг. Макиавелли переадресовал посвящение племяннику папы — Лоренцо ди Пьеро де Медичи (1492–1519), внуку Лоренцо Великолепного, ставшему в 1516 г. герцогом Урбинским (титул «Ваше Великолепие», *Vostra Magnificenza*, принадлежал нетитулованным главам дома Медичи во Флоренции). В русской переводческой традиции со времён перевода Н. С. Курочкина (1869) за трактатом *Il Principe* (издан посмертно в 1532 г.) закрепилось заглавие «Государь», однако термин *principe* у Макиавелли означает именно единоличного правителя княжества (*principato*) в противоположность республике (*repubblica*), а также отличному от него титулу короля (*re*). Зачин посвящения сознательно воспроизводит и переосмысляет вступление речи Исократа «К Никоклу» (*Ad Nicoclem*, 1–2, известной гуманистам в латинских переводах Лапо да Кастильонкьо и Бернардо Джустиниани), где вещественным дарам правителям противопоставляется дар политического наставления.
2. Двуединая формула метода Макиавелли: *lunga sperienza delle cose moderne* отсылает к четырнадцати годам его дипломатической и административной службы на посту секретаря Второй канцелярии и Десяти свободы и мира Флорентийской республики (1498–1512), а *continova lezione delle antiche* — к систематическому чтению античных историков (Тита Ливия, Полибия, Ксенофонта, Плутарха, Тацита, Юстина). Иронический латинизм *suppellettile* (от лат. *supellex* — «домашний скарб, утварь») намеренно снижает гуманистический багаж бывшего секретаря на фоне придворной роскоши первого предложения.
3. Речь идёт о многочисленных дипломатических миссиях Макиавелли ко дворам Чезаре Борджа, французского короля Людовика XII, императора

Максимилиана I и папы Юлия II, а также о личной катастрофе осени 1512 — весны 1513 г.: после падения Флорентийской республики и возвращения Медичи Макиавелли 7 ноября 1512 г. был отстранён от должности, а в феврале 1513 г. арестован по подозрению в причастности к заговору Пьетро Паоло Босколи и Агостино Каппони, подвергнут пытке шестью рывками дыбы (*tratti di corda*) и выслан в своё скромное поместье в Сант-Андреа-ин-Перкуссина близ Сан-Кашано. Апелляция к *umanità* (лат. *humanitas* — просвещённое великодушие и благожелательность) опирается на традиционный кодекс гуманистических «зерцал князей».

4. Антириторический манифест Макиавелли направлен против пышной эпидейктической прозы гуманистов XV века (Бартоломео Платины, Джованни Понтано, Франческо Патрици). Под *clausule ampie* подразумеваются ритмизованные цицероновские периоды, а резкий латинизм *lenocinio* (от лат. *lenocinium* — букв. «сводничество», у Квинтилиана и Тацита — «обольстительная косметическая прикраса речи») клеймит риторическое угодничество ради *la verità della materia* («истинности содержания»), предвосхищающей знаменитую формулу главы XV — *verità effettuale della cosa* («действенная истина самой вещи»).
5. В обороте *basso ed infimo stato* слово *stato* выступает в своём традиционном сословно-имущественном значении («положение, чин, достаток»), тогда как уже в первой строке главы I оно обретёт политический смысл властного уклада и господства. Знаменитая картографическая метафора (*coloro che disegnano i paesi* — прозрачный намёк на ренессансную военную топографию, в частности на карты Центральной Италии, которые Леонардо да Винчи вычерчивал для Чезаре Борджа в 1502–1503 гг. в те самые месяцы, когда при ставке герцога находился Макиавелли) совершает дерзкий переворот в жанре посвящения: человек из народа (*popolare*) приравнивается к князю по познавательной привилегии и заявляет право не просто описывать, но и *regolare* — предписывать правила правлению князей.
6. Первое появление в трактате категории *fortuna*: в отличие от дантовской Фортуны — блаженной служительницы Провидения («Ад», VII, 73–96), здесь она предстаёт враждебной и прихотливой силой (*malignità di fortuna*), чьё противоборство с человеческой доблестью (*virtù*) получит развёрнутое обоснование в главе XXV. Наречие *indegnamente* («незаслуженно») сохраняет за опальным автором чувство собственного достоинства перед лицом новых хозяев Флоренции.

ГЛАВА I

Скольких видов бывают княжества и какими способами они приобретаются

Quot sint genera principatuum et quibus modis acquirantur

◆

Все властные уклады [*stati*], все владения [*dominii*], которые имели и имеют верховное владычество [*imperio*] над людьми, были и остаются либо республиками, либо княжествами [*principati*][1]. Княжества бывают либо наследственными, в которых род их властителя долгое время был князем, либо новыми[2]. Новые же бывают либо целиком новыми [*nuovi tutti*], каким стал Милан для Франческо Сфорца[3], либо как бы членами, присоединёнными к наследственному владению [*stato ereditario*] князя, который их приобретает, как Неаполитанское королевство для короля Испании[4]. Владения эти, так приобретённые, либо привыкли жить под властью князя, либо привыкли быть свободными [*usi ad esser liberi*]; и приобретаются они либо чужим оружием, либо собственным [*con le armi di altri o con le proprie*], либо фортуной [*fortuna*], либо доблестью [*virtù*][5].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первая фраза трактата производит тихую революцию в европейской политической науке. Классическая традиция, восходящая к Аристотелю («Политика», III, 7, 1279a–b) и Полибию («Всеобщая история», VI, 3–4; ср. у самого Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», I, 2), делила политические режимы на три «правильных» (царская власть, аристократия, полития) и три «извращённых» (тирания, олигархия, охлократия) по нравственному критерию общего блага. Макиавелли заменяет эту шестичленную этическую шкалу строго внеморальной дихотомией (*o Repubbliche o Principati*), тем самым снимая родовое различие между законным монархом и тираном. Аппозитивная пара *Tutti gli Stati, tutti i dominii* фиксирует живой сдвиг в лексике XVI века: ещё не застывшее слово *stato* (от лат. *status* — «положение, состояние режима») поясняется через *dominii* («владения, господства») и определяется через римское понятие *imperio* (*imperium* — полнота принудительной и военной власти над людьми), что исключает модернизирующий перевод *stato* новоевропейским словом «государство».
2. Вся глава построена по образцу логического «древа Порфирия» (*arbor Porphyriana*) и медицинской диэрезы (последовательного раздвоения рода на виды через жёсткий союз *o… o…* — «либо — либо», повторённый пять раз в четырёх предложениях). Эта классификационная

решётка задаёт строгий план первой части книги: глава II посвящена наследственным княжествам, главы III–V — смешанным и прежде свободным владениям, глава VI — целиком новым княжествам, добытым собственным оружием и доблестью, глава VII — новым княжествам, приобретённым чужим оружием и фортуной (с дополнениями в главах VIII–XI). Сжатая метонимия *il sangue del loro Signore ne sia stato lungo tempo Principe* (букв. «кровь их властителя долгое время была их князем») подчёркивает телесно-родовую непрерывность династического правления.

3. Франческо Сфорца (1401–1466) — прославленный кондотьер, женатый на побочной дочери последнего герцога из рода Висконти Бьянке Марии; поступив сначала на службу к провозглашённой в Милане Амвросианской республике (1447–1450), он затем обратил против неё оружие и в феврале 1450 г. овладел Миланским герцогством как образцовый «новый князь» (*principe nuovo*), обязанный возвышением собственной доблести и войску (ср. гл. VII, XII, XIV).
4. Имеется в виду Фердинанд II Католик (1452–1516), король Арагона и Сицилии, регент Кастилии: заключив в 1500 г. тайный Гранадский договор с французским королём Людовиком XII о разделе Неаполитанского королевства, он затем руками своего полководца Гонсало Фернандеса де Кордовы («Великого капитана») в 1503–1504 гг. вытеснил французов и присоединил Неаполь к своим наследственным владениям. Метафора «присоединённых членов» (*membri aggiunti*) вводит органологический образ политического тела, который получит развитие в главе III (*tutto un corpo*).
5. Заключительная четырёхчленная развилка образует скрытый хиазм: *armi di altri* («чужое оружие») внутренне соотнесено с *fortuna* («фортуной» — стечением внешних сил и чужой милостью), тогда как *armi proprie* («собственное оружие») спаяно с *virtù* («доблестью» — мужской политико-волевой энергией, расчётливой решимостью и воинской хваткой, сохраняющей этимологическую связь с лат. *vir*, «муж», вопреки христианско-гуманистическому пониманию *virtus* как кроткой добродетели).

ГЛАВА II

О наследственных княжествах

De principatibus hereditariis

◆

Я оставлю в стороне рассуждение о республиках, поскольку в другой раз уже рассуждал о них подробно[1]. Обращусь только к княжеству [*principato*] и, продолжая ткать по намеченной выше основе [*nel ritessere queste orditure di sopra*], буду разбирать, как этими княжествами можно управлять и как их удерживать[2]. Итак, я утверждаю, что в наследственных владениях [*Stati ereditari*], свыкшихся с родом своего князя, удерживать власть гораздо легче, чем в новых: достаточно лишь не нарушать заведённого предками порядка [*ordine*], а затем выжидать, приспосабливаясь к превратностям случая [*temporeggiare con gli accidenti*][3], — так что если подобный князь наделён хотя бы обычным усердием [*ordinaria industria*], он всегда удержится в своём владении [*si manterrà nel suo Stato*], если только какая-нибудь чрезвычайная и непомерная сила не лишит его этого владения; а даже лишившись его, он возвращает его себе при любой неудаче захватчика. У нас в Италии есть такой пример — герцог Феррарский, который устоял перед натиском венецианцев в восемьдесят четвёртом году и папы Юлия в десятом не по каким-либо другим причинам, а лишь благодаря давней укоренённости в этом владении [*antiquato in quel Dominio*][4]. Дело в том, что у природного князя [*Principe naturale*] меньше поводов и меньшая необходимость [*necessità*] причинять обиды, поэтому его закономерно больше любят; и если чрезвычайные пороки не навлекают на него ненависти, то вполне разумно ожидать, что подданные естественно к нему расположены; а в давности и непрерывности господства угасают память о переменах и причины к ним: ведь всякая перемена всегда оставляет зубчатую кладку [*addentellato*] для возведения следующей[5].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прямая автоотсылка к главному республиканскому труду Макиавелли — «Рассуждениям о первой декаде Тита Ливия» (*Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*). В текстологии Макиавелли эта фраза служит одним из ключевых свидетельств хронологического переплетения обоих сочинений: либо работа над первой книгой «Рассуждений» (по крайней мере над её ядром — главами I, 1–18) уже велась весной — летом 1513 г. до написания

«Князя» во второй половине 1513 г., либо данное предложение было вставлено автором при последующей выверке рукописи в 1515–1516 гг.

2. Ремесленная метафора ткацкого станка (*orditura* — натянутые продольные нити основы, *ritessere* — прокладывать по ним поперечную нить утка) почерпнута из повседневного языка ремесленной Флоренции, славившейся цехами шерстяников (*Arte della Lana*) и шелкоделов (*Arte della Seta*): сухая дихотомическая схема главы I выступает «основой», по которой теперь ведётся аналитическое исследование (*disputando* — термин схоластического диспута).
3. Глагол *temporeggiare* (от лат. *tempus* — «время»: «выжидать, лавировать сообразно обстоятельствам, тянуть время») знаменательно противопоставляет инерционную устойчивость наследственного князя положению нового или смешанного правителя: то самое пассивное следование времени, которое в главе III будет беспощадно осуждено как гибельный предрассудок в динамике завоевания (*godere li beneficii del tempo*), в давно устоявшемся династическом порядке оказывается вполне достаточным при *ordinaria industria* («обычном усердии»).
4. Выразительный приём институционального обобщения: Макиавелли говорит о «герцоге Феррарском» (*il Duca di Ferrara*) в единственном числе, хотя в двух названных войнах правили два разных представителя дома д'Эсте (утвердившегося в Ферраре ещё в XIII веке). В 1482–1484 гг. («Соляная», или Феррарская, война, завершённая Баньольским миром в августе 1484 г.) натиск Венеции пережил Эрколе I д'Эсте (правил в 1471–1505 гг.), потерявший Ровиго и Полезине, но сохранивший престол; в 1510 г. отлучению и военному удару папы Юлия II после распада Камбрейской лиги успешно противостоял его сын Альфонсо I д'Эсте (правил в 1505–1534 гг.). Само неразличение отца и сына художественно подтверждает мысль автора: спасала не личная гениальность правителя, а многовековая укоренённость династии (*essere antiquato in quel Dominio*).
5. *Addentellato* (от *dente* — «зуб») — точный строительный термин флорентийских каменщиков: выпущенные наружу в виде зубцов камни на торце возведённой стены, оставленные для сцепления с будущей пристройкой. Завершая главу этой зримой архитектурной метафорой, Макиавелли формулирует закон цепной реакции политических переворотов: само насилие первой ломки старого порядка создаёт точки зацепа — недовольных, изгнанников, нереализованные притязания — для каждого следующего переворота, о чём и пойдёт речь в главе III.

ГЛАВА III

О смешанных княжествах

De principatibus mixtis

◆

Но именно в новом княжестве [*principato nuovo*] и коренятся трудности. И прежде всего, если оно не целиком новое, а присоединено как член — так что всё целое вместе можно назвать как бы смешанным [*quasi misto*], — его потрясения рождаются, во-первых, из естественной трудности, присущей всем новым княжествам: ведь люди охотно меняют властителя, веря, что им станет лучше, и эта вера побуждает их браться за оружие против того, кто правит; в чём они обманываются, поскольку потом на опыте убеждаются, что стало хуже[1]. А вытекает это из другой естественной и обычной необходимости [*necessità naturale ed ordinaria*], в силу которой всякий раз приходится причинять обиды тем, чьим новым князем становишься, — как войсками, так и бесчисленными другими притеснениями, которые влечёт за собой новое приобретение. Таким образом, у тебя оказываются во врагах все те, кому ты нанёс обиду при захвате этого княжества, и ты не можешь удержать в друзьях тех, кто тебя туда ввёл, поскольку не способен удовлетворить их в той мере, на какую они заранее рассчитывали, и не можешь пустить в ход против них сильные лекарства [*medicine forti*], будучи им обязан: ведь как бы ни был кто силён войсками, чтобы войти в страну, он всегда нуждается в поддержке её жителей. По этим причинам король Франции Людовик XII сразу занял Милан и сразу же его потерял, причём в первый раз, чтобы отнять его, хватило собственных сил Лодовико, так как те самые жители, которые открыли королю ворота, обманувшись в своих расчётах и в том будущем благе, на которое надеялись, не смогли терпеть обременений со стороны нового князя. Правда и то, что когда мятежные земли завоёвывают вторично, они теряются уже с большим трудом, поскольку правитель, воспользовавшись мятежом как благоприятным поводом [*occasione*], действует с меньшей оглядкой [*meno rispettivo*], укрепляя свою безопасность, — карает провинившихся, изобличает подозрительных, усиливает наиболее уязвимые места. Так что если в первый раз, чтобы заставить Францию потерять Милан, достаточно было одного герцога Лодовико, поднявшего шум на границах, то чтобы заставить её потерять его во второй раз, понадобилось поднять против неё весь

мир, разгромить и изгнать из Италии её войска, что и произошло по названным выше причинам[2]. И всё же как в первый, так и во второй раз Милан был у короля отнят. Общие причины первой утраты уже разобраны; остаётся теперь рассмотреть причины второй и сказать, какие средства были у него и какие могут быть у всякого, кто оказался бы в его положении, чтобы лучше удержать приобретённое, чем это сделал король Франции. Итак, я утверждаю, что эти владения, которые, будучи приобретены, присоединяются к давнему владению того, кто их приобретает, либо принадлежат к той же стране и тому же языку, либо нет. Когда принадлежат, удерживать их чрезвычайно легко, особенно если они не привыкли жить свободными; и чтобы владеть ими безопасно, достаточно искоренить род князя, который ими правил, потому что во всём остальном, если за ними сохраняются прежние условия и нет несходства в нравах, люди живут спокойно, — как это видно на примере Бургундии, Бретани, Гаскони и Нормандии, которые так долго остаются с Францией; и хотя в языке там есть некоторое несходство, тем не менее нравы схожи, и области эти легко могут уживаться между собой[3]. А тому, кто их приобретает и хочет удержать, нужно соблюдать две предосторожности: во-первых, чтобы пресёкся род их прежнего князя; во-вторых, чтобы не менять ни их законов, ни их податей; и тогда в кратчайший срок новое владение срастается с его давним княжеством в единое тело [*tutto un corpo*]. Но когда приобретаются владения в стране, несходной по языку, нравам и порядкам [*ordini*], тут-то и кроются трудности, и тут нужны великая фортуна [*fortuna*] и огромное усердие [*industria*], чтобы их удержать; и одним из важнейших и самых действенных средств было бы для того, кто их приобретает, лично переселиться туда на жительство.

Это сделало бы такое обладание более надёжным и долговечным, как поступил Турок с Грецией: при всех прочих порядках, соблюдавшихся им ради удержания этого владения, не переселись он туда жить, удержать его было бы для него невозможно[4]. Ведь когда находишься на месте, видишь беспорядки [*disordini*] в самом их зарождении и можешь быстро их пресечь; когда же тебя там нет, о них узнаёшь лишь тогда, когда они уже разрослись и средства против них уже нет. Кроме того, страна не подвергается тогда грабежу со стороны твоих должностных лиц; подданные довольны возможностью быстро обратиться за защитой к близкому князю, отчего у них больше причин любить его, если они намерены быть добрыми подданными, а если намерены поступать иначе — бояться его. Всякий внешний

сосед, кто вздумал бы напасть на это владение, действует с большей оглядкой; так что князь, живущий там, лишь с величайшим трудом может его потерять. Другое наилучшее средство — вывести колонии в одно или два места, которые служили бы как бы ключами к этому владению, поскольку необходимо либо сделать это, либо держать там многочисленную латную конницу и пехоту[5]. На колонии князь тратится немного: без всяких издержек для себя или с малыми издержками он их выводит и содержит, а обиду наносит лишь тем, у кого отнимает поля и дома для передачи новым поселенцам и кто составляет ничтожную долю того владения; притом обиженные им, оставаясь рассеянными и нищими, никогда не смогут ему повредить, все же прочие, с одной стороны, остаются нетронутыми и оттого легко успокаиваются, а с другой — боятся оступиться, как бы с ними не вышло того же, что с ограбленными. Заключаю: такие колонии ничего не стоят, они вернее, наносят меньше обид, а обиженные, будучи нищими и рассеянными, не могут вредить, как я уже сказал. Следует заметить, что людей нужно либо ласкать, либо уничтожать [*o vezzeggiare o spegnere*]: ведь за лёгкие обиды они мстят, а за тяжкие — не могут; поэтому обида, наносимая человеку, должна быть такой, чтобы не приходилось опасаться мести[6]. Если же вместо колоний держать там войска, издержки выходят куда большими, поскольку на охрану приходится тратить все доходы этого владения, так что приобретение оборачивается для князя убытком и наносит куда больше обид, так как вредит всему владению передвижением армии с постоя на постой; тяготу эту ощущает каждый, и каждый становится ему врагом — причём это враги, способные вредить, поскольку они, хоть и побеждённые, остаются у себя дома. Итак, во всех отношениях такая охрана настолько же бесполезна, насколько охрана с помощью колоний полезна. Кроме того, кто утвердился в такой несходной стране, как сказано выше, должен сделаться главой и защитником менее сильных соседей, всячески стараться подорвать силы наиболее могущественных в этой стране и беречься, чтобы ни при каких обстоятельствах туда не вторгся чужеземец, не менее могущественный, чем он сам. А случаться всегда будет так, что такого чужеземца призовут туда те местные жители, кто недоволен либо от непомерного честолюбия, либо от страха, — как некогда это и вышло, когда этолийцы ввели римлян в Грецию; да и во всякую другую страну, куда вступали римляне, их вводили местные жители[7]. Таков уж порядок вещей, что едва могущественный чужеземец вступает в страну, как все менее сильные

в ней примыкают к нему, движимые завистью к тому, кто прежде властвовал над ними; так что в отношении этих меньших властителей ему не стоит никакого труда привлечь их на свою сторону, поскольку все они сразу охотно сплачиваются с тем владением, которое он там приобрёл. Ему нужно позаботиться лишь о том, чтобы они не набрали слишком много силы и слишком много влияния; и тогда он легко сможет своими силами и при их поддержке ослабить могущественных, чтобы полностью остаться верховным арбитром в этой стране. А кто не сумеет правильно повести эту сторону дела, вскоре потеряет приобретённое, а пока будет удерживать его, столкнётся внутри него с бесчисленными трудностями и неприятностями.

Римляне в захваченных ими странах неукоснительно соблюдали эти правила: они выводили колонии, поддерживали менее сильных, не умножая их могущества, ослабляли сильных и не позволяли могущественным чужеземцам приобретать там вес. Ограничусь в качестве примера одной лишь Грецией. Ими были поддержаны ахейцы и этолийцы, было ослаблено Македонское царство, был изгнан оттуда Антиох; и никогда заслуги ахейцев или этолийцев не побудили римлян позволить им расширить свои владения, и никакие уговоры Филиппа не склонили их стать ему друзьями, не ослабив прежде его могущества, и мощь Антиоха не смогла вынудить у них согласия на то, чтобы он сохранил в той стране хоть какое-то владение. Римляне поступали в этих случаях так, как должны поступать все мудрые князья, которым следует принимать в расчёт не только сегодняшние потрясения, но и будущие, и со всем усердием их предотвращать: ведь если предвидеть их издалека, против них легко найти средство, но если ждать, пока они подступят к тебе вплотную, лекарство запаздывает, так как болезнь уже стала неизлечимой. И происходит тут то же самое, что врачи говорят о чахоточной горячке [*etica*]: в начале её легко вылечить, но трудно распознать, с течением же времени, если её в начале не распознали и не лечили, её становится легко распознать, но трудно вылечить[8]. Так же бывает и в делах власти [*nelle cose dello Stato*]: если издалека распознать зарождающиеся в ней недуги — а это дано лишь благоразумному [*prudente*], — они излечиваются быстро; когда же из-за того, что их не распознали, им дают разрастись настолько, что их распознаёт уже каждый, никакого средства против них больше нет. Поэтому римляне, предвидя невзгоды издалека, всегда пресекали их заранее и никогда не давали им хода ради того, чтобы избежать войны, поскольку знали, что так войну не устраняют, а лишь откладывают

к чужой выгоде; потому-то они и предпочли воевать с Филиппом и Антиохом в Греции, чтобы не пришлось воевать с ними в Италии, хотя в тот момент вполне могли бы избежать и той и другой войны, но не захотели этого; и никогда не нравилось им правило, не сходящее с уст мудрецов нашего времени: «пользоваться благодеяниями времени» [*godere li beneficii del tempo*], — они предпочитали пользоваться благодеяниями собственной доблести и благоразумия [*virtù e prudenza*], ведь время гонит перед собой всё подряд и способно принести с собой как добро, так и зло, как зло, так и добро[9].

Но вернёмся к Франции и разберём, сделала ли она хоть что-нибудь из сказанного; и говорить я буду о Людовике, а не о Карле, — о том из двоих, чей образ действий виден отчётливее, поскольку он дольше удерживал владения в Италии; и вы увидите, что он сделал как раз обратное всему тому, что следует делать для удержания несходного владения [*stato disforme*]. Короля Людовика ввело в Италию честолюбие венецианцев, которые захотели с помощью его прихода выиграть себе половину Ломбардского владения. Я не стану порицать ни этот поход, ни принятое королём решение: желая для начала ступить ногой в Италию и не имея в этой стране друзей — более того, видя, что из-за поведения короля Карла перед ним наглухо заперты все двери, — он был вынужден принимать те союзы, какие мог; и его разумно принятый замысел вполне бы удался, не соверши он ошибок в прочих своих действиях. Завоевав, таким образом, Ломбардию, король сразу вернул себе тот авторитет, который отнял у Франции Карл: Генуя покорилась, флорентийцы стали его друзьями; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, Бентивольо, госпожа Форли, властители Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино, лукканцы, пизанцы, сиенцы — каждый поспешил ему навстречу, чтобы стать его другом. И вот тогда венецианцы смогли оценить безрассудство принятого ими решения: ради того чтобы приобрести два города в Ломбардии, они сделали короля властителем двух третей Италии. Пусть теперь каждый рассудит, как нетрудно было бы королю сохранить в Италии свой авторитет, соблюди он вышеизложенные правила и держи он в безопасности и под защитой всех этих своих друзей, которые — будучи многочисленными, слабыми и опасаясь кто Церкви, а кто венецианцев — всегда были бы вынуждены держаться его стороны, и с их помощью он легко мог бы обезопасить себя от тех, кто ещё оставался в Италии могущественным. Но едва оказавшись в Милане, он поступил наоборот, оказав помощь папе Александру, чтобы тот захватил Романью.

И не заметил он, что этим решением ослабляет самого себя, лишаясь друзей и тех, кто бросился к нему в объятия, а Церковь возвеличивает, прибавляя к духовной власти, дающей ей такой огромный авторитет, не меньшую светскую власть. Совершив же первую ошибку, он был вынужден идти по этому пути и дальше — вплоть до того, что, чтобы положить предел честолюбию Александра и не дать ему стать властителем Тосканы, сам был вынужден прибыть в Италию. И мало ему было возвеличить Церковь и лишить себя друзей — захотев завладеть Неаполитанским королевством, он поделил его с королём Испании; и там, где прежде он сам был верховным арбитром Италии, он посадил себе соправителя, чтобы честолюбцам этой страны и недовольным им людям нашлось к кому прибегнуть; и там, где он мог оставить в том королевстве короля — своего данника, он сверг его, чтобы посадить туда такого, кто способен был изгнать его самого. Поистине, желание приобретать — вещь в высшей степени естественная и обычная, и всякий раз, когда за это берутся люди, которым это по силам, их за это похвалят, а не осудят; когда же сил нет, а сделать это хотят во что бы то ни стало, — тут-то и заключены порицание и ошибка. Итак, если Франция собственными силами могла напасть на Неаполь, она должна была это сделать; если не могла — не должна была его делить. И если раздел Ломбардии, совершённый ею с венецианцами, заслуживал извинения, поскольку позволил ей ступить ногой в Италию, то второй раздел заслуживал порицания, поскольку не оправдывался такой необходимостью.

Итак, Людовик совершил следующие пять ошибок: уничтожил менее сильных властителей; умножил в Италии могущество одного из сильных; ввёл в неё могущественнейшего чужеземца; не переселился туда жить; не вывел туда колоний. Однако и эти ошибки при его жизни ещё могли бы не повредить ему, не соверши он шестой — не отними владения у венецианцев: ведь не возвеличь он Церковь и не приведи в Италию Испанию, ослабить их было бы вполне разумно и необходимо; но, приняв те первые решения, он ни в коем случае не должен был соглашаться на их крушение [*rovina*]; ведь оставаясь могущественными, венецианцы всегда удерживали бы остальных вдали от похода на Ломбардию — как потому, что сами венецианцы не согласились бы на это иначе как при условии самим стать её властителями, так и потому, что остальные не захотели бы отнимать её у Франции, чтобы отдать венецианцам, а пойти на столкновение сразу с обоими у них не хватило бы духу. Если же кто скажет, будто король Людовик

уступил Александру Романью, а Испании — Королевство ради того, чтобы избежать войны, я отвечу уже приведёнными выше доводами: никогда нельзя допускать беспорядок ради того, чтобы избежать войны, поскольку войны так не избежишь, а лишь отложишь её к собственной невыгоде. А если кто другой сошлётся на слово, данное королём папе, — осуществить для него это предприятие в обмен на расторжение королевского брака и на кардинальскую шапку для Руанского архиепископа [*Roano*], — я отвечу тем, что будет сказано мной ниже о верности слову у князей [*la fede dei principi*] и о том, как её следует соблюдать[10].

Итак, король Людовик потерял Ломбардию оттого, что не соблюл ни одного из тех правил, которых держались другие, захватывавшие страны и желавшие их сохранить. И нет в этом никакого чуда — всё это вполне закономерно и обычно. Об этом самом предмете я говорил в Нанте с Руанским кардиналом [*Roano*], когда Валентино (так в просторечии звали Чезаре Борджа, сына папы Александра) завоёвывал Романью: когда кардинал Руанский сказал мне, что итальянцы не смыслят в войне, я ответил ему, что французы не смыслят в делах власти [*non s'intendevano dello stato*], ведь смысли они в них, они не позволили бы Церкви достигнуть такого величия. И на опыте подтвердилось, что величие в Италии и Церкви, и Испании было порождено Францией, а её собственное крушение пришло от них же. Отсюда выводится общее правило, которое никогда или лишь изредка подводит: кто становится причиной чужого могущества, тот терпит крушение, потому что могущество это создано им либо искусным старанием [*industria*], либо силой, и как то, так и другое подозрительно тому, кто обрёл могущество[11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Понятие «смешанного княжества» (*principato misto*) у Макиавелли принципиально отличается от античного учения о «смешанном строе» (*mikte politeia* у Полибия, к которому автор обращается в «Рассуждениях», I, 2): здесь речь идёт не о конституционном равновесии властей, а о составном владении, возникающем при присоединении недавно завоёванной области к старому наследственному ядру. Открывающий главу парадокс обманутых ожиданий народа задаёт трезвую антропологическую оптику трактата: политика подчинена «естественной и обычной необходимости» (*necessità naturale ed ordinaria*), принуждающей нового правителя ущемлять и противников, и бывших сторонников.
2. Король Франции Людовик XII Валуа-Орлеанский (правил в 1498–1515 гг.), предъявлявший династические права на Миланское герцогство

через свою бабку Валентину Висконти, занял Милан в сентябре — октябре 1499 г. Изгнанный герцог Лодовико Мария Сфорца по прозвищу Моро (1452–1508) уже в феврале 1500 г. отбил Милан силами нанятых на собственные средства швейцарцев (*forze proprie* в дипломатическом смысле — без участия союзных держав), но в апреле 1500 г. был предан наёмниками под Новарой и окончил дни во французском плену в замке Лош. Вторично Франция потеряла Милан лишь летом 1512 г., когда папа Юлий II сколотил против неё «Священную лигу» («весь мир» — Папскую область, Испанию, Венецию, Англию и швейцарские кантоны), вытеснившую французов из Ломбардии после пирровой победы Гастона де Фуа при Равенне (11 апреля 1512 г.).

3. Перечисленные исторические области вошли в состав домена французской короны в разное время: Нормандия — в 1204 г. при Филиппе II Августе (окончательно отвоёвана у англичан в 1450 г.), Гасконь — в 1453 г. на исходе Столетней войны, герцогство Бургундское — в 1477 г. после гибели Карла Смелого при Нанси, Бретань — посредством династических браков Карла VIII (1491) и Людовика XII (1499) с герцогиней Анной Бретонской. Замечание о «некотором несходстве в языке» точно учитывает бытование кельтского бретонского, окситанского (гасконского) и региональных ойльских диалектов, которое перекрывалось общностью феодальных обычаев (*costumi*) и сохранением местных парламентов, кутюм (*leggi*) и налоговых вольностей (*dazi*).
4. Под «турком» (*il Turco*), как было принято в итальянской дипломатии Возрождения, подразумевается османский султан — здесь Мехмед II Завоеватель (правил в 1444–1446, 1451–1481 гг.), который после взятия Константинополя в 1453 г. перенёс столицу державы на европейский берег Босфора, в сердце бывших византийских владений («Грецией», *Grecia*, гуманисты именовали совокупность балканских и эгейских земель Восточной Римской империи; к сопоставлению турецкой и французской моделей власти Макиавелли вернётся в главе IV).
5. *Gente d'arme e fanterie* — техническая формула ренессансного военного дела: *gente d'arme* (калька с фр. *gens d'armes*, «копья») обозначает тяжёлую латную кавалерию, составлявшую самую дорогостоящую ударную силу французской и итальянских армий и ложившуюся разорительным бременем постоя (*alloggiamenti*) на население завоёванных провинций. Образцом противоположной политики служат военно-земледельческие колонии Древнего Рима (*coloniae civium Romanorum* и *coloniae Latinae*).
6. Знаменитый афоризм *gli uomini si debbono o vezzeggiare o spegnere* («людей нужно либо ласкать, либо уничтожать»; глагол *spegnere* букв. значит «гасить, истреблять дотла») открыто порывает с гуманистической этикой великодушия к побеждённым, восходящей к Цицерону («Об обязанностях», I, 35; II, 23–24) и Сенеке («О милосердии»). Античным прообразом дилеммы послужил совет самнита Геренния Понтия после пленения римлян в Кавдинском ущелье — либо отпустить всё римское войско невредимым и обязать благодеянием, либо перебить всех до единого, лишив Рим сил для мести (Тит Ливий, IX, 3; подробно разобрано Макиавелли в «Рассуждениях», II, 23 как приговор пагубному «среднему пути», *via del mezzo*).

7. Римское проникновение на Балканы и в Эгеиду (изложенное у Тита Ливия в кн. XXXI–XXXVIII и у Полибия в кн. XVIII–XXI) началось с обращения Этолийского союза и других греческих общин за помощью против македонского царя Филиппа V во Второй Македонской войне (200–197 гг. до н. э., разгром Филиппа при Киноскефалах). Обойдённые при разделе плодов победы этолийцы (*per troppa ambizione*) в 192 г. до н. э. призвали в Грецию селевкидского царя Антиоха III Великого, однако римляне в Сирийской войне (192–188 гг. до н. э., битвы при Фермопилах и Магнесии) изгнали Антиоха из Европы и сломили самих этолийцев, а лояльный Ахейский союз удерживали в положении младшего партнёра вплоть до окончательного покорения Греции в 146 г. до н. э.
8. *Etica* (*febbre etica*, лат. *febris hectica*, от греч. *hektikos* — «изнуряющий, въевшийся в телесный склад») — чахоточная, или гектическая, лихорадка. Афоризм о её обратной зависимости между распознаваемостью и излечимостью заимствован Макиавелли напрямую из классической медицины Галена («О различиях лихорадок», I, 10), труды которого входили в обязательный круг университетского чтения в Италии. Перенос галеновской диагностики на «дела власти» (*cose dello Stato*) наделяет политическое «благоразумие» (*prudenzia* — расчётливую дальновидность, строго отличную от книжной или житейской «мудрости», *sapienzia*) статусом точного врачебного прогностического искусства.
9. Злая насмешка над излюбленной поговоркой флорентийских патрициев эпохи Пьеро Содерини (постоянно звучавшей в протоколах совещаний Синьории — *Consulte e Pratiche* — и запечатлённой также у Франческо Гвиччардини): *godere il beneficio del tempo* («пользоваться благодеяниями времени»), служившей оправданием выжидательного нейтралитета и нерешительности. Иронически величая носителей этой максимы «мудрецами нашего времени» (*savi de' nostri tempi*), Макиавелли противопоставляет им подлинно «благоразумных» (*prudenti*) римлян: время само по себе слепо и этически безразлично (хиазм *bene come male, male come bene*), поэтому уступать ему инициативу — значит отдавать себя на произвол фортуны.
10. Исторический узел французской политики в Италии 1499–1510 гг., который Макиавелли наблюдал воочию как дипломат. Заключив в апреле 1499 г. Блуаский договор с Венецией (уступив ей «два города» — *due terre*, т. е. укреплённый город Кремону и область Гьяра-д'Адда — ради захвата Милана, после чего от осеннего похода Карла VIII 1494 г. не осталось прежнего недоверия и к Людовику XII потянулись мелкие сеньоры Романьи и Средней Италии, включая Джованни II Бентивольо в Болонье и Катерину Сфорца — «госпожу Форли»), король тут же отдал своих новых младших союзников на расправу папе Александру VI Борджа и его сыну Чезаре Борджа в уплату за буллу о расторжении своего бездетного брака с Жанной Французской (позволившую Людовику жениться на Анне Бретонской) и за кардинальскую шапку для своего первого министра Жоржа д'Амбуаза, архиепископа Руанского (*Roano*). Уже летом 1502 г., когда отряды Борджа вторглись во владения Флоренции (захват Ареццо), Людовику пришлось спешно прибыть в Италию, чтобы обуздать разросшиеся аппетиты союзника; в 1500 г. Гранадским

договором он низложил готового платить ему дань неаполитанского короля Федериго Арагонского и привёл на юг полуострова Испанию; наконец, «шестой ошибкой» стало участие Франции в Камбрейской лиге и разгром Венеции в битве при Аньяделло (14 мая 1509 г.), уничтоживший единственный противовес папско-испанской коалиции. Отсылка «ниже о верности слову у князей» указывает на знаменитую главу XVIII.

11. Спор с кардиналом Жоржем д'Амбуазом (*il Cardinale Roano*, 1460–1510) действительно состоялся в Нанте в конце октября — начале ноября 1500 г. во время первого посольства Макиавелли к французскому двору; прозвище *il Valentino* Чезаре Борджа (1475–1507) получил по пожалованному ему Людовиком XII в 1498 г. французскому герцогству Валентинуа. Заключительная максима главы (*chi è cagione che uno diventi potente, rovina*) подводит строгий аналитический итог политике союзов с сильным партнёром: возвысившийся союзник неизбежно опасается как чужого «искусного старания» (*industria*), которое легко может обратиться против него самого, так и чужой «силы» (*forza*), ставящей его в зависимость от благодетеля.

ГЛАВА IV

Почему царство Дария, захваченное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти

Cur Darii regnum quod Alexander occupaverat a successoribus suis post Alexandri mortem non defecit

◆

Приняв во внимание трудности, с которыми сопряжено удержание новоприобретённого владения [*stato*], кто-нибудь мог бы удивиться, отчего вышло так, что Александр Великий за немногие годы стал владыкой Азии и, едва успев захватить её, умер, вследствие чего казалось разумным ожидать, что вся эта держава восстанет; тем не менее его преемники удержали её за собой и не испытали в её удержании иной трудности, кроме той, которая возникла между ними самими из-за их собственного честолюбия[1]. Отвечаю: все княжества [*principati*], о которых сохранилась память, управляются двумя различными способами [*modi*] — либо одним князем [*principe*], тогда как все остальные — слуги [*servi*], которые как служители [*ministri*] по его милости и дозволению помогают управлять этим царством; либо князем и баронами, которые занимают эту ступень не по милости властителя, а по древности крови[2]. Такие бароны имеют собственные владения [*stati*] и собственных подданных, которые признают их своими господами [*signori*] и питают к ним природную привязанность. В тех же властных укладах, которые управляются одним князем и слугами, князь обладает большей полнотой власти [*autorità*], поскольку во всей его стране нет никого, кого признавали бы высшим над собой, кроме него одного; а если и повинуются кому-либо другому, то лишь как служителю и должностному лицу, не питая к нему особой любви. Примерами этих двух различных родов правления в наши времена служат Турок и король Франции[3]. Вся монархия Турка управляется одним владыкой, остальные — его слуги; разделив своё царство на санджаки, он посылает туда различных управителей, меняя и перемещая их, как ему заблагорассудится[4]. Король же Франции поставлен среди старинного множества сеньоров [*signori*], признаваемых своими подданными и любимых ими: у них есть свои прерогативы [*preminenzie*], и король не может отнять их без опасности для себя[5]. Итак, кто рассмотрит и тот

и другой из этих властных укладов, найдёт, что приобрести державу Турка трудно, но, когда она побеждена, удержать её очень легко.

Причины, по которым трудно захватить царство Турка, состоят в том, что завоеватель не может быть призван князьями этого царства и не может надеяться облегчить своё предприятие мятежом тех, кто окружает владыку; а это вытекает из названных выше оснований. Поскольку все они — рабы [*schiavi*] и обязанные ему люди, их труднее подкупить; а даже если бы их и подкупили, от этого можно ждать мало пользы, так как по названным причинам они не способны увлечь за собой народы. Поэтому тому, кто нападает на Турка, необходимо рассчитывать, что он застанет его единым, и полагаться нужно больше на собственные силы, чем на чужие неурядицы; но стоит победить его и наголову разбить в поле, так чтобы он не мог собрать новых войск, как опасаться приходится только кровного рода князя [*il sangue del principe*]; когда же этот род истреблён, больше не остаётся никого, кого стоило бы опасаться, поскольку у остальных нет веса в народе; и как победитель до победы не мог на них рассчитывать, так после неё не должен их бояться.

Противоположное происходит в королевствах, управляемых так, как Франция: туда ты можешь легко вступить, переманив на свою сторону какого-нибудь барона этого королевства, ведь всегда находятся недовольные и желающие перемен. Такие люди, по сказанным причинам, могут открыть тебе путь в эту державу и облегчить тебе победу; однако затем, когда ты захочешь удержаться, эта победа влечёт за собой бесконечные трудности — и с теми, кто тебе помогал, и с теми, кого ты подавил. И тебе недостаточно истребить кровный род князя, потому что остаются те сеньоры, которые становятся во главе новых смут, и, не имея возможности ни удовлетворить их, ни истребить, ты теряешь эту власть [*perdi quello stato*] всякий раз, как представится благоприятный случай [*occasione*]. Теперь, если вы рассмотрите, какова была природа правления Дария, вы найдёте его сходным с царством Турка; поэтому Александру необходимо было сначала ударить на всю его мощь разом и выбить его с поля боя[6]; когда же после такой победы Дарий погиб, эта держава осталась за Александром в полной безопасности по разобранным выше причинам. И его преемники, будь они едины, могли бы пользоваться ею в безмятежном покое; и в том царстве не возникло иных смут, кроме тех, которые они сами же и вызвали. Но владениями, устроенными подобно Франции, невозможно обладать в таком спокойствии. Отсюда проис-

ходили частые восстания Испании, Франции и Греции против римлян — из-за многочисленных княжеств, существовавших в тех владениях: пока жила память о них, римляне всегда оставались неуверенными в своём обладании; когда же память о них угасла благодаря могуществу и долговечности верховного владычества [*imperio*] Рима, римляне стали надёжными их обладателями[7]. И впоследствии даже сами они, сражаясь между собой, могли каждый увлекать за собой часть этих провинций сообразно тому влиянию [*autorità*], какое каждый приобрёл внутри них; а те, поскольку кровный род их прежнего владыки угас, не признавали уже никого другого, кроме римлян. Итак, вникнув во всё это, никто не удивится ни той лёгкости, с какой Александр удержал державу Азии, ни тем трудностям, которые испытали другие в сохранении приобретённого — как Пирр и многие кроме него; и произошло это не от малой или большой доблести [*virtù*] победителя, а от разнородности самого предмета [*disformità del suggetto*][8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идёт о завоевании державы Ахеменидов (царя Дария III Кодомана) Александром Македонским в 334–330 гг. до н. э. и его внезапной смерти в Вавилоне в июне 323 г. до н. э. Флорентийский оборот *non l'avendo appena occupata* (с плеонастическим отрицанием *non … appena*) передаёт стремительность событий: Александр умер вскоре после покорения восточных сатрапий, не успев обжить империю; тем не менее в войнах диадохов (Пердикки, Антигона, Селевка, Птолемея, Лисимаха) распад произошёл из-за соперничества македонских полководцев, а не из-за успешного всеобщего восстания покорённых народов Азии.
2. Знаменитая дихотомия главы IV — первое в новоевропейской политической науке сравнительно-социологическое противопоставление патримониально-бюрократической деспотии («князь и слуги») и феодально-сословной монархии («князь и бароны»). Слово *stati* в следующей фразе (*Questi tali Baroni hanno Stati e sudditi propri*) наглядно показывает невозможность перевода *stato* модернизирующим словом «государство»: у французских баронов внутри единого королевства имеются собственные *stati* — сеньориальные владения и наследственные юрисдикции.
3. «Турок» (*il Turco*, в дипломатическом обиходе Возрождения также *il Gran Turco*) — османский султан: в годы создания трактата (1513) престол занимал Селим I Грозный (1512–1520), сменивший Баязида II. Французскую монархию Макиавелли наблюдал воочию в ходе четырёх дипломатических миссий ко двору Людовика XII (1500, 1504, 1510, 1511), обобщив свои наблюдения в очерке «О природе французов» и «Записке о делах Франции» (*Ritratto di cose di Francia*, ок. 1510).
4. Санджак (тур. *sancak*, букв. «знамя») — основная военно-административная единица Османской империи (подразделение бейлербейства),

возглавлявшаяся санджакбеем. Переходя ниже во втором абзаце от слова *servi* («слуги») к более жёсткому *schiavi* («рабы»), Макиавелли точно фиксирует природу османской системы *кул* (*kul*) и набора *девширме*: высшие сановники и военачальники Порты юридически считались личными невольниками султана и не образовывали наследственной земельной знати.

5. Наследственная знать Франции (герцоги Бретани, Бурбона, Орлеана, графы Ангулема, Фуа, д'Альбре и др.) обладала старинными вольностями и прерогативами (*preminenzie*), попытка урезать которые вызывала феодальные мятежи вроде «Лиги общественного блага» (1465) против Людовика XI или «Безумной войны» (1485–1488) в начале правления Карла VIII. Ниже во втором абзаце таких крупных территориальных магнатов Макиавелли именует также «князьями этого царства» (*Principi di quel Regno*).
6. *Urtarlo tutto, e torgli la campagna* — точная военная формула Макиавелли: поскольку централизованная монархия выступает монолитом (*unito*), завоеватель должен сокрушить её полевые армии в генеральных сражениях и лишить противника возможности держаться в открытом поле (битвы при Гранике в 334 г., Иссе в 333 г. и Гавгамелах в 331 г. до н. э., после чего Дарий III был убит в 330 г. до н. э. бактрийским сатрапом Бессом).
7. «Францией» Макиавелли по ренессансному обыкновению называет античную Трансальпийскую Галлию. Римляне десятилетиями подавляли сопротивление раздробленных племенных княжеств и городских общин в Иберии (войны от Сципиона Африканского до разрушения Нуманции в 133 г. до н. э. и кантабрийских кампаний Августа), Галлии (восстание Верцингеторига в 52 г. до н. э.) и Греции (Македонские и Ахейская войны). Следующая фраза («даже сами они, сражаясь между собой…») отсылает к гражданским войнам I в. до н. э. в Риме, когда Помпей опирался на Испанию и Восток, Цезарь — на Галлию, а Антоний и Октавиан делили провинции сообразно личному влиянию (*autorità*), нажитому там римскими полководцами.
8. Царь Эпира Пирр (319–272 гг. до н. э.) одерживал блестящие победы в Италии, на Сицилии и в Греции, но всякий раз быстро терял завоёванное, сталкиваясь со множеством самоуправляющихся полисов и племенных союзов. Заключительный термин *disformità del suggetto* заимствован из схоластического аристотелизма: *suggetto* (лат. *subiectum*) — «подлежащий материал», политическая материя, на которую направлено действие завоевателя; успех Александра и неудача Пирра объясняются не разницей в личной доблести (*virtù*), а структурным различием самой покоряемой среды.

ГЛАВА V

Каким образом следует управлять городами или княжествами, которые до того, как были захвачены, жили по своим законам

Quomodo administrandae sunt civitates vel principatus, qui antequam occuparentur, suis legibus vivebant

◆

Когда те владения [*stati*], которые приобретаются, как сказано выше, привыкли жить по своим законам и в свободе [*in libertà*], то для желающего удержать их существуют три способа [*modi*][1]. Первый — разрушить их [*rovinargli*]. Второй — лично переселиться туда. Третий — оставить их жить по собственным законам, взимая с них дань и учреждая внутри них режим немногих [*stato di pochi*], который сохранял бы их дружественными тебе[2]. Ведь такой режим, будучи создан этим князем [*principe*], знает, что не может устоять без его дружбы и мощи, и вынужден делать всё, чтобы поддержать его; да и город, привыкший жить свободным, если хотят сохранить его в целости, легче удержать с помощью его же собственных граждан, чем каким-либо другим способом.

Примером тому служат спартанцы и римляне. Спартанцы держали Афины и Фивы, учредив там режим немногих, и тем не менее потеряли их[3]. Римляне, чтобы удержать Капую, Карфаген и Нуманцию, сокрушили их [*le disfecero*] — и не потеряли[4]. Они захотели было удержать Грецию почти так же, как держали её спартанцы, сделав её свободной и оставив ей собственные законы, но это им не удалось; так что они вынуждены были сокрушить многие города этой провинции, чтобы удержать её, поскольку в действительности нет другого надёжного способа владеть ими, кроме разрушения [*rovina*][5]. И кто становится господином города, привыкшего жить свободным, и не сокрушит его, пусть ждёт, что сам будет им сокрушён, так как при восстании такому городу всегда служат прибежищем имя свободы и его старинные порядки [*ordini*], которые никогда не забываются ни за давностью времени, ни от каких благодеяний; и что бы ни делали, какие бы меры ни принимали, пока жители не разъединены и не рассеяны, не забываются ни то имя, ни те порядки, напротив — при любом повороте событий [*accidente*] к ним сразу же прибегают, как сделала Пиза

после стольких лет, проведённых ею в неволе у флорентийцев[6]. Когда же города или области привыкли жить под властью князя и кровный род его истреблён, то, с одной стороны, привыкнув повиноваться, а с другой — не имея старого князя, поставить нового из своей среды они сговориться не могут, жить свободными не умеют; поэтому они медленнее берутся за оружие, и князь с большей лёгкостью может расположить их к себе и обезопасить себя с их стороны. Но в республиках [*republiche*] больше ненависти, больше жажды мести, и память о древней свободе не даёт и не может дать им покоя; так что самый надёжный путь — уничтожить их [*spegnerle*] или поселиться в них самому[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В латинском и итальянском заголовках главы слово «княжества» (*principatus / Principati*) употреблено расширительно — в смысле политических образований вообще (ср. общее латинское заглавие трактата *De Principatibus*), хотя «жизнь по собственным законам» (*suis legibus vivere*, калька греч. *аутономия*) и «в свободе» означает именно республиканское самоуправление, что сам Макиавелли терминологически уточняет в финале главы, противопоставляя «города, привыкшие жить под властью князя» и «республики» (*Republiche*).
2. *Uno Stato di pochi* — точная флорентийская передача греческого понятия «олигархия» (букв. «правящий уклад, режим немногих»). Этот оборот служит классическим подтверждением того, что *stato* у Макиавелли означает конкретный властный режим и правящую группу, стоящую во главе города, а не безличное новоевропейское «государство».
3. После победы в Пелопоннесской войне (404 г. до н. э.) Спарта установила в Афинах олигархический режим «Тридцати тиранов», свергнутый уже в 403 г. до н. э. демократами Фрасибула; в Фивах спартанцы в 382 г. до н. э. захватили крепость Кадмею и поставили у власти узкую проспартанскую олигархию Леонтиада, которая была свергнута фиванскими заговорщиками во главе с Пелопидом (при дальнейшей поддержке Эпаминонда) в 379 г. до н. э. (источники Макиавелли — Ксенофонт, «Греческая история», и Плутарх, «Пелопид»).
4. Глагол *disfare* (букв. «раз-делать», упразднить, разрушить; отсюда жёсткая игра слов ниже: *non la disfaccia, aspetti di essere disfatto da quella* — «не сокрушит его, пусть ждёт, что сам будет им сокрушён») охватывает у Макиавелли как физическое разрушение города, так и ликвидацию его гражданской общины. Карфаген (146 г. до н. э.) и кельтиберская Нуманция (133 г. до н. э.) были стёрты римлянами с лица земли, тогда как отпавшую к Ганнибалу Капую в 211 г. до н. э. римляне сохранили как застроенное поселение для земледельцев, но полностью упразднили её сенат, народное собрание и магистратуры, уничтожив её как политическое тело (Тит Ливий, XXVI, 16; подробно разбирается Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», II, 21 и II, 23).

5. После разгрома македонского царя Филиппа V при Киноскефалах римский проконсул Тит Квинкций Фламинин на Истмийских играх 196 г. до н. э. торжественно провозгласил «свободу эллинов» с сохранением их отеческих законов (Тит Ливий, XXXIII, 32; Полибий, XVIII, 46). Однако непрекращающиеся антиримские выступления привели к упразднению Македонского царства (168 г. до н. э.) и полному разрушению Коринфа консулом Луцием Муммием в 146 г. до н. э.
6. Купленная и подчинённая Флоренцией в 1406 г., Пиза воспользовалась итальянским походом французского короля Карла VIII в ноябре 1494 г., чтобы сбросить флорентийское ярмо и восстановить республиканскую свободу, которую затем отчаянно защищала почти пятнадцать лет — вплоть до капитуляции в июне 1509 г. (причём решающую роль в организации осады и создании флорентийского ополчения сыграл сам секретарь Десяти Макиавелли). В части рукописей трактата вместо чтения печатных изданий *dopo tanti anni* («после стольких лет») стоит округлённое *dopo cento anni* («спустя сто лет», т. е. 88 лет между 1406 и 1494 гг.).
7. Замечательная риторическая асимметрия главы V: начав с холодного перечисления трёх способов (разрушение, личное проживание, лояльная олигархия), Макиавелли на примере Спарты и Рима шаг за шагом опровергает третий путь как гибельную полумеру (в скрытой полемике с гуманистической апологией милосердия и «благодеяний» — *beneficii* — у Цицерона, *De officiis*, II, 22–29, и Сенеки, *De clementia*). В то же время страстная характеристика неугасимой республиканской памяти о свободе изнутри выдаёт республиканский нерв автора «Рассуждений», породивший впоследствии (от Альберико Джентили и Руссо до Фосколо) толкование этой главы как тайного предостережения свободным гражданам о природе тирании.

ГЛАВА VI

О новых княжествах, которые приобретаются собственным оружием и доблестью

De principatibus novis qui armis propriis et virtute acquiruntur

◆

Пусть никто не удивляется, если в предстоящем рассуждении о княжествах [*principati*] совершенно новых — новых и по князю [*principe*], и по властному укладу [*stato*][1] — я буду приводить величайшие примеры: ведь поскольку люди почти всегда идут путями, проторёнными другими, и в своих действиях поступают по подражанию, причём ни держаться во всём чужих путей невозможно, ни сравняться с доблестью [*virtù*] тех, кому подражаешь, благоразумный человек [*uomo prudente*] должен всегда ступать путями, проложенными великими людьми, и подражать тем, кто был превосходнейшим из всех, чтобы, если собственная его доблесть и не достигает такой высоты, от неё всё же веяло хотя бы некоторым ароматом этого величия; и поступать подобно расчётливым [*prudenti*] лучникам, которые, видя, что место, которое они наметили поразить, слишком далеко, и зная, до какого предела доходит мощь [*virtù*] их лука[2], берут прицел гораздо выше намеченной цели — не для того, чтобы своей силой или стрелой достать до такой высоты, а чтобы с помощью такого высокого прицела осуществить свой замысел. Итак, я говорю, что в совершенно новых княжествах, где появляется новый князь, при их удержании встречается больше или меньше трудностей в зависимости от того, более или менее доблестен [*virtuoso*] тот, кто их приобретает. А так как само это событие — превращение из частного человека в князя — предполагает либо доблесть, либо фортуну [*fortuna*], то по видимости либо та, либо другая из этих двух вещей отчасти смягчает многие трудности. Тем не менее тот, кто меньше опирался на фортуну, удерживался дольше. Облегчает дело ещё и то, что такой князь, не имея иных владений, вынужден лично переселиться туда[3]. Но, переходя к тем, кто стал князем благодаря собственной доблести, а не фортуне, скажу, что превосходнейшие из них — Моисей, Кир, Ромул, Тесей и им подобные[4]. И хотя о Моисее не следовало бы рассуждать, поскольку он был простым исполнителем того, что предписывалось ему Богом, всё же он заслу-

живает восхищения хотя бы уже за одну ту благодать, которая делала его достойным беседовать с Богом.

Но если рассмотреть Кира и других, кто приобрёл или основал царства, то все они окажутся достойными восхищения; и если вникнуть в их отдельные деяния и порядки [*ordini*], они не покажутся отличными от тех, которые установил Моисей, хотя у него и был такой великий наставник[5]. И, исследуя их деяния и жизнь, мы увидим, что от фортуны они не получили ничего, кроме благоприятного случая [*occasione*], который доставил им материю, в которую они смогли ввести ту форму, какую сочли нужной; и без такого благоприятного случая доблесть их духа [*la virtù dell'animo loro*] угасла бы, а без этой доблести благоприятный случай пришёл бы напрасно[6]. Итак, Моисею необходимо было застать народ Израиля в Египте в рабстве и под гнётом египтян, чтобы эти люди, стремясь выйти из неволи, решились пойти за ним. Следовало, чтобы Ромулу не нашлось места в Альбе и чтобы при рождении его бросили на гибель, раз ему предстояло стать царём Рима и основателем этого отечества. Нужно было, чтобы Кир застал персов недовольными верховным владычеством [*imperio*] мидян, а самих мидян — размякшими и женоподобными от долгого мира. Не мог бы и Тесей явить свою доблесть, если бы не застал афинян рассеянными. Таким образом, эти благоприятные случаи сделали этих людей счастливыми, а их превосходная доблесть позволила распознать такой благоприятный случай, благодаря чему их отечество возвысилось и стало счастливейшим. Те, кто подобно им становится князем путями доблести, приобретают княжество с трудом, но с лёгкостью его удерживают; а трудности, какие они встречают при приобретении княжества, рождаются отчасти из новых порядков и способов действия [*nuovi ordini e modi*], которые они вынуждены вводить, чтобы заложить основу своей власти и собственной безопасности [*sicurtà*]. И следует иметь в виду, что нет дела, за которое труднее взяться, успех которого более сомнителен, а ведение более опасно, чем возглавить введение новых порядков. Ведь тот, кто их вводит, имеет врагами всех тех, кому выгодно жить при старых порядках, и лишь вялыми защитниками [*tepidi difensori*] — всех тех, кому было бы выгодно жить при новых порядках; а эта вялость рождается отчасти из страха перед противниками, на чьей стороне законы, отчасти же из недоверчивости людей, которые в действительности не верят в новые начинания, пока не увидят их подтверждёнными твёрдым опытом. Отсюда выходит, что всякий раз, как у врагов появляется благоприятный случай пойти

на приступ, они делают это со всей партийной страстью [*parzialmente*], а те, другие, защищаются вяло, так что вместе с ними подвергаешься гибельному риску и сам[7]. Поэтому, желая основательно разобрать эту сторону дела, необходимо исследовать, держатся ли такие устроители нового собственными силами или зависят от других — то есть нужно ли им для проведения своего дела просить, или же они могут принудить силой. В первом случае они всегда кончают плохо и ничего не доводят до конца; когда же они опираются на самих себя и способны принуждать силой, они лишь изредка подвергаются гибельному риску. Отсюда и вышло, что все вооружённые пророки [*profeti armati*] побеждали, а безоружные терпели крушение[8], поскольку, помимо сказанного, природа народов изменчива: легко убедить их в чём-либо, но трудно удержать в этом убеждении. Поэтому нужно устроить дело так, чтобы, когда они перестанут верить, можно было заставить их верить силой.

Моисей, Кир, Тесей и Ромул не смогли бы добиться долгого соблюдения своих установлений [*costituzioni*], будь они безоружны — как в наши времена случилось с братом Джироламо Савонаролой, который потерпел крушение в своих новых порядках, едва толпа начала терять к нему веру, а у него не оказалось способа ни удержать в твёрдости тех, кто верил прежде, ни заставить верить неверящих[9]. Потому-то такие люди испытывают при движении к цели огромные трудности, и все опасности встречают их в пути, так что преодолеть их необходимо с помощью доблести; но когда они их преодолели и начинают пользоваться благоговейным почитанием, истребив тех, кто завидовал их достоинству, они остаются могущественными, защищёнными, уважаемыми и счастливыми. К столь высоким примерам я хочу прибавить один пример меньшего масштаба, который всё же будет им соразмерен и которого мне будет достаточно взамен всех прочих подобных: это Гиерон Сиракузский[10]. Он из частного человека стал князем Сиракуз; и он также не получил от фортуны ничего, кроме благоприятного случая: теснимые врагами сиракузяне избрали его своим полководцем, чем он и заслужил избрание их князем; и был он наделён такой доблестью ещё в частной фортуне [*in privata fortuna*], что писавший о нём говорит: для царствования ему недоставало лишь царства. Он истребил старое войско [*milizia*], устроил новое, оставил прежние дружественные союзы, заключил новые; и как только обзавёлся союзниками и солдатами, которые принадлежали ему самому, смог на таком фундаменте возвести любое здание — так что он

приложил много труда, чтобы приобрести власть, и мало — чтобы её удержать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В соответствии с классификацией главы I Макиавелли переходит от «смешанных княжеств» (гл. III–V), присоединяемых к уже существующей державе, к княжествам «совершенно новым» (*al tutto nuovi*), где одновременно новым является и сам правитель, вышедший из положения частного лица (*di privato*), и учреждаемый им властный уклад (*stato*).
2. В одном периоде Макиавелли намеренно сталкивает гуманистическую теорию подражания великим образцам древности (*imitatio*, метафора сохраняющегося «аромата» — *rendere qualche odore*, ср. Гораций, «Послания», I, 2, 69–70) с баллистическим сравнением лучников, обозначая одним и тем же словом *virtù* и героическую политическую доблесть основателей, и физическую дальнобойную мощь лука (*la virtù del loro arco*, лат. *vis*). Это словоупотребление обнажает натуралистическое, силовое ядро понятия *virtù* у Макиавелли.
3. Текстологическое примечание: в воспроизводимом итальянском тексте (как и в ранних печатных изданиях, включая римское *editio princeps* А. Бладо 1532 г., и в части рукописей) пропущено отрицание — *per avere altri Stati* (букв. «из-за наличия других владений»). Между тем речь в главе VI идёт о людях, ставших князьями из частных лиц и не имеющих иных наследственных земель (в противоположность Людовику XII в гл. III): именно отсутствие других владений принуждает нового князя лично жить в завоёванной земле, что, согласно гл. III и V, облегчает удержание власти. В переводе принята общепризнанная в современной текстологии конъектура *per <non> avere altri stati* (критические издания Дж. Лизио, М. Казеллы, Ф. Шабо, Дж. Инглезе).
4. Четвёрка великих законодателей-основателей (Моисей, Кир II Великий, Ромул и Тесей — устроитель Афин путём синойкизма разрозненных общин Аттики) вновь появится в заключительной главе XXVI как прообраз грядущего избавителя Италии. Античные источники Макиавелли: для Ромула и Тесея — парные жизнеописания Плутарха («Тесей» и «Ромул») и Тит Ливий (I, 4–7); для Кира — Геродот (I, 95–130, в латинском переводе Лоренцо Валлы), Юстин (I, 4–6) и «Киропедия» Ксенофонта (в латинской версии Поджо Браччолини).
5. Дерзкий риторический ход Макиавелли: внешне почтительная оговорка о богоизбранности Моисея тут же снимается прямым уравнением его земных «деяний и порядков» (*azioni e ordini*) с политической практикой языческих основателей царств, причём Бог именуется светским гуманистическим словом *precettore* («наставник»). В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» (III, 30) Макиавелли без обиняков напишет, что для утверждения своих законов и порядков Моисей вынужден был умертвить огромное множество завистников и противников (ср. Исх. 32:27–28).
6. Знаменитый синтез аристотелевского гилеморфизма («материя» — *materia* — как исторически бедственное состояние народа и «форма» —

forma — как задуманный основателем политический строй) с ренессансной символикой *Occasio* (греч. *Кайрос* — мимолётный благоприятный миг, который способна распознать и схватить лишь зоркая *virtù*; ср. стихотворный диалог самого Макиавелли «Капитул о Благоприятном случае» — *Dell'Occasione*). Фортуна здесь лишена провиденциального всемогущества: её вклад сведён исключительно к поставке исходной кризисной ситуации.

7. *Lo fanno parzialmente* — важнейший флорентийский политический термин, нередко искажавшийся в переводах как «отчасти»: наречие *parzialmente* образовано от *parte* («политическая партия, сплочённая группировка») и означает «по-партийному, сомкнутым строем, со всей страстью фракционного единомыслия». Ему симметрично противопоставлены *tepidamente* и *tepidi difensori* («вялые, букв. теплохладные защитники» — ср. библейский образ теплохладности в Откр. 3:15–16, предвосхищающий тему веры и пророков в финале абзаца).
8. Афоризм о «вооружённых пророках» (*profeti armati*) переворачивает всю традицию христианских и цицероновских наставлений правителям, ставивших убеждение и нравственный авторитет выше принуждения: там, где Цицерон (*De officiis*, I, 34) противопоставлял человеческий путь слова зверскому пути силы, Макиавелли утверждает невозможность долговечного политико-религиозного обновления без опоры на собственное оружие (*armi proprie*).
9. Доминиканский проповедник Джироламо Савонарола (1452–1498), настоятель монастыря Сан-Марко, после изгнания Пьеро де Медичи в 1494 г. стал духовным вдохновителем широкой республиканской реформы во Флоренции (учреждение Большого совета — его *ordini nuovi*). Когда отлучение со стороны папы Александра VI, хозяйственные тяготы и неудавшееся «испытание огнём» в апреле 1498 г. пошатнули веру горожан, не располагавший собственной вооружённой силой Савонарола был схвачен противниками («аррабьяти»), осуждён и 23 мая 1498 г. повешен и сожжён на площади Синьории; через месяц после его казни Макиавелли вступил в должность главы второй канцелярии Флорентийской республики.
10. Гиерон II Сиракузский (ок. 306–215 гг. до н. э.) — стратег, а с ок. 269 г. до н. э. царь Сиракуз. Макиавелли опирается здесь на два античных источника: Полибия («Всеобщая история», I, 8–16), описавшего, как Гиерон избавился от буйных старых наёмников, подставив их под удар мамертинцев у реки Киамосор, набрал собственное гражданское войско и в 263 г. до н. э. сменил карфагенский союз (*amicizie antiche*) на союз с Римом (*nuove*), — и римского историка Юстина («Эпитома сочинения Помпея Трога», XXIII, 4, 15), чью заключительную эпиграмму о Гиероне ещё до воцарения (у Макиавелли — классический латинизм *in privata fortuna*, «в частной фортуне», т. е. в звании частного гражданина) трактат передаёт почти дословно: *prorsus ut nihil ei regium deesset praeter regnum* («так что из царского ему недоставало лишь царства»).

ГЛАВА VII

О новых княжествах, которые приобретаются чужими силами и благодаря фортуне

De principatibus novis qui alienis armis et fortuna acquiruntur

◆

Те, кто исключительно благодаря фортуне [*fortuna*] из частных людей становятся князьями [*principi*], с малым трудом ими становятся, но с огромным трудом удерживаются; и на пути у них нет никакой трудности, потому что туда они взлетают, но все трудности рождаются после того, как они там поставлены[1]. Таковы те, кому какое-либо владение [*stato*] пожаловано либо за деньги, либо по милости жалующего, как случилось со многими в Греции, в городах Ионии и Геллеспонта, где Дарий сделал их князьями, чтобы они держали эти города ради его безопасности и славы, а также как становились ими те императоры, которые из частных людей через подкуп солдат достигали верховного владычества [*imperio*][2]. Такие князья держатся всецело на воле и фортуне того, кто их возвысил, — а это две вещи в высшей степени изменчивые и шаткие, — и они не умеют и не могут удержать эту ступень: не умеют — потому что, если перед нами не человек великого ума и доблести [*virtù*], неразумно ожидать, чтобы тот, кто всегда жил в частном уделе [*in privata fortuna*], умел повелевать; не могут — потому что не располагают силами, которые могли бы быть им дружественны и верны. К тому же властные уклады [*stati*], возникающие внезапно, подобно всем прочим вещам в природе, которые быстро рождаются и быстро растут, не могут обрести корней и разветвлённых связей [*radici e corrispondenzie*] настолько, чтобы первая же непогода их не сгубила, — если только те, кто, как сказано, так внезапно стал князем, не обладают такой доблестью, что умеют сразу же подготовиться к сохранению того, что фортуна положила им на колени, и заложить уже потом те основания, которые другие закладывают прежде, чем становятся князьями[3].

К тому и другому из этих способов [*modi*] — как становятся князем через доблесть или через фортуну — я хочу привести два примера, бывших на нашей памяти: это Франческо Сфорца и Чезаре Борджа. Франческо должными средствами и собственной великой доблестью

из частного человека стал герцогом Миланским и то, что приобрёл ценой тысячи тягот, удержал с малым трудом. Напротив, Чезаре Борджа, в народе прозванный герцогом Валентино[4], приобрёл власть [*stato*] с фортуной отца и вместе с ней эту власть потерял, несмотря на то что он приложил все усилия и сделал всё то, что должен был сделать благоразумный и доблестный [*prudente e virtuoso*] человек, чтобы пустить корни в тех владениях, которые предоставили ему чужие оружие и фортуна. Ведь, как было сказано выше, кто не заложил оснований заранее, мог бы при великой доблести подвести их и после, хотя делается это с тяготой для архитектора и с опасностью для самого здания. Итак, если рассмотреть весь ход действий герцога, станет видно, какие мощные основания он заложил для будущего могущества; разобрать их я не считаю лишним, поскольку не знал бы, какие лучшие наставления дать новому князю [*principe nuovo*], чем пример его деяний; а если его порядки [*ordini*] не принесли ему пользы, в том не было его вины, так как произошло это из-за чрезвычайной и крайней враждебности фортуны. У Александра VI, желавшего возвысить герцога, своего сына, было немало трудностей настоящих и будущих. Во-первых, он не видел пути сделать его властителем какого-либо владения, которое не было бы владением Церкви; если же он обращался к отторжению владений самой Церкви, то знал, что герцог Миланский и венецианцы ему этого не позволят, поскольку Фаэнца и Римини уже находились под покровительством венецианцев[5]. Кроме того, он видел, что оружие Италии — и особенно то, которым он мог бы воспользоваться, — находится в руках тех, кто должен был опасаться возвышения папы; поэтому он не мог на него положиться, ведь всё оно было у Орсини, Колонна и их сторонников. Следовательно, было необходимо расстроить эти порядки и внести беспорядок во владения [*stati*] Италии, чтобы суметь надёжно овладеть частью их; это далось ему легко, так как венецианцы, побуждаемые другими причинами, уже склонялись к тому, чтобы вновь привести французов в Италию, чему он не только не воспротивился, но и облегчил это расторжением прежнего брака короля Людовика. Итак, король вступил в Италию при помощи венецианцев и с согласия Александра; и едва он оказался в Милане, как папа получил от него войско для похода на Романью, которая и была ему уступлена в силу авторитета короля.

Итак, когда герцог приобрёл Романью и разгромил род Колонна, ему, желавшему и удержать её, и двинуться дальше, препятствовали две вещи: во-первых, его оружие, которое не казалось ему верным;

во-вторых, воля Франции; то есть он опасался, как бы оружие Орсини, которым он пользовался, не отказало ему в опоре и не только не помешало бы ему приобретать новое, но и не отняло бы приобретённого, и как бы король не поступил с ним точно так же. В отношении Орсини он получил подтверждение этому, когда после взятия Фаэнцы двинулся на Болонью и увидел, как холодно они шли в это наступление. А что касается короля, то его намерения он распознал, когда, захватив герцогство Урбинское, вторгся в Тоскану: от этого предприятия король заставил его отказаться; поэтому герцог решил больше не зависеть от чужих фортуны и оружия. И первым делом он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме: всех их сторонников из числа дворян он привлёк на свою сторону, сделав их своими дворянами, и, назначив им щедрое жалованье, почтил их, сообразно достоинству каждого, военными кондоттами и наместничествами; так что за несколько месяцев в их духе привязанность к партиям угасла и целиком обратилась на герцога.

После этого, уже рассеяв людей дома Колонна, он выждал благоприятный случай [*occasione*], чтобы покончить с Орсини; случай представился ему удачно, а воспользовался он им ещё лучше: ведь Орсини, поздно спохватившись, что возвышение герцога и Церкви несёт им гибель, собрали съезд в Маджоне, в области Перуджи. Отсюда родились мятеж в Урбино, смуты в Романье и бесчисленные опасности для герцога, которые он все преодолел с помощью французов; когда же к нему вернулся авторитет, он, не доверяя ни Франции, ни иным внешним силам и не желая испытывать их в деле, обратился к обманам и сумел так искусно скрыть свои замыслы, что Орсини при посредничестве синьора Паоло примирились с ним; по отношению же к Паоло герцог не пожалел всевозможных знаков любезности, чтобы усыпить его опасения, одаривая его одеждами, деньгами и конями, — пока их простодушие не привело их в Синигалью прямо ему в руки[6]. Итак, уничтожив этих главарей и превратив их сторонников в своих друзей, герцог заложил очень прочные основания своему могуществу, владея всей Романьей вместе с герцогством Урбинским и расположив к себе все местные народы тем, что они начали вкушать собственное благополучие. А поскольку эта сторона его деяний достойна внимания и заслуживает подражания других, я не хочу обойти её молчанием.

После того как герцог занял Романью, он нашёл, что ею правили бессильные синьоры, которые скорее обирали своих подданных, чем

исправляли их, и давали им больше поводов к разобщению, чем к единению, так что вся эта область была полна разбоев, распрей и всякого иного рода бесчинств; поэтому он рассудил, что, чтобы привести её к миру и повиновению державной руке, необходимо дать ей хорошее правление. Для этого он поставил над ней мессера Ремирро де Орко, человека жестокого и скорого в действиях, которому дал полнейшую власть. Тот в короткое время привёл её к миру и единству, завоевав огромный авторитет. Затем герцог рассудил, что такие чрезмерные полномочия больше не уместны, так как опасался, что они станут ненавистными; и он учредил посреди области гражданский суд во главе с превосходнейшим председателем, где каждый город имел своего адвоката. А так как он понимал, что минувшие строгости породили к нему некоторую ненависть, то, желая очистить умы тех народов и целиком привлечь их на свою сторону, он захотел показать, что если какая-то жестокость и была допущена, исходила она не от него, а от сурового нрава его наместника. И, улучив для этого повод, он велел однажды утром выставить его разрубленным надвое на площади в Чезене, с деревянной колодой и окровавленным ножом рядом. Свирепость этого зрелища заставила те народы одновременно остаться и удовлетворёнными, и оцепеневшими [*soddisfatti e stupidi*][7]. Но вернёмся туда, откуда мы отклонились.

Итак, говорю я, поскольку герцог оказался уже достаточно могущественным и отчасти обезопасенным от текущих угроз, так как вооружился на свой лад и в значительной мере уничтожил то близлежащее оружие, которое могло ему повредить, ему, желавшему продолжать завоевания, оставалась лишь оглядка [*respetto*] на Францию: ведь он понимал, что король, поздно распознавший свою ошибку, дальнейшего продвижения не потерпит. По этой причине он начал искать новых дружественных союзов и колебаться в отношениях с Францией во время похода французов к Неаполитанскому королевству против испанцев, осаждавших Гаэту. И намерением его было обезопасить себя от французов, в чём он вскоре бы и преуспел, останься Александр в живых. Таковы были его меры в отношении текущих дел. Что же касается будущих, то ему приходилось опасаться прежде всего того, что новый преемник на престоле Церкви не будет ему другом и попытается отнять у него то, что дал ему Александр; воспрепятствовать этому он решил четырьмя способами. Во-первых, истребить все кровные роды тех синьоров, которых он лишил владений, чтобы отнять у папы эти поводы к вмешательству. Во-вторых, привлечь на

свою сторону всех дворян Рима, чтобы с их помощью, как сказано, держать папу в узде. В-третьих, подчинить своему влиянию Коллегию кардиналов насколько только возможно. В-четвёртых, приобрести до смерти папы такую обширную державную власть [*imperio*], чтобы суметь собственными силами выдержать первый натиск.

Из этих четырёх вещей к моменту смерти Александра он довёл до конца три, а четвёртую считал почти завершённой. Ведь из лишённых власти синьоров он перебил всех, до кого сумел дотянуться, и спаслись очень немногие; римских дворян он привлёк на свою сторону; а в Коллегии кардиналов имел огромную долю сторонников. Что же касается новых приобретений, то он наметил стать властителем Тосканы: он уже владел Перуджей и Пьомбино, а Пизу взял под своё покровительство. И как только ему больше не нужно было бы действовать с оглядкой на Францию (а оглядываться на неё ему уже не приходилось, так как французы были уже лишены испанцами Неаполитанского королевства, вследствие чего каждый из обоих противников был вынужден покупать его дружбу), он бросился бы в Пизу. Вслед за тем Лукка и Сиена сдавались бы сразу, отчасти из зависти к флорентийцам, отчасти из страха; у флорентийцев не оставалось бы никакого выхода; и если бы ему это удалось — а удалось бы ему это в тот же самый год, когда умер Александр, — он приобрёл бы столько сил и такой авторитет, что держался бы уже сам собой, не завися больше от чужих фортуны или силы, но опираясь лишь на собственное могущество и доблесть. Но Александр умер через пять лет после того, как герцог впервые обнажил меч. Он оставил его с одним лишь упроченным владением в Романье[8], тогда как все остальные висели в воздухе, — между двумя могущественнейшими враждебными армиями, смертельно больным. И в герцоге было столько яростной отваги и столько доблести, и так хорошо знал он, как привлекают людей на свою сторону или губят их, и настолько прочны были основания, заложенные им в такой короткий срок, что, не нависай над ним эти армии или будь он здоров, он устоял бы перед любой трудностью. А что основания его были прочны, видно из того, что Романья ждала его более месяца; в Риме, хотя и полумёртвый, он оставался в безопасности; и хотя Бальони, Вителли и Орсини явились в Рим, никто не пошёл за ними против него. Он смог добиться если не того, чтобы папой стал тот, кого он хотел, то по крайней мере того, чтобы им не стал тот, кого он не хотел. Будь же он в дни смерти Александра здоров, всё далось бы ему легко. И сам он сказал мне в те дни, когда был избран Юлий II, что

обдумал всё, что могло случиться после смерти отца, и на всё нашёл средство, кроме одного: ему никогда не приходило на ум, что в час отцовской смерти и сам он будет при смерти. Итак, сведя воедино все эти деяния герцога, я не нашёл бы в чём его упрекнуть; напротив, я считаю правильным, как я и сделал, поставить его в пример для подражания всем тем, кто благодаря фортуне и чужим оружием поднялся к верховному владычеству. Обладая великим духом [*animo grande*] и высокими устремлениями, он не мог действовать иначе; и единственным препятствием его замыслам стали краткость жизни Александра и его собственная болезнь.

Итак, кто в своём новом княжестве сочтёт необходимым обезопасить себя от врагов, приобрести себе друзей, побеждать либо силой, либо обманом [*o per forza o per fraude*], добиться того, чтобы народы тебя любили и боялись, а солдаты шли за тобой и чтили тебя, уничтожить тех, кто может или должен тебе вредить, обновить новыми приёмами старые порядки, быть суровым и благодарным [*severo e grato*], великодушным и щедрым, уничтожить неверное войско [*milizia*], создать новое, поддерживать дружбу с королями и князьями так, чтобы они охотно оказывали тебе благодеяния, а вредить решались лишь с оглядкой, — тот не сможет найти более свежих примеров, чем деяния этого человека. Единственное, в чём его можно винить, — это избрание Юлия II, при котором он сделал плохой выбор, поскольку, как сказано, не имея возможности поставить папу по своему усмотрению, он мог не допустить, чтобы папой стал тот или иной; и он никогда не должен был соглашаться на восшествие на папский престол тех кардиналов, которых он прежде обидел или которые, став первосвященниками, должны были бы его бояться. Ведь люди наносят обиды либо из страха, либо из ненависти. В числе тех, кого он обидел, были, помимо прочих, кардиналы Сан-Пьетро-ин-Винколи, Колонна, Сан-Джорджо, Асканио. Все остальные, взойдя на папский престол, должны были его бояться, за исключением Руанского кардинала и испанцев: последние — в силу родства и взаимных обязательств, первый же — в силу могущества, поскольку за ним стояло Французское королевство. Поэтому герцог прежде всего должен был провести в папы испанца, а не имея такой возможности — согласиться на избрание Руанского кардинала, но никак не Сан-Пьетро-ин-Винколи[9]. И кто верит, будто у людей великого положения [*personaggi grandi*] новые благодеяния заставляют забыть старые обиды, тот обманывается. Итак,

герцог ошибся в этом выборе, и это стало причиной его окончательного крушения [*rovina*].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В латинской рубрике главы стоит *alienis armis et fortuna* («чужим оружием и фортуной»), тогда как в итальянском подзаголовке многих изданий — *con forze d'altri e per fortuna* («чужими силами и благодаря фортуне»). Глава VII составляет зеркальную пару к главе VI: если там рассматривались князья, которые собственной доблестью (*virtù*) и собственным оружием трудно завоёвывают власть, но легко её удерживают, то здесь трактуется обратный путь — стремительный взлёт («туда они взлетают», *vi volano*) с последующей угрозой немедленного падения.
2. Греческих тиранов Ионии и Геллеспонта (Гистиея Милетского, Коэса Митиленского и др.), поставленных персидским царём Дарием I как вассальных правителей городов Малой Азии и Проливов, Макиавелли знает по «Истории» Геродота (IV, 137–138; V, 11; в латинском переводе Лоренцо Валлы) и эпитоме Юстина. Римские императоры, покупавшие пурпур у преторианцев и легионов (такие как Дидий Юлиан в 193 г.), подробнее разбираются по Геродиану в главе XIX. Также заметен каламбур на латинизме *in privata fortuna* («в частном уделе, в положении частного лица»), сталкивающий социальный статус с капризом политической фортуны.
3. Органика и архитектура сменяют друг друга в одном периоде: метафора «корней и разветвлённых связей» (*radici e corrispondenzie* — одновременно система подземных ответвлений дерева, позволяющая выдержать бурю, и сеть политических связей правителя) переходит в строительный образ фундамента (*fondamenti*), который смелый «архитектор» вынужден подводить под уже возведённое здание. Выражение *messo loro in grembo* буквально означает «положила им в подол (на колени)» — традиционный иконографический жест богини Фортуны, высыпающей дары из рога изобилия.
4. Чезаре Борджа (1475–1507), внебрачный сын папы Александра VI (Родриго Борджа). В августе 1498 г. Чезаре сложил сан кардинала Валенсии и получил от французского короля Людовика XII герцогство Валансское во Франции (*Duc de Valentinois*), отчего в Италии в просторечии именовался «герцогом Валентино» (*Duca Valentino*) — с характерным созвучием с прежним его титулом «кардинала Валенсийского». В обмен Александр VI буллой расторг первый брак Людовика XII с Жанной Французской, позволив королю жениться на Анне Бретонской и сохранить Бретань за французской короной. Франческо Сфорца (1401–1466) — знаменитый кондотьер, ставший в 1450 г. герцогом Миланским.
5. В настоящем переводе восстановлена ключевая клаузула авторитетных рукописей (*G*, *M* и др.): *e, se si volgeva a torre di quello della Chiesa* («если же он обращался к отторжению владений самой Церкви…»), которая в римской *editio princeps* Антонио Бладо (1532) выпала по гаплографии на повторе слова *Chiesa*. Именно эта смысловая развилка объясняет упоми-

нание Фаэнцы и Римини — папских викариатов Романьи, находившихся под фактическим протекторатом Венеции.

6. Заговор кондотьеров Чезаре Борджа (Орсини, Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, Джампаоло Бальони, Антонио да Венафро от имени Пандольфо Петруччи) оформился на съезде (*dieta*) в замке Маджоне близ Перуджи 9 октября 1502 г. Начиная с октября 1502 г. и до января 1503 г. Макиавелли находился при дворе Чезаре Борджа в качестве посланника флорентийской Синьории, лично наблюдал дипломатическую игру герцога с Паоло Орсини и развязку 31 декабря 1502 г. в Синигалье, где Вителлоццо Вителли и Оливеротто да Фермо были схвачены и в ту же ночь задушены (Паоло и герцог Гравина Орсини были казнены в январе 1503 г.). Этим событиям посвящён отдельный очерк Макиавелли «Описание способа, каким герцог Валентино умертвил Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравину Орсини».
7. Ремирро де Орко (итал. передача исп. имени Рамиро де Лорка, *Ramiro de Lorqua*, казнён 26 декабря 1502 г. в Чезене) — испанский дворецкий и генеральный губернатор Романьи с 1501 г. Учреждённый взамен его чрезвычайной власти гражданский суд (*Ruota* Романьи) возглавил выдающийся правовед Антонио Монте да Сан-Савино. Знаменитая формула *soddisfatti e stupidi* («удовлетворёнными и оцепеневшими») передаёт двойной театрально-политический эффект казни: чувство восстановленной справедливости у подданных сливается со священным ужасом (*stupore*) перед непостижимой и неотвратимой карающей властью (*braccio regio*, «державной рукой» — юридический термин для полноты верховной светской юрисдикции). Сам Макиавелли отправил депешу в Совет Десяти из Чезены в день казни, 26 декабря 1502 г., лаконично отметив, что никто толком не знает её причины, кроме воли князя, показавшего, что он «умеет делать и разжаловать людей по своему усмотрению».
8. Перевод следует рукописному и критическому чтению *lo stato di Romagna* («владение в Романье»); в печатной вульгате 1532 г. писцовое сокращение *Rom*^{a} было ошибочно раскрыто как *lo Stato di Roma* («владение в Риме»), что противоречит последующему доводу самого автора: «Романья ждала его более месяца». Две враждебные армии — французская и испанская, оспаривавшие Неаполитанское королевство; смерть Александра VI наступила 18 августа 1503 г., когда сам Чезаре тяжело болел (по-видимому, острой малярией, хотя современники подозревали отравление). В сентябре 1503 г. Чезаре сумел воспрепятствовать избранию нежелательных кандидатов и поддержал компромиссного папу Пия III (Франческо Тодескини-Пикколомини), однако тот скончался всего через двадцать шесть дней.
9. На втором конклаве осени 1503 г. (во время которого Макиавелли находился в Риме и лично беседовал с Борджа) папой Юлием II был избран кардинал Джулиано делла Ровере (с титулом церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи — *S. Pietro ad Vincula*, ум. 1513), давний враг дома Борджа, давший Чезаре ложные обещания накануне голосования. Прочие названные кардиналы: Джованни Колонна, Раффаэле Риарио (кардинал Сан-Джорджо ин Велабро), Асканио Сфорца (брат свергнутого милан-

ского герцога Лодовико Моро) и архиепископ Руанский Жорж д'Амбуаз (*Roano*, первый министр Людовика XII). Формула итогового периода *vincere o per forza o per fraude* («побеждать либо силой, либо обманом») открыто переворачивает тезис Цицерона («Об обязанностях», I, 13, 41), объявлявшего насилие льва (*vis*) и коварство лисицы (*fraus*) одинаково недостойными человека; к этой дилемме Макиавелли вернётся в главе XVIII.

ГЛАВА VIII

О тех, кто злодеяниями достиг княжеской власти

De his qui per scelera ad principatum pervenere

◆

Но поскольку из частного человека становятся князем [*principe*] ещё двумя способами, чего нельзя целиком приписать ни фортуне [*fortuna*], ни доблести [*virtù*], я не считаю возможным обойти их молчанием, хотя об одном из них можно подробнее рассуждать там, где шла бы речь о республиках[1]. Таковы случаи, когда либо каким-нибудь злодейским и нечестивым путём восходят к княжеской власти [*principato*], либо частный гражданин по благосклонности прочих своих сограждан становится князем своего отечества[2]. Говоря о первом способе, я покажу его на двух примерах — одном древнем и одном современном, — не вдаваясь иначе в суждение по существу этого предмета, поскольку считаю, что их достаточно для всякого, кто оказался бы вынужден им подражать. Агафокл Сицилийский не просто из частного, но из самого низкого и презренного удела [*d'infima ed abietta fortuna*] стал царём Сиракуз. Сын горшечника, он на всех ступенях своей фортуны неизменно вёл злодейскую жизнь. Тем не менее свои злодеяния он соединял с такой доблестью духа и тела [*virtù di animo e di corpo*], что, обратившись к военному делу [*milizia*], по ступеням службы поднялся до звания претора Сиракуз. Утвердившись в этой должности и решив стать князем и удерживать насилием и без всякого обязательства перед другими то, что было вверено ему с общего согласия, он сговорился об этом своём замысле с карфагенянином Гамилькаром, который во главе войск вёл тогда войну на Сицилии, и однажды утром созвал народ и сенат Сиракуз, словно намереваясь обсудить дела, касающиеся республики; а по условленному знаку велел своим солдатам перебить всех сенаторов и богатейших граждан из народа; когда же те были убиты, он захватил и удерживал княжескую власть над этим городом без какой-либо гражданской распри. И хотя карфагеняне дважды разбивали его и в конце концов осадили, он сумел не только отстоять свой город, но и, оставив часть своего войска для его обороны, с остальными силами вторгся в Африку, в короткий срок освободил Сиракузы от осады и поставил карфагенян в положение

крайней необходимости [*estrema necessità*]: они были вынуждены пойти с ним на мировую, удовольствоваться владением Африкой, а Сицилию оставить за Агафоклом[3].

Итак, кто рассмотрел бы деяния и доблесть [*virtù*] этого человека, тот не увидел бы ничего — или увидел бы очень немногое, — что можно приписать фортуне: поскольку, как сказано выше, не чьей-либо благосклонностью, но по ступеням военной службы, которые он выслужил ценой тысячи лишений и опасностей, пришёл он к княжеской власти и затем удерживал её столькими смелыми и опасными решениями. Нельзя вместе с тем назвать добродетелью [*virtù*] избиение своих сограждан, предательство друзей, отсутствие верности, милосердия, благочестия; такие способы действия [*modi*] способны доставить верховное владычество [*imperio*], но не славу. Ведь если принять во внимание доблесть [*virtù*] Агафокла в том, как он входил в опасности и выходил из них, и величие его духа [*grandezza dell'animo*] в перенесении и преодолении невзгод, то не видно, почему его следовало бы ставить ниже любого из превосходнейших полководцев. Тем не менее его зверская жестокость и бесчеловечность вместе с бесчисленными злодеяниями не позволяют прославлять его в ряду превосходнейших людей. Итак, нельзя приписать ни фортуне, ни добродетели [*virtù*] то, чего он достиг без участия как той, так и другой[4]. В наши времена, в правление Александра VI, Оливеротто да Фермо, оставшись за много лет перед тем малолетним сиротой, был воспитан своим дядей по матери, по имени Джованни Фольяни, и в ранней юности отдан на военную службу под начало Паоло Вителли, чтобы, пройдя его выучку, он достиг какого-нибудь высокого положения в военном деле. Затем, после смерти Паоло, он служил под началом его брата Вителлоццо и в кратчайший срок, будучи находчив умом и крепок как телом, так и духом, стал одним из первых людей в его войске. Но поскольку состоять при других казалось ему делом рабским, он замыслил при помощи нескольких граждан Фермо, которым рабство отечества было милее его свободы, и при поддержке дома Вителли захватить Фермо; и он написал Джованни Фольяни, что, пробыв много лет вдали от дома, хочет приехать повидать его и родной город, а заодно отчасти осмотреть своё отцовское наследство. А так как трудился он не ради чего иного, как ради того, чтобы приобрести честь, то, чтобы сограждане увидели, что время потрачено им не напрасно, он хочет явиться в почётном виде и в сопровождении сотни всадников из числа своих друзей и слуг; поэтому он просил дядю распорядиться, чтобы жители

Фермо приняли его с почётом, ведь это принесёт честь не только ему самому, но и Джованни, раз он его воспитанник.

Поэтому Джованни не преминул оказать племяннику всякое должное внимание и, устроив ему почётную встречу со стороны жителей Фермо, поселил его в собственном доме; там Оливеротто, проведя несколько дней и подготовив всё необходимое для своего будущего злодеяния, устроил торжественнейший пир, куда пригласил Джованни Фольяни и всех первых людей Фермо. Когда же подошли к концу перемены блюд и все прочие увеселения, какие бывают на подобных пирах, Оливеротто с умыслом завёл важные речи, рассуждая о величии папы Александра и его сына Чезаре и об их предприятиях; когда Джованни и остальные стали отвечать на эти речи, он вдруг поднялся, сказав, что о таких вещах следует говорить в более уединённом месте, и удалился во внутреннюю комнату, куда Джованни и все остальные граждане последовали за ним. И не успели они рассесться, как из потайных укрытий этой комнаты выскочили солдаты и перебили Джованни и всех остальных. После этого убийства Оливеротто вскочил на коня, проскакал с отрядом по городу и осадил во дворце верховный магистрат, так что из страха все были вынуждены повиноваться ему и утвердить правительство, в котором он стал князем. А перебив всех тех, кто, будучи недоволен, мог ему повредить, он укрепил себя новыми гражданскими и военными порядками [*nuovi ordini civili e militari*] — так что за тот год, в продолжение которого он удерживал княжескую власть, он не только оставался в безопасности в городе Фермо, но и стал грозен для всех своих соседей; и сокрушить его было бы так же трудно, как и Агафокла, если бы он не дал обмануть себя Чезаре Борджа, когда тот в Синигалье, как сказано выше, захватил Орсини и Вителли; там, схваченный вместе с остальными через год после совершённого отцеубийства, он и был задушен вместе с Виттелоццо, которого имел наставником в своих доблестях и злодеяниях [*delle virtù e scelleratezze sue*][5].

Кто-нибудь мог бы задаться вопросом: отчего вышло так, что Агафокл и кое-кто ему подобный после бесчисленных предательств и жестокостей смог долгие годы жить в безопасности в своём отечестве и обороняться от внешних врагов, а сограждане ни разу не составили против него заговора, между тем как многие другие посредством жестокости не смогли даже в мирные времена удержать власть [*mantenere lo stato*], не говоря уже о шатких временах войн? Полагаю, что происходит это от жестокостей, применённых плохо или хорошо [*crudeltà*

male usate o bene usate]. Хорошо применёнными — если о зле позволительно сказать «хорошо» — можно назвать те, которые совершаются один-единственный раз по необходимости [*necessità*] обезопасить себя и в которых затем больше не упорствуют, но обращают их к наибольшей возможной пользе подданных. Плохо же применённые — это те, которые, хотя вначале и немногочисленны, со временем скорее разрастаются, чем угасают[6]. Те, кто будет держаться первого способа, ещё могут перед Богом и перед людьми найти для своей власти какое-то спасительное средство, как нашёл Агафокл[7]. Остальным же удержаться невозможно. Отсюда следует заметить, что, захватывая владение [*stato*], тот, кто им овладевает, должен продумать все жестокости и совершить их разом — и для того, чтобы не приходилось возвращаться к ним каждый день, и для того, чтобы, не возобновляя их, иметь возможность успокоить людей и привлечь их на свою сторону благодеяниями. Кто поступает иначе по робости или по плохому совету, тот всегда вынужден держать нож в руке и никогда не может опереться на своих подданных, так как те из-за непрестанных и свежих обид не могут чувствовать себя с ним в безопасности. Ведь обиды нужно наносить все разом, чтобы, меньше распробованные на вкус, они меньше ранили; благодеяния же следует оказывать понемногу, чтобы их лучше распробовали[8]. И прежде всего князь должен жить со своими подданными так, чтобы никакой поворот событий — ни к плохому, ни к хорошему — не вынуждал его менять поведение: ведь когда в тяжёлые времена наступает необходимость, со злом ты уже опоздал, а добро, которое ты делаешь, тебе не приносит пользы, так как его сочтут вынужденным и никакой благодарности ты за него не получишь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идёт о «гражданском княжестве» (*principato civile*, предмет главы IX), вырастающем из борьбы республиканских партий знати и народа. Оговорка «там, где шла бы речь о республиках» перекликается с первой фразой главы II и указывает на замысел или начатые наброски «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» (*Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*), над которыми Макиавелли работал параллельно с «Князем» в 1513 г.
2. Парная формула *via scellerata e nefaria* соединяет два римских правовых и сакральных понятия: *scelus* (тягчайшее уголовное злодеяние против человеческого общежития) и *nefas* (нечестивое святотатство, попирающее божественный закон — например, вероломное убийство сограждан

в храме или родни за пиршественным столом). Тем самым тема главы сразу выводится за рамки обычного военного захвата.

3. Агафокл (361–289 до н. э.) — тиран Сиракуз с 317 г. до н. э., принявший в 304 г. до н. э. царский титул (*basileus*). Основной источник Макиавелли — XXII книга «Эпитомы сочинения Помпея Трога» римского историка Юстина (XXII, 1–8; ср. также оценки Агафокла у Полибия, IX, 23 и XV, 35); именно из латинского текста Юстина происходит передача греческой должности стратега-автократора римским термином «претор» (*Praetor Syracusis — Pretore di Siracusa*). Дерзкая экспедиция Агафокла в Африку (310–307 до н. э.) во время карфагенской осады Сиракуз служила гуманистам хрестоматийным аналогом африканского похода Сципиона Старшего против Ганнибала.
4. Знаменитый «парадокс Агафокла» строится на намеренном столкновении двух значений слова *virtù* внутри одного абзаца. Сначала и в середине рассуждения Макиавелли признаёт за Агафоклом выдающуюся «доблесть духа и тела» (*virtù di animo e di corpo*) и полководческое величие духа (*grandezza dell'animo*), ставящие его вровень с величайшими военачальниками; но тут же оговаривает, что вероломную резню сограждан «нельзя назвать добродетелью» (*virtù* в классическом смысле римской *virtus* и гуманистической этики), поскольку она приносит *imperio* (фактическое верховное владычество), но лишает *gloria* (бессмертной гражданской славы). Этим расколом понятия Макиавелли подрывает фундаментальное тождество *honestum* (нравственно прекрасного), *utile* (полезного) и истинной славы у Цицерона (*Об обязанностях*, II, 7, 23–24; II, 12, 43).
5. Оливеротто Эуффредуччи да Фермо (1475–1502) учился военному ремеслу у кондотьера Паоло Вителли (казнённого флорентийцами за измену в 1499 г.) и его брата Вителлоццо. Переворот в Фермо произошёл 8 января 1502 г.; оборот оригинала *corse la terra* («проскакал с отрядом по городу») — техническое выражение итальянских хроник для вооружённого конного проезда по улицам и площадям с боевым кличем в знак установления новой синьории. «Отцеубийством» (*parricidio*) расправа над Джованни Фольяни названа в строгом смысле римского *parricidium*, охватывавшего убийство не только родителей, но и близких кровных родственников и воспитателей; ровно год спустя, в ночь с 31 декабря 1502 на 1 января 1503 г., Оливеротто и Вителлоццо были задушены по приказу Чезаре Борджа в Синигалье (см. прим. 6 к главе VII). Замечательна горькая ирония четырёхкратного повтора слов с корнем *onore* («честь», «в почётном виде», «с почётом») в письме племянника-убийцы и заключительной пары *maestro delle virtù e scelleratezze sue* («наставник в доблестях и злодеяниях»).
6. Разграничение «жестокостей, применённых хорошо или плохо» (*crudeltà bene usate o male usate*), снабжённое вызывающей оговоркой *se del male è lecito dire bene* («если о зле позволительно сказать „хорошо“»), — один из самых радикальных разрывов Макиавелли с антично-христианской традицией «зерцал князей», и прежде всего с трактатом Сенеки «О милосердии» (*De clementia*, I, 8–13). Если у Сенеки тирана от истинного правителя отличает именно применение жестокости (которая по

самой природе тирании неудержимо множится от страха к страху), то Макиавелли переводит оценку жестокости из моральной плоскости в инструментально-временную: решающим оказывается её однократная хирургическая дозировка ради общей стабилизации порядка.

7. Дерзкий оборот *con Dio e con gli uomini allo Stato loro avere qualche rimedio* («перед Богом и перед людьми найти для своей власти какое-то спасительное средство») полемически соединяет язык церковного покаяния с холодным расчётом удержания режима (*stato*): даже небесный и людской суд, по мысли Макиавелли, в конечном счёте считается с тем, сумел ли узурпатор превратить первоначальное насилие в прочный порядок и пользу подданных.
8. Сенсорно-вкусовая метафора *assaporare* («распробовать на вкус») уподобляет обиды горькому снадобью, которое следует проглотить залпом, чтобы оно меньше жгло нёбо, а благодеяния — блюду, вкус которого ценят лишь тогда, когда его пробуют не спеша. В финальном предостережении глава внезапно переходит от третьего лица («князь должен…») на прямое обращение во втором лице единственного числа («со злом ты уже опоздал…»), придавая политическому правилу интонацию неотложного практического наставления.

ГЛАВА IX

О гражданском княжестве

De principatu civili

◆

Но переходя к другой стороне дела — когда князь из числа граждан не путём злодейства или иного нестерпимого насилия, а при поддержке других своих сограждан становится князем [*principe*] своего отечества (что можно назвать гражданским княжеством [*principato civile*], причём для его достижения не требуется ни целиком доблесть [*virtù*], ни целиком фортуна [*fortuna*], а скорее удачливая хитрость [*astuzia fortunata*])[1], — скажу, что к этому княжеству приходят либо при поддержке народа [*popolo*], либо при поддержке знати [*grandi*]. Ведь в каждом городе есть эти два противоположных начала [*umori*][2], и рождаются они оттого, что народ не желает, чтобы знать им командовала и угнетала его, знать же желает командовать народом и угнетать его; а из этих двух противоположных стремлений вырастает в городах одно из трёх следствий: либо княжество, либо свобода, либо разнузданность[3]. Княжество порождается либо народом, либо знатью — смотря по тому, какой из этих двух сторон выпадает благоприятный случай [*occasione*]: ведь знатные люди, видя, что не могут устоять против народа, начинают сосредоточивать авторитет на ком-то одном из своей среды и делают его князем, чтобы в его тени дать волю своим стремлениям. Точно так же и народ, видя, что не может устоять против знати, обращает авторитет на кого-то одного и делает его князем, чтобы быть защищённым его властью [*autorità*]. Тот, кто приходит к княжеству с помощью знати, удерживается с большим трудом, чем тот, кто становится князем с помощью народа, поскольку он оказывается князем в окружении многих людей, которые считают себя равными ему, и потому не может ни командовать ими, ни распоряжаться ими по-своему. Тот же, кто приходит к княжеству при народной поддержке, оказывается в нём один и вокруг себя не имеет никого — или имеет лишь очень немногих, — кто не был бы готов повиноваться. Кроме того, знати невозможно угодить честно и без ущерба для других, народу же — вполне возможно, ведь у народа цель честнее, чем у знати: она хочет угнетать, а он — не быть угнетаемым[4]. К этому добавляется ещё и то, что от враждебного народа князь никогда не может обезопасить

себя, потому что народ слишком многочислен; от знати же обезопасить себя он может, так как она немногочисленна.

Худшее, чего князь может ждать от враждебного народа, — это быть им покинутым; но от враждебной знати он должен опасаться не только того, что она его покинет, но и того, что она сама выступит против него: ведь поскольку у знатных людей больше дальновидности и больше хитрости [*astuzia*], они всегда выигрывают время, чтобы спастись, и ищут расположения у того, на чью победу надеются. К тому же князь вынужден всегда жить с тем же самым народом, но вполне может обойтись без одних и тех же знатных лиц, поскольку способен каждый день возвышать одних и лишать положения других, а также отнимать у них авторитет и наделять им, когда пожелает. Чтобы лучше прояснить эту сторону дела, скажу, что знать следует рассматривать главным образом двояко: а именно — либо знатные люди ведут себя в своих действиях так, что целиком связывают себя с твоей фортуной, либо нет. Тех, кто связывает себя с тобой и при этом не хищен, нужно чтить и любить; тех же, кто не связывает себя, следует рассматривать опять-таки двояко: либо они поступают так по малодушию и природному недостатку духа [*animo*], и тогда ты должен привлекать их к делу, особенно тех, кто способен дать хороший совет, ведь в благополучии они приносят тебе почёт, а в невзгодах тебе нечего их опасаться; но когда они расчётливо и из честолюбия не связывают себя с тобой, это знак того, что они думают больше о себе, чем о тебе. Вот таких князь должен остерегаться и относиться к ним как к открытым врагам, потому что в невзгодах они всегда помогут погубить его. Поэтому тот, кто становится князем при поддержке народа, должен сохранять его дружбу, что будет ему легко, поскольку народ не просит ничего иного, кроме как не быть угнетаемым. Тот же, кто наперекор народу становится князем при поддержке знати, должен прежде всего прочего стараться привлечь на свою сторону народ, что будет ему легко, когда он возьмёт его под свою защиту. А так как люди, получая добро от того, от кого ждали зла, чувствуют себя сильнее обязанными своему благодетелю, то подвластный народ становится к нему ещё более благосклонен, чем если бы он пришёл к княжеству при его поддержке; привлечь же его к себе князь может многими способами [*modi*], но поскольку они меняются в зависимости от обстоятельств, дать для них твёрдое правило невозможно, а потому мы оставим их в стороне.

Заключу лишь тем, что князю необходимо иметь народ своим другом, иначе в невзгодах у него нет спасительного средства. Набид, князь спартанцев, выдержал осаду со стороны всей Греции и победоноснейшего римского войска и отстоял против них своё отечество и свою власть [*il suo stato*], и с наступлением опасности ему достаточно было обезопасить себя лишь от немногих[5]. Между тем если бы народ был ему враждебен, этого бы ему не хватило. И пусть никто не оспаривает этого моего мнения избитой поговоркой, будто «кто строит на народе [*populo*], строит на грязи»[6]: ведь это верно тогда, когда такое основание закладывает частный гражданин и тешит себя мыслью, будто народ вызволит его, если его станут теснить враги или магистраты; в подобном случае он нередко может оказаться обманутым, как случилось в Риме с Гракхами, а во Флоренции — с мессером Джорджо Скали[7]. Но если основание на народе закладывает князь, который способен командовать и отличается смелостью, не робеет в невзгодах, не упускает прочих приготовлений и своим духом и своими порядками [*ordini*] поддерживает бодрость во всех гражданах, — он не окажется обманутым народом и убедится, что заложил себе надёжное основание. Обычно такие княжества подвергаются опасности тогда, когда собираются перейти от гражданского порядка к неограниченному [*dall'ordine civile allo assoluto*]: ведь такие князья управляют либо лично, либо через магистратов. В последнем случае их положение у власти [*stato*] слабее и опаснее, потому что они целиком зависят от воли тех граждан, которые поставлены во главе магистратур и которые — особенно в неблагоприятные времена — могут с величайшей лёгкостью отнять у них власть, либо выступив против них, либо не повинуясь им; а князь среди опасностей уже не успевает взять в руки неограниченную власть [*autorità assoluta*], поскольку граждане и подданные, привыкшие получать приказы от магистратов, не станут в подобных передрягах подчиняться его собственным приказам, и в смутные времена ему всегда будет не хватать людей, на которых можно положиться. Ведь такой князь не может полагаться на то, что видит в спокойные времена, когда граждане нуждаются во властном укладе [*stato*]: тогда всякий спешит, всякий обещает, и каждый хочет умереть за него, пока смерть далеко; но в неблагоприятные времена, когда властный уклад нуждается в гражданах, их находится немного. И опыт этот тем опаснее, что проделать его можно лишь однажды. Поэтому мудрый князь должен найти такой способ, благодаря которому его граждане всегда и при всяком обороте и свойстве времён [*qualità di*

tempo] нуждались бы в его властном укладе [*stato di lui*], — и тогда они всегда будут ему верны[8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Переход «к другой стороне дела» (*all'altra parte*) продолжает дихотомию начала главы VIII, где Макиавелли выделил два особых пути возвышения частного человека помимо чистой доблести (*virtù*) и чистой фортуны (*fortuna*): путь злодейства (Агафокл, Оливеротто да Фермо) и путь возвышения при поддержке сограждан. Чтение старопечатных изданий (Бладо, Джунти 1532 г., традиция *Testina*) *un Principe cittadino* («князь из числа граждан») в лучших рукописях соответствует *uno privato cittadino* («частный гражданин»). Формула *astuzia fortunata* («удачливая хитрость») схватывает специфику неформального гражданского принципата — прежде всего режима Козимо Старого и Лоренцо Великолепного де Медичи во Флоренции XV века, сочетавших закулисное манипулирование избирательными сумками с благоприятной конъюнктурой.
2. *Umori* (букв. «гуморы, телесные соки») — ключевая медицинская метафора политической антропологии Макиавелли, восходящая к гиппократовско-галеновской гуморальной патологии и перенесённая на гражданский организм (*corpo misto*). В отличие от классической гуманистической мысли (Цицерон, Леонардо Бруни, Маттео Пальмиери), видевшей в сословном расколе болезнь полиса, которую необходимо искоренить единодушием (*concordia ordinum*), Макиавелли признаёт антагонизм двух непримиримых «гуморов» — знати (*grandi*) и народа (*popolo*) — имманентной и неустранимой природой всякого города (ср. «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», I, 4–5).
3. Триада *Principato, Libertà, Licenza* («княжество, свобода, разнузданность») преобразует античную схему простых и извращённых конституций (Полибий, «Всеобщая история», VI, 3–9): если равновесие противоборствующих сословных начал удерживается законами и институтами, возникает республиканская «свобода»; если верх берёт сосредоточенная в одних руках защита одного сословия от другого — «княжество»; если же взаимная вражда разрушает всякую узду — «разнузданность» (*licenza*), то есть охлократический или олигархический произвол.
4. Тезис о большей «честности» (*più onesto fine*) народного устремления носит у Макиавелли не сентиментально-морализаторский, а строго структурный характер: притязание знати активно и ненасытно (оно требует господства и передела чужого достояния, то есть *ingiuria d'altri*), тогда как требование народа чисто негативно — безопасность жизни, имущества и чести семьи (ср. гл. XVII и XIX; «Рассуждения», I, 5 и I, 16). Здесь Макиавелли демонстративно порывает с аристократическим недоверием к «черни», господствовавшим у античных историков (Тит Ливий) и флорентийских оптиматских теоретиков.
5. Набид (ум. 192 до н. э.) — правитель Спарты в 207–192 гг. до н. э., проводивший радикальные меры по переделу земель, казням олигархов и освобождению илотов. В античной историографии (Полибий, XIII, 6–8; Тит Ливий, XXXIV, 22–40) Набид неизменно изображался кровавым

«тираном»; Макиавелли же вызывающе именует его «князем спартанцев» (*Principe degli Spartani*, как и в «Рассуждениях», I, 10 и I, 40 рассматривая его с чисто силовой стороны). Осада Спарты объединённым войском римского проконсула Тита Квинкция Фламинина и Ахейского союза произошла в 195 г. до н. э.: перед приступом Набид арестовал и казнил около восьмидесяти знатных спартанцев, заподозренных в измене (*assicurarsi di pochi* — типичный для Макиавелли холодный эвфемизм политической расправы, букв. «обезопасить себя от немногих»; ср. Ливий, XXXIV, 27), и сумел сохранить власть по условиям мира.

6. Флорентийская пословица *chi fonda in sul populo fonda in sul fango* построена на жёсткой аллитерации (*fonda … fonda … fango*). Полемизируя с общим местом оптиматской мудрости, Макиавелли разграничивает безоружного демагога внутри республиканского строя и облечённого правом принуждения князя.
7. Братья Тиберий (убит в 133 до н. э.) и Гай (погиб в 121 до н. э.) Семпронии Гракхи — римские народные трибуны, покинутые плебсом в решающий момент вооружённой расправы сенатской олигархии (ср. «Рассуждения», I, 37). Мессер Джорджо Скали — вождь популярной партии во Флоренции после восстания чомпи; в январе 1382 г., попытавшись силой освободить своего соратника Томмазо Строцци, он был предан прежними сторонниками и обезглавлен. В «Истории Флоренции» (III, 20) Макиавелли вкладывает в уста казнимого Скали горькие упрёки народу в непостоянстве, здесь же даёт этому эпизоду аналитическую переоценку: Скали погиб потому, что опирался на толпу как частный гражданин без собственных институтов командования.
8. Скрытый ориентир всего заключительного рассуждения — непрочность косвенного «гражданского» правления Медичи во Флоренции (крушение Пьеро де Медичи в ноябре 1494 г., когда магистратуры в одночасье отказали ему в повиновении) и обращённый к вернувшимся в 1512 г. Медичи намёк на шаткость управления через республиканских посредников. В концовке печатная традиция даёт чтение *abbino bisogno dello Stato di lui* («нуждались бы в его властном укладе»), тогда как ряд авторитетных рукописей читает *dello stato e di lui* («во властном укладе и в нём самом»); в обоих вариантах *stato* означает не обезличенное новоевропейское «государство», а конкретный режим личного господства князя.

ГЛАВА X

Каким образом следует измерять силы всех княжеств

Quomodo omnium principatuum vires perpendi debeant

◆

Исследуя свойства этих княжеств [*principati*], следует принять во внимание ещё одно соображение: а именно — обладает ли князь [*principe*] столь значительной державой [*tanto stato*], что в случае нужды способен держаться собственными силами [*per sè medesimo reggersi*], или же он всегда испытывает необходимость [*necessità*] в защите со стороны других[1]. И чтобы лучше прояснить эту сторону дела, скажу: способными держаться собственными силами я признаю тех, кто благодаря обилию либо людей, либо денег в состоянии собрать полноценное войско [*esercito giusto*] и дать генеральное сражение [*fare una giornata*] всякому, кто явится напасть на них[2]; и точно так же всегда нуждающимися в других я признаю тех, кто не может выйти против неприятеля в открытое поле, а вынужден укрываться за стенами и оборонять их. О первом случае уже шла речь, а в дальнейшем мы скажем ещё то, что потребуется. Во втором же случае нельзя сказать ничего иного, кроме как убеждать таких князей снабжать и укреплять собственный город [*terra*], а сельскую округу вовсе не брать в расчёт[3]. И на всякого, кто хорошо укрепит свой город, а в остальных делах управления поведёт себя с подданными так, как сказано выше и будет сказано ниже, всегда будут нападать не иначе как с большой оглядкой [*con gran rispetto*]; ведь люди всегда враждебны начинаниям, в которых видна трудность, и невозможно усмотреть лёгкость в нападении на того, чей город мощно укреплён и кого не ненавидит народ.

Города Германии в высшей степени свободны, имеют небольшую сельскую округу [*contado*], повинуются императору, когда сами того хотят, и не боятся ни его, ни другого сильного властителя вокруг себя, потому что укреплены таким образом, что каждый считает их взятие делом затяжным и трудным: ведь у всех них есть добротные рвы и стены, есть в достатке артиллерия, и в общественных погребах у них всегда припасено на целый год и еды, и питья, и топлива[4]. Кроме того, чтобы иметь возможность прокормить простонародье без убытка для казны, они всегда держат в общем запасе на год

вперёд всё нужное, чтобы дать ему работу в тех ремёслах, которые составляют нерв и жизнь такого города и в которых простой народ кормится своим усердием [*industria*]; к тому же военные упражнения они держат в почёте и на этот счёт имеют множество порядков [*ordini*] для их поддержания. Итак, князь, владеющий крепким городом и не вызывающий к себе ненависти, не может подвергнуться нападению; а если бы всё же нашёлся тот, кто на него нападёт, он ушёл бы с позором, потому что дела в этом мире настолько переменчивы, что почти невозможно, чтобы кто-либо смог целый год простоять с войсками в бездействии, осаждая его полевым лагерем. А если кто возразит, что когда у народа владения находятся за стенами и он увидит, как они горят, у него не хватит терпения, а долгая осада и забота о собственном благе [*carità propria*] заставят его забыть о князе[5], — я отвечу, что князь сильный и полный духа [*animoso*] всегда преодолеет эти трудности, то подавая подданным надежду, что бедствие продлится недолго, то внушая им страх перед жестокостью неприятеля, то ловко ограждая себя [*assicurandosi*] от тех, кто покажется ему чересчур дерзким.

Кроме того, неприятель, по здравому расчёту, должен жечь и разорять их округу сразу после своего прихода, то есть в то время, когда дух людей ещё горяч и рвётся к обороне; а потому князю тем меньше следует опасаться: ведь спустя несколько дней, когда пыл остынет, убытки уже нанесены, беды уже перенесены и поправить их больше нечем; и тогда граждане тем теснее сплачиваются со своим князем, полагая, что теперь он перед ними в долгу, раз их дома сожжены, а владения разорены ради его защиты. А природа людей такова, что они связывают себя [*obligarsi*] благодеяниями, которые сами оказывают, точно так же, как и теми, которые получают[6]. Отсюда, если всё здраво взвесить, благоразумному князю [*principe prudente*] не составит труда и вначале, и впоследствии удерживать твёрдость духа своих граждан во время осады, лишь бы у него не было недостатка ни в пропитании, ни в средствах обороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выражение *avere tanto Stato* наглядно демонстрирует овеществлённо-силовую семантику слова *stato* у Макиавелли: здесь это совокупный объём территориальных владений, людских и финансовых ресурсов властителя (ср. латинский заголовок главы *vires perpendi* — «взвешивать силы»). Критерий способности «держаться собственными силами» (*per sè medesimo reggersi*) переводит аристотелевское понятие автаркии поли-

са («Политика», VII, 4–5) из социально-этической плоскости в плоскость чисто военно-стратегического расчёта.

2. *Esercito giusto* — точная калька римского военного термина *iustus exercitus* (Тит Ливий), означающего не «справедливое», а регулярное, полнокомплектное и должным образом снаряжённое полевое войско, способное принять открытый бой. *Fare una giornata* (букв. «провести день [битвы]») — устойчивый итальянский военный идиоматизм XV–XVI вв. для обозначения решительного генерального сражения в открытом поле.
3. В тосканской военно-канцелярской лексике XVI века слово *terra* означает не «землю» или «страну» вообще, а укреплённый стенами город-крепость (*città murata*), противопоставляемый сельской округе — *paese* или *contado*. Требование пренебречь защитой открытой округи и сосредоточить все силы на фортификации столицы перекликается со стратегией Перикла в начале Пелопоннесской войны (Фукидид, II, 13–14, известный Макиавелли в латинском переводе Лоренцо Валлы) и предвосхищает тезис «Рассуждений» (II, 24) и «Военного искусства» о правильной обороне укреплённых городов.
4. Сведения о вольных имперских городах Германии (*Alemagna*) почерпнуты Макиавелли из личных наблюдений во время дипломатической миссии ко двору императора Максимилиана I Габсбурга в Тироле и Швейцарии (декабрь 1507 — июнь 1508 г.), обобщённых им в аналитических записках «Рапорт о германских делах» (*Rapporto di cose della Magna*, 1508) и «Картина германских дел» (*Ritratto delle cose della Magna*, ок. 1512; ср. также «Рассуждения», I, 55). Восхищение гражданско-военным укладом и бастионно-артиллерийской обороной немецких городов служит у Макиавелли скрытым укором изнеженным и разоружённым державам и городам Италии.
5. Оборот *carità propria* («забота о собственном благе», букв. «любовь к своему») содержит тонкий иронический сдвиг богословского термина: христианская добродетель жертвенной любви к Богу и ближнему (*caritas*) выворачивается здесь в трезвое обозначение частнособственнического эгоизма горожанина, заботящегося о загородных виллах и угодьях (ср. резкое замечание в гл. XVII о том, что люди скорее простят смерть отца, чем потерю отцовского имущества).
6. Знаменитый психологический парадокс Макиавелли (*così obligarsi per li beneficii che essi fanno, come per quelli che essi ricevono*) переосмысляет античную традицию: у Фукидида в надгробной речи Перикла (II, 40, 4) и у Аристотеля в «Никомаховой этике» (IX, 7, 1167b–1168a) речь шла о благородном великодушии благодетеля, любящего облагодетельствованного как собственное творение. Макиавелли же переворачивает это наблюдение в инструмент политической техники: понесённые подданными необратимые жертвы психологически привязывают их к князю как к залогу того, что их потери не были напрасны.

ГЛАВА XI

О церковных княжествах

De principatibus ecclesiasticis

◆

В настоящее время нам остаётся поговорить лишь о церковных княжествах [*principati ecclesiastici*], в отношении которых все трудности бывают до того, как ими овладеют; ведь приобретаются они либо доблестью [*virtù*], либо фортуной [*fortuna*], а удерживаются без той и без другой, поскольку их поддерживают издавна укоренившиеся в религии порядки [*ordini anticati nella religione*], настолько могущественные и такого свойства, что держат своих князей у власти [*in istato*], как бы те ни действовали и как бы ни жили[1]. Одни лишь эти князья имеют владения [*stati*] — и не защищают их, имеют подданных — и не управляют ими; и владения, хоть и оставлены без защиты, у них не отнимаются, а подданные, хоть ими и не управляют, ничуть этим не тяготятся и не думают, да и не могут уйти из-под их власти. Итак, одни лишь эти княжества безопасны и счастливы [*sicuri e felici*][2]. Но поскольку ими правят высшие причины, до которых человеческому уму не дотянуться, я не стану говорить о них: ведь раз они возвышены и хранимы Богом, рассуждать о них было бы делом человека самонадеянного и безрассудного[3]. Тем не менее, если кто спросит меня, отчего вышло так, что Церковь в мирских делах [*nel temporale*] достигла такого величия, тогда как до Александра итальянские державы — да и не только те, которые называются державами, но и всякий барон и синьор, хотя бы самый мелкий, — в мирском отношении мало с ней считались, а теперь перед ней трепещет король Франции, и она сумела выдворить его из Италии и сокрушить венецианцев, — то, хотя всё это и известно, мне не кажется лишним отчасти освежить это в памяти.

До того как Карл, король Франции, вступил в Италию, эта страна [*provincia*] находилась под верховным владычеством [*imperio*] папы, венецианцев, короля Неаполитанского, герцога Миланского и флорентийцев[4]. Эти державы должны были иметь две главные заботы: одна — чтобы иноземец не вторгся в Италию с оружием; другая — чтобы ни одна из них не захватила себе больше владений [*più stato*]. Теми же, за кем приходилось следить пристальнее всех, были папа и венецианцы. И чтобы сдерживать венецианцев, требовался союз всех остальных, как это было при защите Феррары[5]; а чтобы держать

в бессилии папу, пользовались римскими баронами: поскольку те делились на две партии — Орсини и Колонна, — между ними вечно находился повод к распрям, и, стоя с оружием в руках прямо на глазах у первосвященника, они держали папство слабым и немощным. И хотя порой появлялся папа отважного духа [*animoso*], каким был Сикст[6], всё же ни фортуна, ни умение никогда не могли избавить его от этих стеснений. Причиной этого была краткость их жизни: ведь за десять лет, которые в среднем жил папа, он едва успевал ослабить одну из партий; и если, к примеру, один почти истреблял Колонна, то следом появлялся другой, враждебный Орсини, который давал первым вновь воспрянуть, а вторых истребить не успевал. От этого и выходило, что с мирскими силами папы в Италии мало считались. Затем появился Александр VI, который больше всех первосвященников, какие когда-либо бывали, показал, как многого папа способен добиться и деньгами, и вооружённой силой; и, имея своим орудием герцога Валентино и воспользовавшись благоприятным случаем [*occasione*] вторжения французов, он совершил всё то, о чём я рассуждал выше при разборе действий герцога. И хотя его замысел состоял в том, чтобы возвеличить не Церковь, а герцога, всё же сделанное им послужило величию Церкви, которая после его смерти, когда был сокрушён и герцог, стала наследницей его трудов[7].

Следом пришёл папа Юлий и застал Церковь уже великой, поскольку она владела всей Романьей, все римские бароны были сокрушены, а ударами Александра те партии были сведены на нет; застал он также открытым и путь к способу [*modo*] накопления денег, никогда до Александра не применявшемуся[8]. Всё это Юлий не только продолжил, но и приумножил: он задумал приобрести себе Болонью, сокрушить венецианцев и изгнать французов из Италии; и все эти начинания ему удались — и с тем большей для него славой, что делал он всё ради возвеличения Церкви, а не какого-либо частного лица. Он также удержал партии Орсини и Колонна в тех самых пределах, в каких их застал; и хотя среди них попадался иной вожак, способный затеять смуту, всё же две вещи удержали их в повиновении: первая — величие Церкви, которое внушает им робость; вторая — отсутствие у них собственных кардиналов, которые и служат источником смут между ними. Да и никогда эти партии не останутся в покое, стоит только у них появиться своим кардиналам, потому что те в Риме и за его пределами подпитывают партии, а бароны бывают вынуждены их защищать; и таким образом из честолюбия прелатов рождаются

раздоры и смуты среди баронов. Итак, Его Святейшество папа Лев застал папство могущественнейшим; и остаётся надеяться, что если те оружием сделали его великим, то он своей благостью [*bontà*] и бесчисленными другими своими добродетелями [*virtù*] сделает его величайшим и глубоко почитаемым[9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поместив главу о церковных княжествах в самый конец первой части трактата (гл. I–XI, типология княжеств), Макиавелли выводит теократические режимы за рамки обычной механики *virtù* и *fortuna*, где власть непрерывно завоёвывается и обороняется. Оговорка «как бы те ни действовали и как бы ни жили» (*in qualunque modo si procedino e vivino*) содержит прозрачный саркастический намёк на нравы ренессансной курии времён Сикста IV, Иннокентия VIII и Александра VI Борджа (в «Рассуждениях», I, 12 Макиавелли прямо обвинит Римскую церковь в порче религиозности итальянцев и политическом расколе страны).
2. Эпиграмматический период построен на четырёхкратном отрицании базовых законов политики: церковные князья не защищают владений и не управляют подданными, однако не теряют ни тех, ни других. Итоговая характеристика *sicuri e felici* («безопасны и счастливы») соединяет политическую неуязвимость (*securitas*) с богословским блаженством (*felicitas*) в тональности ледяной флорентийской иронии, контрастирующей с полным опасностей миром светских князей.
3. Классический риторический приём умолчания (*praeteritio* / *occupatio*): почтительно отстранив богословский вопрос о божественном промысле (тем более необходимая предосторожность, что на папском престоле с марта 1513 г. восседал глава дома Медичи — Лев X), Макиавелли тут же переводит разговор в плоскость сугубо светской силовой политики (*nel temporale*), анализируя финансы, фракционную борьбу баронов и военную экспансию папства точно теми же методами «действенной истины», что и любое светское княжество.
4. Описывается система итальянского равновесия сил («пентархия» — Рим, Венеция, Неаполь, Милан, Флоренция), сложившаяся после Лодийского мира 1454 г. и Италийской лиги 1455 г. и рухнувшая в сентябре 1494 г. с походом французского короля Карла VIII Валуа за неаполитанской короной. Словом *provincia* Макиавелли, следуя антично-дантовской традиции, обозначает Италию как единую историко-географическую страну.
5. Имеется в виду Феррарская («Соляная») война 1482–1484 гг., в ходе которой Венецианская республика при первоначальной поддержке папы Сикста IV попыталась захватить владения герцога Эрколе I д'Эсте; для обуздания Венеции против неё объединились Неаполь, Милан, Флоренция, а затем и сам перешедший на их сторону папа (мир в Баньоло, август 1484 г.).
6. Сикст IV (Франческо делла Ровере, папа в 1471–1484 гг.) — энергичный и воинственный понтифик, вдохновитель заговора Пацци против Ме-

дичи (1478) и непотистских войн в Центральной Италии; в 1484 г. разгромил род Колонна и казнил апостольского протонотария Лоренцо Оддоне Колонна, однако его преемник Иннокентий VIII (Джамбаттиста Чибо, 1484–1492) опёрся на врагов Орсини, благодаря чему дом Колонна быстро восстановил своё влияние. Среднюю продолжительность понтификата Макиавелли оценивает в десять лет (*ragguagliato* — купеческо-бухгалтерский термин флорентийского языка: «в среднем при расчёте»).

7. Ср. гл. VII: если там Чезаре Борджа (герцог Валентино) выступал самостоятельным образцом «нового князя», то здесь перспектива перевёрнута — герцог назван лишь «орудием» (*istrumento*) папы Александра VI (Родриго Борджа, 1492–1503), а в выигрыше по закону исторической иронии (несовпадения субъективного *intento* и объективного исхода) оказывается институт Церкви, унаследовавший завоёванную и усмирённую Борджа Романью.
8. Папа Юлий II (Джулиано делла Ровере, племянник Сикста IV, понтифик в 1503–1513 гг.) в 1506 г. лично во главе войск подчинил Перуджу и изгнал Бентивольо из Болоньи, в 1509 г. руками Камбрейской лиги сокрушил сухопутное могущество Венеции при Аньяделло, а в 1511–1512 гг. создал Священную лигу и вытеснил войска французского короля Людовика XII из Италии. Под новым «способом накопления денег», открытым при Александре VI, подразумевается систематическая продажа куриальных должностей, кардинальских шапок и юбилейных индульгенций. Спокойствие же баронских партий объяснялось тем, что Александр VI в 1503 г. устранил кардинала Баттисту Орсини (умершего в замке Святого Ангела), а после смерти кардинала Джованни Колонна в 1508 г. Юлий II воздерживался от возведения в кардинальский сан представителей обоих враждующих домов, скрепив в 1511 г. торжественное примирение римских баронов (*Pax Romana*).
9. Лев X (Джованни де Медичи, 1475–1521, сын Лоренцо Великолепного и дядя адресата окончательного посвящения трактата) был избран папой 11 марта 1513 г. — эта дата служит важным хронологическим рубежом (*terminus post quem*) создания «Князя». Заключительный придворный комплимент построен на двусмысленной игре значений слова *virtù*: если открывающая главу *virtù* (в единственном числе) означает суровую политико-воинскую доблесть Александра VI и Юлия II, то приписанные Льву X «благость и бесчисленные прочие его добродетели» (*la bontà ed infinite altre sue virtù*, во множественном числе) возвращают слову традиционный христианско-гуманистический смысл — скрывая под почтительной похвалой трезвый вопрос о том, удержат ли миролюбивые «добродетели» державу, созданную железом и деньгами (ср. гл. XV–XVIII).

ГЛАВА XII

Сколько бывает родов войска, и о наёмных солдатах

Quot sint genera militiae et de mercenariis militibus

◆

После того как я рассмотрел по отдельности все свойства тех княжеств [*principati*], о которых в самом начале решил вести речь, разобрал отчасти причины их благополучия и неблагополучия и показал способы [*modi*], какими многие пытались их приобрести и удержать, мне остаётся теперь рассмотреть в общих чертах нападение и оборону, какие могут выпасть на долю каждого из названных выше княжеств. Мы говорили выше, что князю [*principe*] необходимо иметь хорошие основания; иначе он по необходимости [*di necessità*] неизбежно придёт к крушению. Главные основания, какие имеют все властные уклады [*stati*] — как новые, так и старые или смешанные, — это хорошие законы и хорошее оружие; и поскольку не может быть хороших законов там, где нет хорошего оружия, а там, где есть хорошее оружие, неизбежно должны быть и хорошие законы, я оставлю в стороне рассуждение о законах и буду говорить об оружии[1]. Итак, я утверждаю, что оружие, которым князь защищает свою власть, бывает либо собственным [*armi proprie*], либо наёмным [*armi mercenarie*], либо вспомогательным [*ausiliarie*], либо смешанным [*miste*]. Наёмное и вспомогательное оружие бесполезно и опасно; и если кто держит свою власть на основе наёмного оружия, он никогда не будет чувствовать себя ни прочно, ни в безопасности, потому что наёмные войска разобщены, властолюбивы и лишены дисциплины, неверны, отважны среди друзей, среди врагов трусливы, нет в них ни страха перед Богом, ни верности людям; и крушение [*rovina*] откладывается лишь настолько, насколько откладывается нападение; и в мирное время тебя обирают они сами, а на войне — неприятели[2].

Причина этого в том, что у них нет ни иной привязанности, ни иного побуждения, удерживающего их в поле, кроме небольшого жалованья, которого недостаточно, чтобы заставить их желать умереть за тебя. Они вполне охотно готовы быть твоими солдатами, пока ты не ведёшь войны; но стоит начаться войне — они норовят либо бежать, либо уйти со службы. Убедить в этом мне нетрудно, поскольку

нынешнее крушение Италии вызвано не чем иным, как тем, что на протяжении многих лет она полагалась на наёмное оружие, которое когда-то принесло кое-кому некоторый успех и казалось отважным в схватках наёмников между собой; но едва появился иноземец, как наёмные войска показали, чем они были на деле. Оттого-то Карлу, королю Франции, и оказалось позволено взять Италию мелом [*col gesso*][3]; и тот, кто говорил, что причиной этого были наши грехи, говорил правду, однако это были вовсе не те грехи, о которых он думал, а те, о которых я рассказал[4]. И поскольку это были грехи князей, кару за них понесли и они сами. Я хочу ещё яснее показать пагубность этого оружия.

Наёмные военачальники либо люди превосходные, либо нет: если они таковы, ты не можешь им доверять, потому что они всегда стремятся к собственному величию — либо подавляя тебя, своего хозяина, либо подавляя других вопреки твоему намерению; если же военачальник не доблестен [*virtuoso*], он губит тебя обычным порядком. А если возразят, что всякий, у кого в руках окажется оружие, поступит точно так же, будь он наёмник или нет, я отвечу, что оружие должны применять либо князь, либо республика: князь обязан выступать лично и сам исполнять должность военачальника; республика же должна посылать своих граждан, и если пошлёт такого, который не окажется способным, она обязана сменить его, а если окажется способным — удерживать его законами, чтобы он не переступал черты. И на опыте видно, что лишь князья и вооружённые республики достигают величайших успехов, тогда как наёмное оружие никогда не приносит ничего, кроме вреда; причём республика, вооружённая собственным оружием, с куда большим трудом подпадает под власть одного из своих граждан, чем республика, вооружённая иноземным оружием. Рим и Спарта многие века оставались вооружёнными и свободными. Швейцарцы в высшей степени вооружены и в высшей степени свободны. Примером наёмного оружия в древности служат карфагеняне, которые едва не были подавлены своими наёмными солдатами по окончании Первой войны с римлянами, хотя военачальниками у карфагенян и были собственные граждане. Филипп Македонский после смерти Эпаминонда был поставлен фиванцами во главе их войска и после победы отнял у них свободу[5]. Миланцы после смерти герцога Филиппо наняли против венецианцев Франческо Сфорца, а тот, одолев неприятеля при Караваджо, соединился с ним, чтобы подавить миланцев, своих хозяев. Его отец Сфорца, состоя на

наёмной службе у королевы Джованны Неаполитанской, внезапно оставил её безоружной, отчего она, чтобы не потерять королевство, вынуждена была броситься в объятия короля Арагонского. А если венецианцы и флорентийцы в прошлом расширяли своё верховное владычество [*imperio*] с помощью такого оружия и их военачальники тем не менее не стали над ними князьями, а защищали их, я отвечу, что флорентийцам в этом деле благоприятствовала судьба [*sorte*]: ведь из доблестных военачальников, которых они могли опасаться, одни не побеждали, другие встречали противодействие, третьи обращали своё честолюбие в иную сторону. Тем, кто не победил, был Джованни Акуто[6]: раз он не побеждал, нельзя было испытать и его верность; но всякий признает, что, одержи он победу, флорентийцы оказались бы в полном его распоряжении. У Сфорца вечными противниками были браччески, так что они стерегли друг друга; Франческо обратил своё честолюбие на Ломбардию, Браччо — против Церкви и Неаполитанского королевства. Но перейдём к тому, что произошло совсем недавно.

Флорентийцы поставили своим военачальником Паоло Вителли, человека в высшей степени благоразумного [*prudentissimo*], который, выйдя из частного состояния, приобрёл величайший авторитет. Если бы он взял приступом Пизу, никто не станет отрицать, что флорентийцам пришлось бы держаться его: ведь перейди он на службу к их врагам, у них не осталось бы никакого спасения, а удерживая его у себя, они должны были бы ему повиноваться. Что же до венецианцев, то, если рассмотреть ход их возвышения, станет видно, что они действовали надёжно и славно, пока вели войну сами — то есть прежде чем обратились со своими предприятиями на сушу, — когда силами своих знатных граждан и вооружённого простонародья они действовали доблестно; но как только они начали сражаться на суше, они оставили эту доблесть [*virtù*] и последовали обычаям Италии. В начале своего расширения на суше, поскольку они ещё не имели там больших владений [*molto stato*] и пользовались огромным авторитетом, им не приходилось особенно опасаться своих военачальников; но когда они расширили владения, что произошло при Карманьоле[7], они получили наглядный урок этой ошибки: увидев его чрезвычайную доблесть после того, как под его началом разбили герцога Миланского, и, с другой стороны, распознав, насколько прохладно он ведёт войну, они рассудили, что больше не смогут с ним побеждать, поскольку он сам того не желал; а уволить его они не могли, чтобы не потерять уже приобре-

тённого, и потому вынуждены были ради собственной безопасности убить его.

Впоследствии военачальниками у них бывали Бартоломео да Бергамо, Роберто да Сан-Северино, граф ди Питильяно и им подобные, с которыми венецианцам приходилось опасаться потерь, а не ждать приобретений; так оно затем и вышло при Вайла[8], где в один день битвы они потеряли то, что за восемьсот лет с такими трудами приобрели; ведь от такого оружия рождаются лишь медленные, запоздалые и слабые приобретения — и внезапные, поистине чудесные потери. А поскольку я с этими примерами пришёл к Италии, которой уже много лет заправляет наёмное оружие, я хочу проследить его с более ранних истоков, чтобы, увидев его происхождение и развитие, легче было его исправить. Вам следует знать, что как только в эти последние времена Империя начала вытесняться из Италии, а папа обрёл в ней больший авторитет в мирских делах, Италия разделилась на множество владений [*stati*], так как многие крупные города взялись за оружие против своей знати, которая прежде при поддержке императора держала их в угнетении, а Церковь покровительствовала городам, чтобы придать себе авторитет в мирских делах; во многих же других городах их собственные граждане стали князьями. Оттого, когда Италия оказалась почти целиком в руках Церкви и нескольких республик, а те священники и другие граждане привыкли не знать оружия, они начали нанимать иноземцев. Первым, кто придал авторитет такому войску [*milizia*], был романьолец Альбериго да Коньо[9]. Из его школы вышли, среди прочих, Браччо и Сфорца, которые в своё время были вершителями дел Италии.

После них явились все остальные, кто вплоть до наших дней распоряжался оружием Италии; и итогом их доблестей стало то, что она была пройдена набегом Карлом, разграблена Людовиком, взята насилием Фердинандом и опозорена швейцарцами[10]. Порядок, которого они держались, состоял прежде всего в том, что ради возвышения собственного авторитета они лишили авторитета пехоту. Сделали они это потому, что, будучи людьми без собственных владений [*senza stato*] и живя лишь собственным усердием и предприимчивостью [*industria*], малым числом пехотинцев они не могли завоевать себе авторитет, а большое число не в силах были прокормить; поэтому они свели войско к коннице, где при посильной численности имели и пропитание, и почёт; и дело дошло до того, что в двадцатитысячном войске не набиралось и двух тысяч пехотинцев. Кроме того, они употребили

всё своё искусное старание на то, чтобы избавить и себя, и солдат от тягот и страха: в стычках они не убивали друг друга, а брали в плен, причём без выкупа. Они не нападали по ночам на укреплённые города, а осаждённые из городов не нападали по ночам на лагерные палатки; вокруг лагеря не устраивали ни частокола, ни рва, зимой в поход не выступали. И всё это позволялось их военными порядками [*ordini militari*] и было изобретено ими, чтобы избегать, как уже сказано, и тягот, и опасностей, — так что они довели Италию до рабства и позора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Главой XII открывается военный раздел трактата (гл. XII–XIV). Связывая «хорошие законы» (*buone leggi*) и «хорошее оружие» (*buone armi*) и ставя законы в прямую зависимость от силы оружия, Макиавелли радикально переворачивает как цицероновский республиканский принцип *cedant arma togae* («да уступит оружие тоге», *De officiis*, I, 77), так и каноническую формулу проэмия «Институций» Юстиниана (*Imperatoriam maiestatem non solum armis decoratam, sed etiam legibus oportet esse armatam* — «императорскому величию подобает быть не только украшенным оружием, но и вооружённым законами»). О необходимости «хороших оснований» см. выше гл. VI–VII.
2. Характеристика наёмников строится на саркастическом перевёртыше античных формул воинского нечестия (ср. портрет Ганнибала у Тита Ливия, XXI, 4, 9: *nihil veri, nihil sancti, nullus deum metus, nullum ius iurandum, nulla religio* — «ни правды, ни святыни, ни страха перед богами, ни клятвы, ни совести») и антитезе в духе Тацита (*gagliarde tra gli amici, tra li nimici vili*). Слова «в мирное время тебя обирают они сами» намекают на грабительский промысел бродячих наёмных «рот» (*compagnie di ventura*), вымогавших откупные у итальянских городов в промежутках между войнами.
3. Перевод следует подлинному чтению авторитетных рукописей и критических изданий — *col gesso* («мелом»): Макиавелли воспроизводит знаменитое изречение папы Александра VI (переданное Филиппом де Коммином, «Мемуары», VII, 14) о походе французского короля Карла VIII в 1494 г., чьи войска прошли всю Италию без боя, «с деревянными шпорами и с мелом в руках квартирьеров», лишь помечавших двери домов под постой (в печатном издании А. Бладо 1532 г. искажено в *col gesto* — «одним жестом»).
4. Скрытый полемический выпад против доминиканского проповедника Джироламо Савонаролы (1452–1498), который в своих флорентийских проповедях осени 1494 г. толковал вторжение Карла VIII как Божью кару (*flagellum Dei*) за религиозные и нравственные грехи Италии и духовенства. Макиавелли секуляризует понятие «греха» (*peccato*), превращая его в категорию политико-военной ошибки правителей.

5. Карфаген после завершения Первой Пунической войны (241 г. до н. э.) едва не погиб в ходе беспощадной Ливийской (Наёмнической) войны 241–238 гг. до н. э. (Полибий, I, 65–88). Пример Филиппа II Македонского восходит к «Эпитоме» Юстина (VIII, 2–3): во время Третьей Священной войны (356–346 гг. до н. э.) фессалийцы и фиванцы призвали Филиппа против фокидян, чем открыли ему путь к гегемонии в Средней Греции и последующему разгрому Фив при Херонее (338 г. до н. э.). Далее приведены итальянские параллели XV в.: после смерти последнего Висконти — герцога Филиппо Марии (1447) — Амвросианская республика в Милане наняла Франческо Сфорца, который разгромил венецианцев при Караваджо (15 сентября 1448 г.), но затем сговорился с ними против миланцев и в 1450 г. сам стал герцогом Милана; его отец Муцио Аттендоло Сфорца (1369–1424) в 1420 г. покинул неаполитанскую королеву Джованну II Анжуйскую, вынудив её призвать на помощь и усыновить Альфонсо V Арагонского.
6. Джованни Акуто (*Giovanni Acuto*) — итальянизированное имя английского рыцаря сэра Джона Хоквуда (ок. 1323–1394), предводителя «Белой роты», состоявшего с 1377 г. на службе Флоренции. В войне 1390–1392 гг. против миланского правителя Джан Галеаццо Висконти Хоквуд прославился искусным отступлением из Ломбардии, но решительной победы не одержал. Далее упомянуты две соперничавшие кондотьерские школы — «сфорцески» (последователи Муцио и Франческо Сфорца) и «браччески» (школа перуджийского кондотьера Браччо да Монтоне, 1368–1424), а также кондотьер Паоло Вителли, казнённый флорентийцами 1 октября 1499 г. по подозрению в измене при осаде Пизы (процесс проходил в начале службы Макиавелли во Второй канцелярии).
7. Франческо Буссоне да Карманьола (в старофлорентийской огласовке *Carmignuola*, ок. 1385–1432) — знаменитый кондотьер, перешедший со службы Филиппо Марии Висконти на службу Венеции и одержавший победу над миланцами при Маклодио (11 октября 1427 г.), после чего отпустил пленных и вёл кампанию крайне вяло. Заманив Карманьолу в Венецию, Совет десяти арестовал и обезглавил его 5 мая 1432 г. Перевод опирается на рукописное чтение *perché non voleva; né poteano licenziarlo* («поскольку он сам того не желал; а уволить его они не могли», в печатном тексте 1532 г. искажено в *non volevano*).
8. Упомянуты венецианские кондотьеры второй половины XV — начала XVI в.: Бартоломео Коллеони из Бергамо (1400–1475), Роберто да Сан-Северино (1418–1487) и Никколо Орсини, граф ди Питильяно (1442–1510). При Вайла (битва при Аньяделло 14 мая 1509 г. в войне Камбрейской лиги) венецианская армия под командованием Питильяно и Бартоломео д'Альвиано потерпела сокрушительное поражение от французов Людовика XII, в результате чего Венеция в один день утратила почти все свои материковые владения (*Terraferma*). Итальянское *giornata* означает одновременно «один день» и «генеральное полевое сражение»; эпитет *miracolose perdite* («чудесные потери») несёт едкую иронию.
9. Альберико да Барбьяно, граф ди Коньо в Романье (*Alberigo da Conio*, ок. 1348–1409; в ранних печатных изданиях ошибочно набрано *da Como*), создавший в 1379 г. чисто итальянскую наёмную «Роту святого Георгия»

(*Compagnia di San Giorgio*), в которой прошли выучку Браччо да Монтоне и Муцио Аттендоло Сфорца.

10. Четырёхчленная формула с нарастающей жёсткостью глаголов подводит итог Итальянских войн 1494–1513 гг.: поход Карла VIII Французского (1494–1495), захват Милана и раздел Неаполя Людовиком XII (1499–1512), насильственное утверждение Фердинанда Католического Арагонского в Южной Италии (*forzata* сохраняет телесный оттенок насилия над женским образом Италии) и разгром французов швейцарцами в Ломбардии (1512–1513, битва при Новаре 6 июня 1513 г.), сделавший швейцарскую пехоту фактическим хозяином Миланского герцогства. Итальянский глагол *trarre* в описании лагерных обычаев кондотьеров ниже совмещает в старофлорентийском языке значения «устремляться на приступ / делать вылазку» и «вести обстрел». Полемически заострённая картина «бескровных» войн кондотьеров (развитая Макиавелли также в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», II, 17–18, и «Истории Флоренции», V, 33; VI, 1) намеренно сгущает краски ради обоснования проекта собственной гражданской пехоты.

ГЛАВА XIII

О вспомогательных, смешанных и собственных солдатах

De militibus auxiliariis, mixtis et propriis

◆

Вспомогательное оружие [*armi ausiliarie*] — другой род бесполезного оружия — появляется тогда, когда призывают какого-нибудь могущественного властителя, чтобы он со своим оружием пришёл тебе на помощь и защиту, как поступил в недавнее время папа Юлий: увидев в феррарском предприятии, насколько плачевно показало себя его наёмное оружие [*armi mercenarie*], он обратился к вспомогательному и условился с Фердинандом, королём Испании, что тот должен помочь ему своими людьми и войсками[1]. Такое оружие само по себе может быть полезным и хорошим, но для того, кто его призывает, оно всегда пагубно: ведь проиграв, ты остаёшься разгромленным, а победив — остаёшься его пленником. И хотя древние истории полны подобных примеров, всё же я не хочу отходить от этого ещё свежего примера папы Юлия II, чьё решение не могло быть менее обдуманным: желая завладеть Феррарой, он целиком отдался в руки иноземца. Но его счастливая фортуна [*buona fortuna*] породила третью причину, чтобы он не пожал плодов своего неудачного выбора: когда его вспомогательные войска были разбиты при Равенне, внезапно поднялись швейцарцы, которые вопреки всякому ожиданию — и его собственному, и чужому — изгнали победителей; и так вышло, что он не остался ни пленником неприятелей, поскольку те были обращены в бегство, ни пленником своих вспомогательных войск, поскольку победил другим оружием, а не их силами[2].

Флорентийцы, будучи совершенно безоружными, привели под Пизу десять тысяч французов, чтобы взять её приступом; и из-за этого решения они подверглись большей опасности, чем в какое-либо другое время своих невзгод[3]. Император Константинопольский, чтобы противостоять своим соседям, ввёл в Грецию десять тысяч турок, которые по окончании войны не пожелали оттуда уходить; и это стало началом рабства Греции под властью неверных[4]. Итак, кто желает лишить себя возможности победить, пусть пользуется этим оружием, так как оно гораздо опаснее наёмного: в нём твоё крушение [*rovina*]

уже готово — эти войска все сплочены, все обращены к повиновению другому; тогда как наёмным войскам, чтобы после одержанной победы причинить тебе вред, требуется больше времени и более весомый благоприятный случай [*occasione*], поскольку они не составляют единого тела, а набраны и оплачиваются тобой самим, и сторонний человек, которого ты ставишь во главе их, не может сразу приобрести столь большую власть над ними, чтобы тебе навредить. Словом, в наёмном оружии опаснее трусливая косность, а во вспомогательном — доблесть [*virtù*]. Поэтому мудрый князь [*principe savio*] всегда избегал такого оружия и обращался к собственному [*armi proprie*], предпочитая скорее проиграть со своим, чем победить с чужим, и считая ненастоящей ту победу, которая добыта чужим оружием. Я никогда не поколеблюсь приводить в пример Чезаре Борджа и его действия.

Этот герцог вступил в Романью со вспомогательным оружием, ведя туда сплошь французские отряды, и с ними взял Имолу и Форли; но затем, рассудив, что такое оружие ненадёжно, он обратился к наёмному, усматривая в нём меньшую опасность, и нанял Орсини и Вителли; когда же на деле обнаружил, что и оно сомнительно, неверно и опасно, он уничтожил его и обратился к собственному. И легко увидеть, какова разница между тем и другим оружием, если сопоставить, каков был авторитет герцога в то время, когда он держал Орсини и Вителли, и каков — когда он остался со своими солдатами и с опорой лишь на самого себя: обнаружится, что авторитет его неизменно возрастал; и никогда с ним по-настоящему высоко не считались до тех пор, пока всякий не увидел, что он — безраздельный хозяин своего оружия. Я не хотел удаляться от примеров итальянских и свежих, однако не желаю обойти молчанием и Гиерона Сиракузского, раз он один из тех, кого я уже упоминал выше[5]. Будучи, как я уже сказал, поставлен сиракузянами во главе войск, он сразу распознал бесполезность того наёмного войска [*milizia mercenaria*], так как его предводители были скроены на тот же лад, что и наши итальянские; и, сочтя, что не может их ни держать при себе, ни отпустить, он велел всех их изрубить на куски, а затем вёл войну своим оружием, а не чужим. Хочу также напомнить один прообраз из Ветхого Завета, приходящийся как раз к этому случаю.

Когда Давид вызвался перед Саулом выйти на бой с Голиафом, филистимским зачинщиком поединка, Саул, чтобы придать ему духу [*animo*], надел на него собственные доспехи; но Давид, едва примерив их на себя, отказался от них, сказав, что в них не сможет как следу-

ет владеть собой, а потому хочет встретить неприятеля со своей пращой и со своим ножом[6]. Словом, чужие доспехи либо сваливаются с плеч, либо давят своей тяжестью и жмут. Карл VII, отец короля Людовика XI, освободив благодаря своей фортуне и доблести Францию от англичан, осознал эту необходимость [*necessità*] вооружиться собственным оружием и учредил в своём королевстве постоянный строй тяжёлой конницы и пехоты[7]. Затем сын его, король Людовик, упразднил пехотный строй и начал нанимать швейцарцев; и эта ошибка, продолженная другими королями, стала, как видно теперь на деле, причиной опасностей, грозящих тому королевству. Ведь подняв авторитет швейцарцев, он принизил и лишил боевого духа всё собственное войско: пехоту он вовсе свёл на нет, а свою тяжёлую конницу привязал к чужому оружию, так как, привыкнув воевать бок о бок со швейцарцами, французские латники уже не думают, что способны побеждать без них.

Отсюда выходит, что французы против швейцарцев выстоять не в силах, а без швейцарцев против других не показывают себя в бою. Итак, войска Франции стали смешанными [*armi miste*] — отчасти наёмными, отчасти собственными; взятые все вместе, такие войска гораздо лучше чисто наёмных или чисто вспомогательных, но намного уступают собственным. И достаточно приведённого примера, ведь королевство Франция было бы непобедимым, если бы порядок [*ordine*], заведённый Карлом, развивали или хотя бы сохранили. Но малое благоразумие [*prudenza*] людей даёт начало делу, которое, имея поначалу приятный вкус, не обнаруживает таящегося под ним яда, как я говорил выше о чахоточных лихорадках. Поэтому если тот, кто стоит во главе княжества [*principato*], распознаёт беды лишь тогда, когда они уже выходят наружу, он не обладает истинной мудростью; и дано это немногим[8]. И если рассмотреть первопричину крушения Римской империи, то окажется, что состояла она исключительно в том, что на службу начали нанимать готов, потому что с этого момента начали истощаться силы Римской империи, и вся та доблесть, которая отнималась у неё, переходила к ним. Итак, заключаю, что, не имея собственного оружия, ни одно княжество не находится в безопасности; напротив, оно целиком отдано во власть фортуны, не обладая доблестью, которая защитила бы его в невзгодах. И всегда таково было мнение и изречение мудрых людей, что нет ничего настолько шаткого и неустойчивого, как слава могущества, не основанного на собственных силах[9]. Собственное же оружие — то, которое составлено

либо из твоих подданных, либо из граждан, либо из людей, воспитанных и выдвинутых тобой[10]; всякое прочее оружие — либо наёмное, либо вспомогательное. А способ устроить собственное оружие легко будет найти, если разобрать порядки, названные мной выше, и посмотреть, как вооружились и устроились Филипп, отец Александра Великого, а также многие республики и князья, — на эти порядки я полностью и ссылаюсь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Папа Юлий II (Джулиано делла Ровере, понтификат 1503–1513), стремясь отвоевать Феррару у герцога Альфонсо I д'Эсте (союзника Франции), убедился в ненадёжности наёмных отрядов во время зимней кампании 1510–1511 гг. и 4 октября 1511 г. заключил «Священную лигу» с испанским королём Фердинандом Католическим и Венецией, доверив главное ведение войны испанским войскам неаполитанского вице-короля Рамона де Кардоны.
2. В кровопролитной битве при Равенне (11 апреля 1512 г.) французы под командованием Гастона де Фуа разгромили испано-папскую армию, однако гибель самого Гастона де Фуа в конце сражения парализовала французское наступление, а в мае–июне 1512 г. двадцатитысячное войско швейцарцев, приведённое кардиналом Маттеусом Шинером, стремительно вытеснило французов из Ломбардии. Тем самым Юлий II избежал обеих ветвей сформулированной Макиавелли дилеммы лишь благодаря вмешательству «третьей причины» (*terza causa*), т. е. слепой игры фортуны, а не собственному расчёту.
3. В июне–июле 1500 г. Флорентийская республика наняла у Людовика XII корпус из гасконских пехотинцев и швейцарцев под началом графа де Бомона для штурма мятежной Пизы. Солдаты взбунтовались из-за перебоев с продовольствием и жалованьем, захватили в заложники флорентийского комиссара Луку дельи Альбицци и сняли осаду; сам Макиавелли находился в этом лагере секретарём при комиссарах и лично пережил это унижение.
4. Речь идёт о византийском императоре Иоанне VI Кантакузине (правил в 1347–1354 гг.), который в ходе династической усобицы против Палеологов и войн с сербами и болгарами призвал во Фракию отряды османского эмира Орхана; заняв в 1352–1354 гг. Цимпе и Галлиполи, турки навсегда закрепились на европейском берегу пролива.
5. О сиракузском стратеге и царе Гиероне II (ок. 306–215 гг. до н. э.) Макиавелли уже упоминал в гл. VI. По рассказу Полибия (I, 9), Гиерон, избавляясь от буйных наёмников, подставил их в бою при реке Киамосор под мечи мамертинцев; Макиавелли сгущает эпизод до прямой расправы («велел всех их изрубить на куски»), намеренно сближая действия Гиерона с расправой Чезаре Борджа над кондотьерами Орсини и Вителлоццо Вителли в Синигалье (31 декабря 1502 г.).
6. Макиавелли использует богословско-экзегетический термин *figura* («прообраз», типологическое предзнаменование в библейской герме-

невтике), переосмысляя ветхозаветный рассказ о поединке Давида с Голиафом (1 Цар. 17:38–40; слово *provocatore* передаёт латинское обозначение зачинщика единоборства). При этом Макиавелли знаменательно правит библейский текст: в Книге Царств Давид выходит на бой с посохом, пятью гладкими камнями и пращой, вовсе не имея меча (он отсекает голову Голиафу мечом самого филистимлянина, 1 Цар. 17:51), тогда как Макиавелли даёт ему «пращу и собственный нож» (*con la sua fromba, e con il suo coltello*), поскольку в его военной доктрине метательное оружие немыслимо без холодного оружия ближнего боя. В следующей фразе обыгрывается двузначность итальянского *l'armi* — одновременно «доспехи» и «войско».

7. Французский король Карл VII Победитель на исходе Столетней войны учредил постоянные «ордонансовые роты» (*compagnies d'ordonnance*) тяжёлой жандармской конницы (1445) и пешее ополчение «вольных стрелков» (*francs-archers*, 1448). Его сын Людовик XI в 1474–1480 гг. заменил французское пешее ополчение наёмной швейцарской пехотой. Слово *ordinanza* прямо отсылает и к собственному детищу Макиавелли — учреждённому по его проекту в 1506 г. флорентийскому территориальному ополчению (*Ordinanza fiorentina*). Слова о «нынешних опасностях» Франции имеют в виду катастрофы 1513 г. — разгром французской армии швейцарцами при Новаре (6 июня) и вторжение швейцарцев в Бургундию одновременно с поражением французов при Гинегате (16 августа).
8. Сравнение политических недугов с «чахоточной лихорадкой» (*febbre etica* из медицинской традиции Галена и Авиценны, которую в начале трудно распознать, но легко вылечить, а в запущенном виде — легко распознать, но невозможно вылечить) дано в гл. III. В печатных изданиях XVI в. стоит оборот *se… non cognosce i mali se non quando che nascono* («если распознаёт беды лишь тогда, когда они уже прорываются наружу», в противоположность скрытому до времени «яду»); в критических изданиях по рукописям восстанавливается более сжатое чтение: *colui che in uno principato non conosce i mali quando nascono, non è veramente savio* («тот, кто в княжестве не распознаёт бед в самый миг их зарождения, не обладает истинной мудростью»). Следующий далее пример найма вестготов Римской империей относится к решению императора Валента (376 г.) и практике *foederati* при Феодосии I после битвы при Адрианополе (378 г.).
9. Точный перевод знаменитой сентенции Корнелия Тацита из «Анналов» (XIII, 19, по поводу падения влияния Агриппины Младшей при дворе Нерона): *Nihil rerum mortalium tam instabile ac fluxum est quam fama potentiae non sua vi nixae* («Нет в делах смертных ничего столь шаткого и зыбкого, как молва о могуществе, не опирающемся на собственную силу»). В части рукописей «Князя» эта фраза приведена по-латыни (*Quod nihil sit tam infirmum aut instabile quam fama potentiae non sua vi nixae*), с лёгкой заменой тацитовского *instabile ac fluxum* на *infirmum aut instabile*. Книги XI–XVI «Анналов» Тацита (сохранившиеся в монтекассинской рукописи *Mediceus II*, находившейся во Флоренции ещё с первой половины XV в.)

были доступны в печати начиная с венецианского первоиздания Винделина де Спиры (ок. 1472 г.).

10. Триада *sudditi*, *cittadini*, *creati tuoi* охватывает три политические формы комплектования собственного войска: подданных княжества, полноправных граждан республики и *creati* (букв. «твоих созданий / выдвиженцев») — людей, лично обязанных князю всем своим возвышением, положением и достатком (придворная дружина и личные командиры нового князя, подобные капитанам Чезаре Борджа). Заключительная отсылка к Филиппу II Македонскому имеет в виду создание им македонской фаланги из собственных подданных (Диодор Сицилийский, XVI, 3).

ГЛАВА XIV

Что требуется от князя в военном деле

Quod principem deceat circa militiam

◆

Итак, князь [*principe*] не должен иметь ни иной цели, ни иной мысли и не должен делать своим искусством [*arte*] ничего, кроме войны, её порядков [*ordini*] и дисциплины, потому что это — единственное искусство, подобающее тому, кто командует[1]; и заключена в нём столь великая доблесть [*virtù*], что оно не только удерживает у власти тех, кто рождён князем, но нередко возводит на эту ступень людей частного состояния [*privata fortuna*][2]. И напротив, видно, что когда князья думали больше об изнеженных удовольствиях, чем об оружии, они теряли свою власть [*hanno perso lo stato loro*]. И первая причина, заставляющая тебя терять власть, — пренебрежение этим искусством; причина же, позволяющая тебе её приобретать, — в том, чтобы быть присяжным мастером этого искусства. Франческо Сфорца, оттого что был вооружён, из частного человека стал герцогом Миланским; а сыновья его, избегая трудов и лишений военной службы, из герцогов стали частными людьми[3]. Помимо других бед, которые навлекает на тебя безоружность, она ещё и делает тебя презираемым; а это — один из тех видов бесчестья, от которых князь обязан беречься, как будет сказано ниже[4]. Ведь между вооружённым и безоружным нет никакой соразмерности; и не согласуется с разумом, чтобы вооружённый охотно повиновался безоружному и чтобы безоружный оставался в безопасности среди вооружённых слуг. Когда в одном живёт презрительное негодование, а в другом — подозрительность, невозможно, чтобы они успешно действовали заодно. А потому князь, не разбирающийся в военном деле [*milizia*], помимо прочих бед, как уже сказано, не может ни пользоваться уважением своих солдат, ни доверять им.

Поэтому он никогда не должен отрывать мысли от этого упражнения в войне, и в мирное время обязан упражняться в нём ещё усерднее, чем на войне; делать же это он может двумя способами [*modi*]: во-первых — делами, во-вторых — умом. Что касается дел, то, помимо содержания своих войск в хорошем порядке и выучке, он должен постоянно бывать на охоте и тем самым приучать тело к лишениям, а заодно изучать природу местностей и узнавать, как поднимаются горы, как открываются устья долин, как расстилаются

равнины, и понимать свойства рек и болот, — и прилагать к этому величайшее старание[5]. Такое знание полезно вдвойне. Во-первых, князь учится знать собственную страну и способен лучше понимать способы её обороны. Во-вторых, благодаря знанию этих местностей и навыку обращения с ними он с лёгкостью понимает устройство всякой другой местности, которую ему впервые понадобится осматривать и разведывать; ведь холмы, долины, равнины, реки и болота, какие есть, например [*verbigrazia*], в Тоскане, имеют определённое сходство с теми, что встречаются в других областях; так что от знания местности одной области нетрудно перейти к знанию остальных. А тот князь, которому недостаёт этой опытности, лишён главного качества, каким должен обладать полководец, потому что именно она учит отыскивать неприятеля, выбирать места для лагеря, водить войска, выстраивать боевой порядок для сражений и осаждать укреплённые города с выгодой для себя.

Среди прочих похвал, которые писатели воздают Филопемену, князю ахейцев[6], есть и та, что в мирное время он никогда не думал ни о чём ином, кроме способов ведения войны; и когда он бывал за городом с друзьями, то часто останавливался и рассуждал с ними: «Если бы неприятели стояли вон на том холме, а мы находились здесь с нашим войском, на чьей стороне было бы преимущество? Как можно было бы безопасно двинуться на них, сохраняя боевой порядок [*servando gli ordini*]? Если бы мы захотели отступить, как нам следовало бы действовать? Если бы отступили они, как нам нужно было бы их преследовать?» И на ходу он предлагал им на разбор все случаи, какие только могут произойти с войском, выслушивал их мнение, высказывал своё, подкреплял его доводами; так что благодаря этим непрестанным размышлениям у него, когда он вёл войска, никогда не могла возникнуть никакая неожиданность, против которой у него не нашлось бы верного средства. Что же до упражнения ума, то князь должен читать исторические труды и в них всматриваться в поступки выдающихся людей, видеть, как они действовали на войнах, исследовать причины их побед и поражений, чтобы последних избегать, а первым подражать; и превыше всего поступать так, как поступал в прежние времена не один выдающийся человек, бравшийся подражать кому-либо из тех, кто до него заслужил похвалу и славу, и неизменно державший при себе описания его подвигов и деяний, — как, говорят, Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь — Александру, Сципион — Киру[7]. И всякий, кто прочтёт жизнеописание Кира, написанное Ксенофон-

том, узнает затем в жизни Сципиона, сколько славы принесло ему это подражание и насколько в целомудрии, приветливости, человечности и щедрости Сципион следовал тому, что написано о Кире у Ксенофонта[8]. Таких вот приёмов должен держаться мудрый князь [*principe savio*] и никогда в мирные времена не предаваться праздности, а усердным старанием [*con industria*] обращать их себе в капитал, чтобы иметь возможность воспользоваться им в невзгодах, — чтобы фортуна [*fortuna*], когда она переменится, застала его готовым отразить её удары[9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Латинский заголовок главы (*Quod principem deceat circa militiam* — букв. «Что подобает князю в отношении военного дела») намеренно использует глагол *decere* — ключевой термин цицероновского учения о нравственно подобающем (*decorum*, Цицерон, «Об обязанностях», I, 93–99). Тезис первого же предложения главы («не иметь ни иной цели, ни иной мысли… кроме войны») демонстративно сокрушает всю гуманистическую традицию «зерцал князей» (Франческо Патрици, Бартоломео Платина, Джованни Понтано), которая вслед за Аристотелем («Политика», VII, 14, 1333a: война существует лишь ради мира, а не мир ради войны) и Цицероном требовала от правителя прежде всего мирных гражданских добродетелей, философии и словесности.
2. Флорентийское слово *arte* означает не просто отвлечённое «искусство», но цеховое ремесло, пожизненную профессию (в республиканской Флоренции полноправное гражданство определялось припиской к одному из цехов — *Arti*); отсюда и юридически окрашенный оборот *essere professo di questa arte* — «быть присяжным мастером этого искусства (цеха)». Слово *virtù* в формуле *è di tanta virtù* совмещает понятия воинской доблести и объективной действенной силы.
3. Изящный хиазм оригинала (*di privato Duca… di Duchi… privati*) метит прежде всего в сыновей Франческо Сфорца — Галеаццо Марию (убит заговорщиками в 1476 г.) и Лодовико Моро (правил Миланом с 1480 г., герцог с 1494 г.), чей блестящий ренессансный двор славился роскошью и утончёнными искусствами (*delicatezze*), но рухнул под ударом французских войск Людовика XII в 1499–1500 гг.; Лодовико умер узником во французском замке Лош (1508), а его сыновья скитались в изгнании, пока швейцарцы временно не посадили Массимилиано Сфорца в Милане (1512) на правах своего ставленника.
4. Отсылка к гл. XIX (*De contemptu et odio fugiendo* — «О том, как избегать презрения и ненависти»; ср. также гл. XV–XVI). Следующее далее суждение («между вооружённым и безоружным нет никакой соразмерности» — *proporzione*) вводит почти геометрическую аксиому силового неравенства, исключающую саму возможность гармоничного политического обмена между безоружным господином и вооружённым слугой.

5. Учение об охоте как лучшей мирной школе войны восходит к Ксенофонту («Киропедия», I, 2, 10; VIII, 1, 34–38; трактат «Об охоте», XII, 1–9). Ту же мысль о топографическом глазомере полководца и единообразии рельефа разных стран Макиавелли подробно разворачивает в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» (III, 39). Латинизм *speculare* (*speculari*) означает военную рекогносцировку, внимательный осмотр незнакомой местности; канцелярско-схоластическое вводное словечко *verbigrazia* (от лат. *verbi gratia* — «например») дано у Макиавелли в слитном итальянском написании.
6. Филопемен из Мегалополя (253–183 гг. до н. э.) — прославленный стратег Ахейского союза («последний из эллинов», по слову Плутарха). Макиавелли именует выборного стратега ахейской федерации «князем» (*Principe*), передавая этим словом латинское *praetor* / *princeps* и подчёркивая единоличное военное командование. Весь рассказ о полевых тактических беседах Филопемена представляет собой близкое и стилистически отточенное переложение страницы Тита Ливия (XXXV, 28, 1–7; ср. Плутарх, «Филопемен», 4).
7. В подлиннике — *ha tenuto sempre i gesti ed azioni appresso di sè* (букв. «всегда держал при себе его деяния и поступки», где *i gesti* отвечает лат. *res gestae* — как самим подвигам, так и повествующим о них книгам). Трёхзвенная цепь античного подражания (*imitatio*): Александр Македонский не расставался со свитком гомеровской «Илиады» и чтил гробницу Ахилла в Трое (Плутарх, «Александр», 8, 15); Юлий Цезарь, читая в Испании историю Александра (или глядя на его статую в Гадесе), сокрушался, что в его возрасте ещё не совершил ничего великого (Плутарх, «Цезарь», 11; Светоний, «Божественный Юлий», 7); Публий Корнелий Сципион Африканский Старший держал при себе «Киропедию» Ксенофонта как образец истинного правления — свидетельство Цицерона в письме к брату Квинту (*Ad Quintum fratrem*, I, 1, 23; ср. «Тускуланские беседы», II, 62).
8. Четыре качества Сципиона — целомудрие, приветливость, человечность и щедрость (*castità, affabilità, umanità, e liberalità*) — в точности воспроизводят классический канон цицероновских и гуманистических добродетелей идеального правителя. Однако у Макиавелли эта похвала играет роль тонкой риторической западни перед переворотом глав XV–XVII: уже в гл. XVI он развенчает «щедрость» (*liberalità*), а в гл. XVII подвергнет суровой критике самого Сципиона за чрезмерную «мягкость» и снисходительность в Испании, едва не погубившую воинскую дисциплину римской армии.
9. Оборот *farne capitale* («обращать в капитал», «наживать основной капитал») переносит словарь флорентийских купцов и банкиров в сферу политической психологии и военного искусства: мирное время осмысляется как период деятельного накопления запаса *virtù* посредством усердия и старания (*industria*), способного выдержать внезапные удары переменчивой фортуны (эта тема получит развёрнутое завершение в знаменитом образе паводка и плотин в гл. XXV).

ГЛАВА XV

О тех вещах, за которые людей, и в особенности князей, хвалят или порицают

De his rebus quibus homines et praesertim principes laudantur aut vituperantur

◆

Теперь остаётся рассмотреть, какими должны быть способы действия и правления [*modi e governi*] князя в обращении с подданными и с друзьями[1]. И поскольку я знаю, что многие об этом уже писали, я опасаюсь, берясь писать об этом и сам, как бы меня не сочли самонадеянным за то, что я — особенно при разборе этого предмета — отступаю от порядков [*ordini*], которых держались другие. Но поскольку моё намерение — написать вещь полезную для того, кто её поймёт [*a chi l'intende*], мне показалось уместнее идти прямо по следу действенной истины самой вещи [*verità effettuale della cosa*], чем воображения о ней[2]; ведь многие воображали себе такие республики и княжества [*principati*], каких никто никогда не видел и не знал существующими на самом деле; так как то, как люди живут, настолько далеко отстоит от того, как им следовало бы жить, что всякий, кто оставляет то, что делается, ради того, что следовало бы делать, учится скорее собственному крушению [*rovina*], чем самосохранению; потому что человек, желающий во всех отношениях держаться правила быть добрым, неминуемо придёт к крушению среди столь многих, кто не добр. Отсюда князю, если он хочет удержаться у власти, необходимо научиться умению быть недобрым [*potere essere non buono*] и пускать его в ход или не пускать в соответствии с необходимостью [*necessità*][3].

Итак, оставляя в стороне то, что о князе вообразили, и рассуждая о том, что истинно, скажу, что всех людей, когда о них говорят, и особенно князей, поскольку они поставлены выше остальных, отличают каким-либо из тех качеств, которые приносят им либо порицание, либо похвалу; а именно: одного считают щедрым, другого — скупым [*misero*], если употребить тосканское слово (поскольку «корыстолюбцем» [*avaro*] на нашем языке называется ещё и тот, кто стремится приобретать путём грабежа, тогда как «скупым» мы называем того, кто чрезмерно воздерживается тратить своё собственное)[4]; одного считают дарителем, другого — хищником; одного — жестоким, другого — милосердным; одного — вероломным, другого — верным слову;

одного — изнеженным и малодушным, другого — грозным и отважным духом; одного — человечным, другого — надменным; одного — сластолюбивым, другого — целомудренным; одного — прямодушным, другого — хитрым; одного — жёстким, другого — уступчивым; одного — степенным, другого — легкомысленным; одного — благочестивым, другого — неверующим, и тому подобное[5]. Я знаю: всякий признает, что было бы в высшей степени похвально, если бы князь обладал из всех названных выше качеств теми, которые считаются добрыми; но так как ни обладать ими, ни полностью соблюдать их невозможно в силу условий человеческой природы, которые этого не позволяют, ему необходимо быть настолько благоразумным [*prudente*], чтобы уметь избегать позора тех пороков, которые лишили бы его власти [*lo stato*], а тех, которые власти у него не отнимут, остерегаться, если это возможно; если же невозможно, им можно давать волю с меньшей оглядкой [*con minor rispetto*][6]. И более того: пусть он не тревожится о том, что навлечёт на себя позор тех пороков, без которых ему трудно было бы спасти власть; ведь если всё здраво взвесить, найдётся нечто такое, что покажется добродетелью [*virtù*], однако следование ей приведёт его к крушению; и нечто другое, что покажется пороком [*vizio*], однако из следования ему вытекают его безопасность [*sicurtà*] и благополучие[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Главой XV открывается третий большой раздел трактата (гл. XV–XXIII): рассмотрев виды княжеств и способы их приобретения и удержания (гл. I–XI), а также военное дело и собственное оружие как основу всякой власти (гл. XII–XIV), Макиавелли переходит к личным качествам и поведению князя по отношению к «подданным» (*sudditi*) и «друзьям» (*amici* — политико-дипломатический термин, охватывающий союзников, приближённых и сторонников режима). Тем самым он демонстративно вторгается на территорию античной моральной философии (Цицерон, «Об обязанностях»; Сенека, «О милосердии») и средневеково-гуманистического жанра *specula principum* («зерцал князей» — Эгидий Римский, Петрарка, Бартоломео Платина, Джованни Понтано, Франческо Патрици), чтобы ниспровергнуть их каноны изложения (*ordini degli altri*). Латинскому авторскому заголовку *De his rebus quibus homines et praesertim principes laudantur aut vituperantur* в первопечатных изданиях 1532 г. (Бладо и Джунта) соответствует итальянский подзаголовок *Delle cose, mediante le quali gli uomini, e massimamente i Principi, sono lodati o vituperati*.
2. «Действенная истина самой вещи» (*verità effettuale della cosa*) — знаменитый гапакс Макиавелли, встречающийся во всём корпусе его сочинений лишь однажды. Прилагательное *effettuale* образовано от позднелатин-

ского схоластического *effectualis* и означает истину, удостоверяемую реальными следствиями и действиями (*effetti*), в противовес умозрительным проектам совершенного строя (*immaginazione di essa*) — от «Государства» Платона и «Киропедии» Ксенофонта до христианско-гуманистических трактатов об образцовом правителе. Отказ от ориентации на должное в пользу сущего дополняется характерной элитарной оговоркой «для того, кто её поймёт» (*a chi l'intende*): трактат адресован не риторам, а практикующему политику и искушённому читателю.

3. В оригинале выстроена острая смысловая перекличка с двумя формами глагола *imparare* («учиться»): тот, кто гонится за должным вопреки сущему, «учится собственному крушению» (*impara piuttosto la rovina*), тогда как подлинная школа князя состоит в том, чтобы «научиться умению быть недобрым» (*imparare a potere essere non buono*). Нагромождение трёх инфинитивов подчёркивает, что речь идёт не о слепой порочности, а об осознанной способности (*potere*) выходить за пределы традиционного морального добра (*fare professione di buono* — букв. «приносить обет праведности / открыто исповедовать доброту») и применять либо не применять жёсткие меры строго по велению политической необходимости (*necessità*).
4. Филологическое уточнение самого Макиавелли фиксирует расхождение между латынью и живым флорентийским узусом XVI в. Итальянское *avaro* унаследовало семантику латинского *avarus* — не просто «скупой», но «ненасытно алчный до чужого, корыстолюбивый приобретатель» (*colui che per rapina desidera d'avere*); напротив, тосканское *misero* (в классической латыни *miser* — лишь «несчастный, жалкий») в просторечии Флоренции приобрело значение «прижимистый, бережливый до скаредности в расходовании собственного имущества». Это разграничение закладывает фундамент главы XVI, где безвредная для подданных «скупость» (*miseria*) противопоставляется ненавистному для них «хищничеству» (*rapacità*).
5. Каталог из одиннадцати пар противоположных качеств намеренно нарушает стройную систематику Аристотелевой «Никомаховой этики» (II, 7), где добродетель определяется как золотая середина между двумя порочными крайностями, и перечней добродетелей в гуманистических «зерцалах». Макиавелли прихотливо чередует порядок положительных и отрицательных полюсов (то ставя впереди похвальное качество: «щедрый — скупой», «человечный — надменный», то порицаемое: «жестокий — милосердный», «вероломный — верный слову», «изнеженный и малодушный — грозный и отважный духом»), показывая, что в мире политики эти свойства существуют прежде всего как публичные репутации (*sono notati* — букв. «отмечаются», отголосок римской цензорской отметки, *nota censoria*). Прилагательное *feroce* (от лат. *ferox*) здесь несёт положительный античный оттенок — «грозный, неукротимый, боевитый», в паре с *animoso* («исполненный присутствия и отваги духа»).
6. Оборот *con minor rispetto* («с меньшей оглядкой») опирается на специфическое значение ренессансного *rispetto* — «опаска, сдерживающее соображение, оглядка на чужое суждение». Макиавелли проводит жёсткую демаркацию между частными пороками правителя (такими, как сласто-

любие или легкомыслие, пока они не переходят в посягательство на женщин подданных и не разрушают авторитет власти) и политически гибельными пороками, ведущими к утрате власти (*lo stato*).

7. Заключительный хиазм главы («нечто такое, что покажется добродетелью… и нечто другое, что покажется пороком…») наносит прямой удар по главному тезису стоической и цицероновской этики («Об обязанностях», II–III), согласно которому нравственно прекрасное (*honestum*) и истинно полезное (*utile*) совпадают и никогда не вступают в подлинное противоречие. Столкновение традиционной моральной «добродетели» и политической «доблести» передано у Макиавелли одним и тем же словом *virtù*, смысл которого раскрывается в последующих трёх главах (XVI–XVIII).

ГЛАВА XVI

О щедрости и бережливости

De liberalitate et parsimonia

◆

Итак, начиная с первых из названных выше качеств, скажу, что хорошо было бы слыть щедрым [*liberale*][1]. И всё же щедрость, проявляемая так, чтобы ты слыл щедрым, приносит тебе вред; ведь если проявлять её добродетельно [*virtuosamente*] и так, как её следует проявлять, она останется незамеченной, и с тебя не спадёт дурная слава противоположного ей порока[2]. А потому, чтобы поддерживать среди людей имя щедрого, необходимо не упускать ни одного вида пышной роскоши; так что подобный князь неизменно истощит на такие дела всё своё достояние и в конце концов будет вынужден, если пожелает сохранить за собой имя щедрого, обременять народы чрезвычайными поборами, пускаться в казённые вымогательства [*esser fiscale*] и делать всё, что только можно делать ради добывания денег[3]. Это начнёт делать его ненавистным для подданных и малоуважаемым в глазах каждого по мере того, как он беднеет; так что, обидев этой своей щедростью многих и вознаградив немногих, он чувствителен к первому же затруднению и оказывается на грани гибели при первой же опасности; а осознав это и пожелав от такого пути отступить, он сразу же навлекает на себя позорную славу скупого [*misero*].

Итак, князь, не имея возможности без ущерба для себя проявлять эту добродетель [*virtù*] щедрости так, чтобы она была заметна, должен, если он благоразумен [*prudente*], не тревожиться об имени скупого; поскольку со временем его будут считать всё более щедрым, видя, что благодаря его бережливости [*parsimonia*] собственных доходов ему хватает, что он способен обороняться от тех, кто идёт на него войной, и способен осуществлять начинания, не обременяя народы; таким образом выходит, что он проявляет щедрость ко всем тем, у кого не отнимает, — а их бесчисленное множество, — и скупость [*miseria*] ко всем тем, кому не даёт, — а таких немного. В наши времена мы не видели, чтобы великие дела совершал кто-либо, кроме тех, кого считали скупыми; все остальные погибли. Папа Юлий II, воспользовавшись именем щедрого, чтобы достичь папского престола, больше не думал его поддерживать, чтобы иметь возможность вести войну с королём Франции; и он провёл столько войн, не наложив ни единой

чрезвычайной подати, потому что избыточные расходы покрывала долгая его бережливость[4]. Нынешний король Испании, если бы слыл щедрым, не предпринял бы и не выиграл стольких начинаний[5]. Поэтому, чтобы не приходилось грабить подданных, чтобы быть в силах обороняться, чтобы не стать бедным и презираемым, чтобы не оказаться вынужденным стать хищником, князь должен мало считаться с тем, что он навлечёт на себя имя скупого, ведь это один из тех пороков, которые позволяют ему править. А если кто возразит: Цезарь щедростью достиг верховного владычества [*imperio*], да и многие другие благодаря тому, что были и слыли щедрыми, взошли на высочайшие ступени, — я отвечу: либо ты уже состоявшийся князь, либо ты ещё на пути к обретению княжеской власти. В первом случае эта щедрость пагубна; во втором действительно необходимо слыть щедрым. И Цезарь был одним из тех, кто стремился достичь единовластия в Риме [*principato di Roma*]; но если бы, достигнув его, он прожил дольше и не умерил тех расходов, он разрушил бы это владычество[6]. А если кто снова возразит: многие ведь были уже князьями и с войсками совершали великие дела, а между тем слыли щедрейшими из людей, — я отвечу тебе: либо князь тратит своё и достояние своих подданных, либо чужое. В первом случае он должен быть бережлив, во втором — не должен упускать ни малейшей доли щедрости. И тому князю, который выступает в поход с войсками, кормится добычей, грабежами и контрибуциями и распоряжается чужим добром, эта щедрость необходима, иначе за ним не шли бы солдаты. А в раздаче того, что принадлежит не тебе и не твоим подданным, можно быть куда более щедрым дарителем, какими были Кир, Цезарь и Александр; ведь трата чужого не отнимает авторитета [*riputazione*], а прибавляет его тебе; вредит тебе лишь трата своего собственного. И нет ничего, что так пожирало бы само себя, как щедрость: пока ты её проявляешь, ты утрачиваешь саму возможность её проявлять и становишься либо бедным или презираемым, либо, стремясь избежать бедности, — хищным [*rapace*] и ненавистным. А превыше всего прочего князь должен остерегаться стать презираемым и ненавистным; щедрость же ведёт тебя и к тому и к другому. Поэтому больше мудрости [*sapienza*] в том, чтобы держаться имени скупого, которое порождает бесславие без ненависти, чем, гонясь за именем щедрого, по необходимости [*per necessità*] навлечь на себя имя хищника, порождающее бесславие с ненавистью[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В подлинном латинском заголовке Макиавелли (*De liberalitate et parsimonia* — «О щедрости и бережливости») употреблено классическое положительное понятие *parsimonia* («бережливость»), тогда как в итальянском подзаголовке печатной традиции 1532 г. стоит сниженное тосканское *Della liberalità e miseria* («О щедрости и скупости»), так как латинское *miseria* означает лишь «бедствие, нищета» (см. прим. 4 к гл. XV). Вся глава представляет собой методическое опровержение античной и гуманистической доктрины щедрости правителя — прежде всего «Никомаховой этики» Аристотеля (IV, 1), трактатов Цицерона «Об обязанностях» (I, 42–45; II, 52–64), Сенеки «О благодеяниях» и специального трактата неаполитанского гуманиста Джованни Понтано «О щедрости» (*De liberalitate*, ок. 1493), где щедрость воспевалась как одно из главных украшений княжеского достоинства.
2. Перевод опирается на подлинное чтение авторитетной рукописной традиции: *usata in modo che tu sia tenuto* [liberale]*, ti offende* («проявляемая так, чтобы ты слыл [щедрым], приносит тебе вред»); в первопечатных изданиях 1532 г. переписчик или наборщик исказил *sia tenuto* в *non sia temuto* («что тебя не боятся») под влиянием темы страха из следующей главы XVII. Вторая часть периода — *se la si usa virtuosamente e come la si deve usare, la non fia conosciuta, e non ti cadrà l'infamia del suo contrario* — обыгрывает аристотелевско-цицероновское требование проявлять щедрость «добродетельно», то есть умеренно и соразмерно достатку: такая неброская щедрость в политике остаётся незримой для толпы, и потому с князя «не спадёт» (*non ti cadrà* [di dosso]; в рукописной традиции также *non ti fuggirà l'infamia* — «ты не избежишь дурной славы») молва о скупости; чтобы прослыть щедрым наяву, приходится ударяться в разорительную показную пышность (*sontuosità*).
3. Выражение *esser fiscale* (от *fisco* — княжеская казна) в политическом языке Италии XVI в. означало беспощадный фискальный нажим: конфискации имуществ, придирчивые взыскания недоимок, принудительные займы и торговлю должностями. Далее Макиавелли усиливает картину латинизмом с корневым повтором: *periclita in qualunque primo pericolo* (от лат. *periclitari* — «подвергаться смертельному риску, пошатываться при первой же опасности»).
4. Папа Юлий II (Джулиано делла Ровере, правил в 1503–1513 гг.) на конклаве осени 1503 г. привлёк голоса кардиналов широчайшими денежными обещаниями и раздачами бенефициев, однако после избрания прославился суровой бережливостью и накоплением золотого запаса в Замке Святого Ангела. Именно эта финансовая дисциплина позволила ему финансировать масштабные кампании Камбрейской и Священной лиг, завершившиеся изгнанием войск французского короля Людовика XII из Италии в 1512 г., без введения разорительных чрезвычайных поборов (*dazio strasordinario*). Макиавелли лично наблюдал за политикой Юлия II во время своих дипломатических миссий к папскому двору в 1503 и 1506 гг.

5. Нынешний король Испании — Фердинанд II Арагонский (Фердинанд Католик, 1452–1516; правил Арагоном с 1479 г., регент Кастилии). Современники, включая флорентийского посла в Испании Франческо Гвиччардини («Испанское донесение», 1512–1513), неизменно отмечали его крайнюю расчётливость и прижимистость, что не помешало ему завоевать Гранаду, Неаполитанское королевство, верхнюю Наварру и опорные пункты на побережье Северной Африки (ср. разбор его деяний в гл. XVIII и XXI).
6. Скрытая полемика с Цицероном («Об обязанностях», I, 43; II, 54) и Саллюстием («О заговоре Катилины», 54). Цицерон осуждал расточительность Гая Юлия Цезаря как демагогический подкуп плебса за счёт ограбления одних ради обогащения других, тогда как Саллюстий прославлял щедрость Цезаря наряду со строгостью Катона. Макиавелли снимает морализаторский спор жёсткой аналитической развилкой между претендентом на власть и уже утвердившимся правителем (*o tu siei Principe fatto, o tu siei in via di acquistarlo*): для завоевания «единовластия в Риме» (*Principato di Roma*) щедрость была Цезарю необходима, но если бы он не погиб в мартовские иды 44 г. до н. э. и продолжил прежние траты, он подорвал бы собственное верховное владычество (*Imperio*).
7. Вторая дилемма главы (трата собственного и подданных против траты трофейного достояния — *prede, sacchi e taglie*, т. е. военной добычи, разграбления взятых городов и контрибуций) объясняет прославленную античными историками щедрость великих завоевателей — Кира Старшего (Ксенофонт, «Киропедия»), Цезаря и Александра Македонского (Плутарх, Юстин). В финале обращает на себя внимание тонкое терминологическое различие: если ранее способность не страшиться упрёка в скупости названа делом «благоразумия» (*prudente*), то итоговый вывод возведён в ранг высшей политической «мудрости» (*sapienza*), сопоставляющей «бесславие без ненависти» (*infamia senza odio*) и «бесславие с ненавистью» (*infamia con odio*). В предпоследней фразе печатный текст даёт *o povero o vile* («либо бедным или презираемым»), тогда как ряд рукописей читает *povero e contennendo* («бедным и достойным презрения»).

ГЛАВА XVII

О жестокости и милосердии; и лучше ли быть любимым, чем внушать страх, или наоборот

De crudelitate et pietate; et an sit melius amari quam timeri, vel e contra

◆

Переходя далее к другим упомянутым выше качествам, скажу, что каждый князь должен желать, чтобы его считали милосердным [*pietoso*], а не жестоким[1]. Тем не менее он должен остерегаться применить это милосердие [*pietà*] дурно. Чезаре Борджа слыл жестоким; однако эта его жестокость привела в порядок Романью, сплотила её и вернула к миру и верности. Если здраво в это вдуматься, станет видно, что он оказался куда милосерднее флорентийского народа, который, желая избежать славы жестокого, допустил разорение Пистойи[2]. Поэтому князь, ради того чтобы удержать своих подданных в единстве и верности, не должен тревожиться о бесчестье прослыть жестоким; так как совсем немногими показательными казнями ты проявишь больше милосердия, чем те, кто по чрезмерному милосердию допускает развитие беспорядков, из которых рождаются убийства или грабежи; ведь эти последние обычно поражают целое сообщество, тогда как те казни, что исходят от князя, поражают отдельное лицо[3]. И из всех князей новому князю [*principe nuovo*] невозможно избежать имени жестокого, поскольку новые властные уклады [*stati nuovi*] полны опасностей. Вот почему Вергилий устами Дидоны извиняет бесчеловечную суровость её царства тем, что оно — новое, говоря:

> *Res dura, et regni novitas me talia cogunt*
> *Moliri, et late fines custode tueri*
> («Суровая доля и новизна царства вынуждают меня идти на такие меры и широко оберегать пределы стражей»)[4].

Тем не менее он должен быть взвешенным и не спешить ни верить, ни переходить к действиям, не должен сам на себя нагонять страх и обязан действовать уравновешенно, с благоразумием [*prudenza*] и человечностью, так чтобы чрезмерная доверчивость не делала его неосторожным, а чрезмерная подозрительность не делала

его невыносимым. Отсюда рождается спор: *лучше ли быть любимым, чем внушать страх, или внушать страх, чем быть любимым*. На это отвечают, что желательно было бы и то и другое; но так как соединить их трудно, то, раз уж приходится обходиться без одного из двух, гораздо безопаснее внушать страх, чем быть любимым. Ведь о людях вообще можно сказать, что они неблагодарны, непостоянны, притворны, бегут от опасностей и жадны до наживы; и пока ты делаешь им добро, они целиком твои, предлагают тебе свою кровь, имущество, жизнь и собственных детей, когда, как я сказал выше, нужда далека; но когда она к тебе подступает, они отворачиваются. И тот князь, который целиком положился на их слова, оказавшись не защищённым иными приготовлениями, терпит крушение [*rovina*]; потому что дружбу, которую приобретают за плату, а не величием и благородством духа [*grandezza e nobiltà d'animo*], заслуживают, но ею не обладают, и в нужный час пустить её в дело невозможно[5]. И люди с меньшей оглядкой [*men rispetto*] решаются обидеть того, кто добивается любви, чем того, кто внушает страх; ведь любовь держится узами обязательства, которые, поскольку люди дурны, разрываются при всяком поводе [*occasione*] извлечь собственную выгоду; тогда как страх держится боязнью наказания, которая не оставляет человека никогда. Тем не менее князь должен внушать страх таким образом, чтобы, если и не приобретёт любви, избежать ненависти, поскольку внушать страх и не вызывать ненависти вполне совместимо; а этого он достигнет всегда, если только воздержится от посягательств на имущество своих граждан и своих подданных и на их женщин. И даже когда ему понадобилось бы пролить чью-либо кровь, делать это следует лишь при наличии веского оправдания и явной причины; но превыше всего — не трогать чужого имущества, ведь люди скорее забывают смерть отца, чем утрату отцовского наследства[6].

К тому же недостатка в поводах отнять имущество не бывает никогда; и всякий, кто начинает жить грабежом, всегда находит предлоги захватывать чужое; напротив, поводы проливать кровь выпадают реже и иссякают быстрее. Но когда князь находится при войске и имеет под началом множество солдат, тогда совершенно необходимо ничуть не тревожиться об имени жестокого, потому что без такого имени невозможно сохранить войско ни сплочённым, ни готовым к какому бы то ни было боевому делу. К удивительным деяниям Ганнибала причисляют и то, что, хотя он вёл на войну в чужие земли огромное войско, смешанное из бесчисленных племён и народов, в нём никогда

не вспыхнуло ни единой распри — ни между самими солдатами, ни против князя, — как при неблагоприятной, так и при благосклонной его фортуне [*fortuna*]. А произойти это могло не от чего иного, как от той его бесчеловечной жестокости [*inumana crudeltà*], которая вместе с бесчисленными его доблестями [*virtù*] неизменно делала его в глазах солдат глубоко почитаемым и грозным; и без неё прочих его доблестей для достижения такого результата ему не хватило бы. Малорассудительные же писатели, с одной стороны, восхищаются этими его деяниями, а с другой — осуждают главную их причину[7]. А что это действительно так — что прочих его доблестей ему не хватило бы, — можно увидеть на примере Сципиона, человека редчайшего не только для своего времени, но и на всей памяти известных нам событий, против которого его войска взбунтовались в Испании; и произошло это не от чего иного, как от чрезмерного его милосердия, которое дало его солдатам больше вольности, чем позволяла воинская дисциплина. За это Фабий Максим упрекал его в сенате, называя развратителем римского войска [*milizia*]. Когда жители Локр были разорены легатом Сципиона, он не отомстил за них и не обуздал наглости этого легата, — и всё это проистекало из той его уступчивой натуры. Так что некто в сенате, желая его оправдать, сказал, что есть немало людей, которые лучше умеют не совершать ошибок сами, чем исправлять ошибки других. И такая натура со временем запятнала бы репутацию и славу Сципиона, если бы он с ней продолжал оставаться при верховном владычестве [*imperio*]; но так как он жил под управлением сената, это пагубное его качество не только оказалось скрыто, но и обернулось ему во славу[8]. Итак, возвращаясь к вопросу о том, внушать ли страх или быть любимым, заключаю: поскольку люди любят по собственному усмотрению, а боятся — по воле князя, мудрый князь [*principe savio*] должен опираться на то, что зависит от него самого, а не на то, что зависит от других; и стремиться он должен лишь к тому, чтобы избежать ненависти, как уже сказано.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В латинском авторском заголовке Макиавелли стоит *De crudelitate et pietate* («О жестокости и милосердии»), как и в основном тексте главы (*pietà*, *pietoso*); в итальянском же заголовке печатной традиции 1532 г. употреблено слово *clemenzia* (*Della crudeltà e clemenzia; e se egli è meglio essere amato, che temuto*), прямо отсылающее к прославленному трактату Сенеки «О милосердии» (*De clementia*), написанному в наставление юному Нерону. Вторая половина заголовка («лучше ли быть любимым, чем

внушать страх, или наоборот») непосредственно атакует классический тезис Цицерона («Об обязанностях», II, 23–24), утверждавшего вслед за стихом Энния («Кого боятся — того ненавидят»), что для сохранения власти нет ничего надёжнее любви и ничего пагубнее страха.

2. Предупреждение «не применить милосердие дурно» (*non usar male questa pietà*) симметрично знаменитой формуле гл. VIII о «жестокостях, применённых хорошо или дурно» (*crudeltà bene o male usate*). Наведение порядка в Романье силами Чезаре Борджа (включая публичную расправу над собственным наместником Ремирро де Орко в Чезене в декабре 1502 г., описанную в гл. VII) противопоставлено нерешительности Флорентийской республики в подвластной ей Пистойе, где в 1500–1502 гг. кровавая вражда кланов Канчелльери и Панчатики довела город до поджогов, резни и полного опустошения. Макиавелли сам неоднократно направлялся туда комиссаром и секретарём Синьории и в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» (III, 27) вновь приведёт пистойскую трагедию как образец ложного человеколюбия.
3. В оригинале проведена чёткая юридико-политическая антитеза между *una università intera* (от средневеково-ренессансного лат. *universitas civium* — «весь гражданский коллектив, сообщество подданных в целом») и *un particolare* («отдельное лицо», единичный нарушитель мира или мятежный вельможа). Тем самым суровость княжеской казни обосновывается общим благом гражданского мира.
4. Вергилий, «Энеида», I, 563–564. Этими стихами основательница Карфагена царица Дидона отвечает троянцу Илионею, жалующемуся на негостеприимство береговой стражи пунийцев, не пускавшей потерпевших крушение спутников Энея на берег. Макиавелли переосмысляет поэтическое оправдание Дидоны в универсальный закон политики: «новизна царства» (*regni novitas*) неизбежно ставит каждого «нового князя» (*principe nuovo*) в условия чрезвычайной уязвимости.
5. Отсылка «как я сказал выше» (*come di sopra dissi*) указывает на концовку гл. IX, где говорилось о ненадёжности граждан в дни невзгод (в рукописной традиции в ряду пороков человеческой натуры иногда читается *simulatori e dissimulatori* — «притворны и скрытны»). За этим следует отточенная торгово-банковская метафора флорентийского делового языка: *l'amicizie che si acquistano con il prezzo… si meritano, ma non le si hanno, e a' tempi non si possono spendere*. Глагол *meritare* здесь употреблён с тонкой иронией на стыке значений «заслуживать (обретать формальное право на благодарность)» и флорентийского коммерческого «начислять проценты / заносить в приход»: купленная деньгами привязанность числится за князем на словах, но не составляет реального капитала, который можно «пустить в оборот» (*spendere*) в час испытания.
6. Знаменитый афоризм Макиавелли построен в оригинале на звуковой и этимологической игре родственных корней: *la morte del padre, che la perdita del patrimonio* («смерть отца, чем утрату отцовского наследства», от лат. *pater* — «отец» и *patrimonium* — «отцовское наследство, родовое достояние»). Во флорентийском обществе, где статус, кредит и выживание рода целиком зависели от неделимого семейного имущества (*la roba*, *il patrimonio*), конфискация состояния ударяла не по одному поко-

лению, а по всему роду, порождая неугасимую кровную ненависть (ср. гл. XIX).

7. Словосочетание *inumana crudeltà* («бесчеловечная жестокость») — буквальная цитата из характеристики Ганнибала у Тита Ливия («История Рима от основания города», XXI, 4, 9: *inhumana crudelitas, perfidia plus quam Punica* — «бесчеловечная жестокость, вероломство более чем пунийское»). Ниже Макиавелли соединяет этот пассаж с другим местом Ливия (XXVIII, 12, 1–9; ср. Полибий, XI, 19), где римский историк с изумлением отмечает, что за шестнадцать лет войны в Италии в составленном из множества племён войске Ганнибала не вспыхнуло ни одного мятежа даже в дни тягчайших поражений и голода. Упрёк в адрес «малорассудительных писателей» (*gli scrittori poco considerati*) направлен прямо против Ливия и Цицерона: восхищаясь нерушимой дисциплиной лагеря Ганнибала, они порицают ту самую суровость, без которой одних его полководческих доблестей (*virtù*) было бы недостаточно (подробнее эта пара Ганнибал — Сципион разобрана в «Рассуждениях», III, 21). Показательно также, что карфагенского полководца Макиавелли именует «князем» (*il Principe*), распространяя термин на единоличного вождя войска.
8. Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (236–183 гг. до н. э.) — классический образец великодушного полководца в гуманистической традиции (в частности, поэмы «Африка» Петрарки). Макиавелли опирается на книги XXVIII–XXIX Тита Ливия: 1) мятеж восьмитысячного римского отряда близ Сукрона в Испании в 206 г. до н. э. во время болезни Сципиона (XXVIII, 24–29); 2) речь Квинта Фабия Максима Кунктатора в сенате в 204 г. до н. э., где тот заклеймил Сципиона как «развратителя воинской дисциплины» (*natum eum ad corrumpendam disciplinam militarem* — XXIX, 19, 4; у Макиавелли: *corruttore della Romana milizia*); 3) бесчинства и грабежи Сципионова легата Квинта Племиния в южноиталийском городе Локры в 205–204 гг. до н. э. (XXIX, 8–9, 16–22). Фразу о людях, «которые лучше умеют не совершать ошибок сами, чем исправлять ошибки других», у Ливия (XXIX, 21, 11) произносят на самом деле послы самих локрийцев перед римскими расследователями; цитируя по памяти, Макиавелли приписывает её одному из защитников Сципиона в сенате. Термин *imperio* совмещает здесь римское республиканское понятие *imperium* (высшее военное командование магистрата или промагистрата, ограниченное властью сената) и макиавеллиевское значение пожизненного верховного владычества.

ГЛАВА XVIII

Каким образом князьям следует хранить верность слову

Quomodo fides a principibus sit servanda

◆

Насколько похвально для князя хранить верность слову [*mantenere la fede*] и жить прямодушно [*con integrità*], а не хитростью [*astuzia*], понимает всякий. И всё же по опыту видно, что в наши времена великие дела совершили те князья, которые мало считались с верностью слову и умели хитростью морочить умы людей, и в конечном счёте они взяли верх над теми, кто полагался на честность[1]. Итак, вам следует знать, что существуют два рода борьбы: один — посредством законов, другой — посредством силы. Первый свойствен людям, второй — зверям; но так как первого зачастую недостаёт, приходится прибегать ко второму. Поэтому князю необходимо уметь хорошо пускать в дело и зверя, и человека [*la bestia e l'uomo*]. Этому правилу неявно учили князей древние писатели, которые пишут, как Ахилл и многие другие из древних князей были отданы на воспитание кентавру Хирону, чтобы тот наставлял и берёг их под своим началом; а иметь наставником полузверя-получеловека не означает ничего иного, кроме того, что князю нужно уметь пользоваться обеими природами, и одна без другой недолговечна[2]. Итак, поскольку князь по необходимости должен уметь хорошо пускать в дело зверя, ему следует из звериной породы выбрать лисицу и льва [*la volpe e il lione*]; потому что лев беззащитен перед силками, а лисица беззащитна перед волками. Следовательно, надо быть лисицей, чтобы распознавать силки, и львом, чтобы устрашать волков. Те же, кто полагается попросту на одного льва, ничего в этом деле не смыслят[3]. Поэтому благоразумный властитель [*signore prudente*] не может, да и не должен хранить верность слову, когда такое соблюдение верности оборачивается против него и когда исчезли те причины, которые заставили его дать обещание. И если бы люди все были добры, это предписание не было бы добрым; но так как они дурны и не стали бы держать слово перед тобой, то и ты не обязан держать его перед ними. А уж законных оснований, чтобы прикрасить нарушение слова, у князя никогда не убавится[4].

Этому можно было бы привести бесчисленные современные примеры и показать, сколько мирных договоров, сколько обещаний сделались недействительными и тщетными из-за вероломства князей; и кто лучше сумел пустить в ход лисицу, тот больше и преуспел. Но эту природу необходимо уметь искусно прикрашивать и быть великим мастером притворства и утайки [*gran simulatore e dissimulatore*]; а люди настолько простодушны и до такой степени повинуются насущным необходимостям [*necessità presenti*], что тот, кто обманывает, всегда найдёт того, кто даст себя обмануть[5]. Из свежих примеров не хочу умолчать об одном. Александр VI никогда ничего иного не делал, кроме как обманывал людей, и ни о чём другом не думал, и находил на ком это проделать; и никогда не бывало человека, который с большей убедительностью заверял бы, и более великими клятвами скреплял бы что-либо, и меньше бы это соблюдал; и всё же обманы неизменно удавались ему, потому что он хорошо знал эту сторону человеческого мира[6]. Итак, князю нет необходимости и в самом деле обладать всеми вышеуказанными качествами, но безусловно необходимо казаться [*parere*] обладающим ими. Более того, осмелюсь сказать следующее: если обладать ими и неукоснительно их соблюдать, они вредны; если же казаться обладающим ими — они полезны: так, следует казаться милосердным, верным слову, человечным, благочестивым, прямодушным — да и быть таким [*ed essere*], но так выстроить свой дух [*animo*], чтобы при необходимости ты мог и умел обратиться в прямую противоположность. И следует понять вот что: князь, и в особенности новый князь, не может соблюдать всё то, за что людей считают добрыми, поскольку ради удержания власти [*mantenere lo stato*] он нередко вынужден действовать против человечности, против милосердной любви [*carità*], против религии. А потому нужно, чтобы он обладал духом, готовым поворачиваться сообразно тому, как повелевают ему ветры и превратности фортуны [*fortuna*], и, как я сказал выше, не отступать от добра, пока возможно, но уметь вступить во зло [*entrare nel male*], когда к этому вынуждает необходимость[7].

Поэтому князь должен ревностно заботиться о том, чтобы с уст его никогда не срывалось ни единого слова, не исполненного пяти вышеуказанных качеств, и чтобы всем, кто видит и слышит его, он казался самим милосердием, самим прямодушием, самой человечностью, самим благочестием. И нет качества, которым более необходимо было бы казаться наделённым, чем это последнее; поскольку люди в массе своей судят больше глазами, чем руками, ведь видеть дано

каждому, а ощупать — немногим. Каждый видит, каким ты кажешься, немногие ощущают, каков ты есть; и эти немногие не осмеливаются перечить мнению многих, за спиной которых стоит защищающее их величие власти [*maestà dello stato*]; в деяниях же всех людей, и особенно князей, где нет суда, куда можно было бы подать жалобу, смотрят на исход [*si guarda al fine*]. Пусть же князь ставит себе задачей сохранить жизнь и удержать власть: средства всегда будут сочтены достойными и удостоены похвалы каждого; ведь чернь всегда увлекается тем, что кажется, и исходом дела; а в мире нет никого, кроме черни, и немногим находится место лишь тогда, когда множеству не на что опереться[8]. Один из князей нынешнего времени, называть которого по имени не стоит, никогда не проповедует ничего иного, кроме мира и верности слову; а между тем и то и другое, если бы он их соблюдал, не раз отняло бы у него и власть [*lo stato*], и авторитет[9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Глава XVIII — философско-риторическая вершина полемики Макиавелли с трактатом Цицерона «Об обязанностях» (*De officiis*). Цицерон провозглашал верность данному слову (*fides*) фундаментом всякой справедливости (I, 23: *Fundamentum autem est iustitiae fides, id est dictorum conventorumque constantia et veritas*), а чуть ниже (I, 34) различал два способа разрешения споров — путём обсуждения (*per disceptationem*, что приличествует человеку) и путём силы (*per vim*, что свойственно зверям), допуская войну лишь как крайнее средство ради справедливого мира. Макиавелли показательно заменяет цицероновское мирное «обсуждение» на принудительные «законы» (*leggi*) и превращает оговорку римского моралиста в императив овладения звериной природой наряду с человеческой. Просторечно-выразительный флорентийский оборот *aggirare i cervelli degli uomini* (букв. «кружить людям мозги / обводить вокруг пальца людские умы») резко контрастирует с высоким латинским зачином главы.
2. Миф о мудром кентавре Хироне, воспитателе Ахилла, Ясона, Асклепия и других героев (Гомер, «Илиада», XI, 832; Пиндар, «Пифийские оды», III; Ксенофонт, «О псовой охоте», 1; Стаций, «Ахиллеида»), в античной и гуманистической экзегезе толковался как символ гармонии телесного здоровья, военного искусства и духовной мудрости. Макиавелли предлагает радикально иную, «неявную» (*copertamente*), иносказательную политическую герменевтику мифа: двуприродный облик кентавра (*mezzo bestia e mezzo uomo*) означает, что правовой порядок человека и внеправовая мощь зверя порознь «недолговечны» (*non è durabile*).
3. Знаменитый образ лисицы и льва прямо переворачивает суждение Цицерона («Об обязанностях», I, 41): «Когда же несправедливость совершается двумя способами — либо насилием, либо обманом, — то обман уподобляется лисичке, а насилие — льву; и то и другое в высшей степени

чуждо человеку, но обман достоин ещё большей ненависти» (восходит к изречению спартанского полководца Лисандра у Плутарха, «Лисандр», 7: «Где недостаёт львиной шкуры, там надо подшить лисью»; ср. также признание Гвидо да Монтефельтро в «Аде» Данте, XXVII, 74–75: «Дела мои были делами не льва, а лисицы»). У Макиавелли именно отказ от «лисьего» расчёта заклеймён как политическое дилетантство (*non se ne intendono*).

4. В этом периоде Макиавелли единожды употребляет синоним *Signore prudente* («благоразумный властитель») вместо *Principe*, а формулой «когда исчезли те причины, которые заставили его дать обещание» доводит до предела средневековую каноническо-правовую оговорку *rebus sic stantibus* («пока обстоятельства остаются неизменными»). Дипломатическо-риторический глагол *colorare* (и ниже *colorire* — «прикрашивать, придавать благовидную правовую окраску», от лат. *colores rhetorici*) заимствован из словаря флорентийской канцелярии и судебного красноречия.
5. Юридический оборот *irrite e vane* («недействительными и тщетными», от лат. *irritum et inane*) воспроизводит формулу расторжения договоров и актов, а парная характеристика *gran simulatore e dissimulatore* восходит к портрету Катилины у Саллюстия («О заговоре Катилины», 5, 4: *cuius rei lubet simulator ac dissimulator*). В точной латинской терминологии *simulatio* («притворство») означает показное изображение того, чего нет, а *dissimulatio* («утайка, сокрытие») — утаивание того, что есть на самом деле.
6. Папа Александр VI (Родриго Борджа, правил в 1492–1503 гг.), отец Чезаре Борджа, вошёл в историю Итальянских войн как непревзойдённый мастер дипломатического вероломства в отношениях с французской короной, Арагоном, Венецией и римскими баронскими родами (Орсини и Колонна). Лишённый морализаторского негодования портрет понтифика служит у Макиавелли эмпирическим доказательством тезиса о неодолимой потребности людей обманываться перед лицом сиюминутной нужды (*necessità presenti*).
7. Требование «казаться» (*parere*), при необходимости расходясь с «быть» (*essere*), демонстративно опровергает сократовско-цицероновскую максиму («Об обязанностях», II, 43), согласно которой кратчайший путь к славе — быть на деле таким, каким желаешь казаться. Метафора *stare in modo edificato con l'animo* (букв. «быть так выстроенным духом») переводит нравственный облик правителя из сферы неизменного навыка-габитуса (*habitus* аристотелевской этики) в сферу гибкой внутренней готовности, откликающейся на «ветры и превратности фортуны» (ср. гл. XV и XXV). В печатной традиции 1532 г. в конце второго абзаца перечислены три нарушаемые нормы (*contro alla umanità, contro alla carità, contro alla religione*, где *carità* — христианская деятельная любовь к ближнему, лат. *caritas*), а в начале третьего абзаца после упоминания «пяти вышеуказанных качеств» названы четыре (*tutto pietà, tutto integrità, tutto umanità, tutto religione*); в части рукописной традиции в обоих местах сохранился и пятый член ряда — «верность слову» (*contro alla fede* и *tutto fede*).

8. Именно это место породило крылатую, но текстуально неточную формулу «цель оправдывает средства», которой у Макиавелли нет. Буквальный смысл оригинала тоньше и холоднее: поскольку над суверенными князьями нет высшего трибунала, куда можно подать жалобу (*dove non è giudizio a chi reclamare*), большинство судит о правителе по осязаемому «исходу дела» (*si guarda al fine*, *l'evento della cosa*). В первопечатных изданиях 1532 г. стоит чтение *Facci adunque un Principe conto di vivere e mantenere lo Stato* («Пусть же князь ставит себе задачей сохранить жизнь и удержать власть»); важнейшие рукописи дают палеографически близкий вариант *vincere e mantenere lo Stato* («победить и удержать власть»). Афоризм печатной традиции 1532 г. «и немногим находится место лишь тогда, когда множеству не на что опереться» (*e gli pochi hanno luogo, quando gli assai non hanno dove appoggiarsi*; в рукописях — зеркальный оборот с отрицанием: *e li pochi non ci hanno luogo quando li assai hanno dove appoggiarsi*, «и немногим нет там места, когда множеству есть на что опереться») означает, что трезвый голос проницательного меньшинства обретает вес лишь в минуту кризиса, когда за спиной толпы рушится защищающее её предрассудки «величие власти» (*maestà dello stato*).
9. Неназванный по имени современник — вновь король Фердинанд II Арагонский (Католик), здравствовавший в момент написания «Князя» в 1513 г. (отсюда дипломатическая фигура умолчания *il quale non è bene nominare*). В письме к Франческо Веттори от 29 апреля 1513 г. Макиавелли подробно разбирал искусное притворство Фердинанда, прикрывавшего каждый захват лозунгами всеобщего мира и защиты Церкви; ту же черту запечатлел анекдот, переданный Гвиччардини: узнав, что король Людовик XII жалуется, будто Фердинанд обманул его дважды, испанский монарх воскликнул: «Он лжёт, пьяница: я обманул его больше десяти раз!»

ГЛАВА XIX

О том, что следует избегать презрения и ненависти

De contemptu et odio fugiendo

◆

Но поскольку из числа качеств, о которых упоминалось выше, о важнейших я уже сказал, об остальных я хочу рассудить кратко под теми общими положениями, что князь [*principe*] должен заботиться, как отчасти уже сказано выше, о том, чтобы избегать всего, что делает его ненавистным или презренным; и всякий раз, как он этого избежит, он исполнит своё дело и в прочих видах дурной славы не встретит никакой опасности. Ненавистным делает его прежде всего, как я сказал, хищность и захват имущества и женщин подданных, от чего ему следует воздерживаться. Всякий раз, когда у совокупности людей не отнимают ни имущества, ни чести, они живут довольными, и бороться приходится лишь с честолюбием немногих, которое многими способами [*modi*] и без труда обуздывается. Презренным же делает его то, что он слывёт переменчивым, легкомысленным, женоподобным, малодушным, нерешительным, — чего князь должен беречься как подводной скалы и всемерно стараться, чтобы в его поступках распознавались величие, отвага духа, степенность, твёрдость[1]; а в частных делах подданных добиваться того, чтобы его приговор был неотменим, и поддерживать о себе такое мнение, чтобы никто не думал ни обмануть его, ни обойти хитростью. Тот князь, который внушает о себе такое мнение, пользуется великим авторитетом; а против того, кто пользуется великим авторитетом, трудно составить заговор и трудно на него напасть, лишь бы было известно, что он превосходен и почитаем своими. Ведь у князя должно быть два страха: один внутри — со стороны подданных, другой извне — со стороны внешних сильных властителей. От последнего он защищается хорошим оружием и хорошими друзьями; и всегда, если у него будет хорошее оружие, будут и хорошие друзья; и всегда будут непоколебимы дела внутренние, пока непоколебимы внешние, если только их не возмутит заговор; да и если бы внешние пришли в движение, то, если он устроил свои порядки и жил так, как я сказал, он, если только сам не падёт духом, выдержит любой натиск, как сделал уже упомянутый

мною спартанец Набид. Что же до подданных, то, когда внешние дела не приходят в движение, опасаться приходится того, как бы они тайно не составили заговора; от этого князь надёжно ограждает себя, избегая ненависти и презрения и держа народ довольным собою, чего необходимо достичь, как подробно говорилось выше. И одно из самых действенных средств, какие есть у князя против заговоров, — не быть ненавидимым или презираемым большинством: ведь всякий заговорщик всегда полагает смертью князя угодить народу; но когда он полагает, что тем самым оскорбит народ, у него недостаёт духу [*animo*] решиться на подобный шаг, поскольку трудности на стороне заговорщиков бесконечны. По опыту видно, что заговоров бывало много, но немногие имели благополучный исход; так как заговорщик не может быть один и не может брать себе в сообщники никого, кроме тех, кого считает недовольными; а едва ты открыл недовольному свои замыслы, ты даёшь ему средство стать довольным, потому что, выдав заговор, он может надеяться на всяческие блага; так что, видя с этой стороны верную выгоду, а с другой видя её сомнительной и полной опасности, он действительно должен быть либо редким другом, либо до конца непримиримым врагом князя, чтобы сохранить тебе верность. И, чтобы свести дело к кратким словам, скажу: на стороне заговорщика нет ничего, кроме страха, тревожной мнительности и ожидания кары, повергающего его в смятение; на стороне же князя — величие княжеской власти [*principato*], законы, защита друзей и властного уклада [*stato*], которые его ограждают; так что, если ко всему этому прибавляется народное благоволение, невозможно, чтобы нашёлся кто-либо настолько безрассудный, кто решился бы на заговор[2]. Ведь если обычно заговорщику приходится бояться до совершения зла, то в этом случае он должен бояться ещё и после, имея после совершения преступления врагом народ и не имея потому возможности надеяться ни на какое убежище. Этому можно было бы привести бесчисленные примеры, но я хочу ограничиться лишь одним, случившимся на памяти наших отцов.

Когда мессер Аннибале Бентиволь, дед нынешнего мессера Аннибале, бывший князем в Болонье, был убит составившими против него заговор Каннески и после него не оставалось никого, кроме мессера Джованни, лежавшего ещё в пелёнках, тотчас после этого убийства поднялся народ и перебил всех Каннески. Произошло это от народного благоволения, которым дом Бентиволь пользовался в те времена в Болонье; и оно было настолько велико, что, когда после

смерти Аннибале там не осталось никого, кто мог бы держать власть, болонцы, получив известие, что во Флоренции живёт один отпрыск Бентиволью, до тех пор считавшийся сыном кузнеца, явились за ним во Флоренцию и вручили ему правление этим городом, которым он и управлял до тех пор, пока мессер Джованни не достиг возраста, пригодного для правления[3]. Итак, заключаю, что князь должен мало считаться с заговорами, когда народ к нему благосклонен; но когда народ ему враждебен и питает к нему ненависть, он должен бояться всего и каждого. И хорошо устроенные властные уклады, и мудрые князья со всей тщательностью заботились о том, чтобы не доводить до отчаяния знать [*grandi*] и удовлетворять народ [*popolo*], держа его довольным, поскольку это — одна из важнейших задач, какие есть у князя. В числе хорошо устроенных и управляемых королевств в наши времена находится королевство Французское: в нём имеется бесчисленное множество хороших установлений, от которых зависит свобода и безопасность [*sicurtà*] короля, и первое из них — Парламент и его полномочия; ведь тот, кто устроил порядки этого королевства, зная честолюбие сильных и их наглость и рассудив, что им необходимы удила во рту, которые бы их укрощали, а с другой стороны, зная основанную на страхе ненависть большинства к знати и желая его обезопасить, не захотел, чтобы это было особой заботой короля, чтобы снять с него то бремя нареканий, какое он мог бы навлечь на себя со стороны знати, покровительствуя людям из народа, и со стороны людей из народа, покровительствуя знати; и потому он учредил третьего судью, который, не навлекая нареканий на короля, смирял бы знать и покровительствовал меньшим людям. И не мог этот порядок быть ни лучше, ни благоразумнее [*più prudente*], ни послужить большей причиной безопасности короля и королевства. Из этого можно извлечь и другое примечательное правило: князья должны дела, вызывающие нарекания, поручать исполнять другим, а дела милости оставлять за собой[4]. Вновь заключаю, что князь должен оказывать почёт знати, но не делать себя ненавистным народу.

Многим, пожалуй, показалось бы, если рассмотреть жизнь и смерть многих римских императоров, что они дают примеры, противоречащие этому моему мнению, поскольку обнаруживается, что иной из них всегда жил превосходно и проявлял великую доблесть духа [*virtù d'animo*], а тем не менее утратил верховное владычество [*imperio*] либо был убит своими же людьми, составившими против него заговор. Итак, желая ответить на эти возражения, я разберу качества некото-

рых императоров, показывая, что причина их крушения [*rovina*] не расходится с тем, что было приведено мною; и попутно предложу вниманию то, что примечательно для всякого, кто читает о деяниях тех времён. И пусть мне будет достаточно взять всех тех императоров, которые сменяли друг друга в верховном владычестве от Марка Философа до Максимина: это были Марк, его сын Коммод, Пертинакс, Юлиан, Север, его сын Антонин Каракалла, Макрин, Гелиогабал, Александр и Максимин[5]. И прежде всего следует заметить, что тогда как у прочих князей борьба идёт лишь с честолюбием знати и строптивостью народов, у римских императоров была третья трудность: им приходилось сносить жестокость и алчность солдат; а дело это было настолько тяжёлым, что стало причиной крушения многих, поскольку трудно угодить одновременно и солдатам, и народам; ведь народы любят покой и потому любят князей умеренных, солдаты же любят князя воинственного духа, который был бы нагл, жесток и хищен. И они хотели, чтобы все эти качества он обращал на народы, чтобы иметь возможность получать двойное жалованье и давать выход своей алчности и жестокости; отсюда вышло, что те императоры, которые по природе или по искусству не обладали таким авторитетом, чтобы удерживать им в узде и тех и других, неизменно терпели крушение; и большинство из них, особенно те, которые как люди новые приходили к княжеской власти, познав трудность примирения этих двух противоположных устремлений [*umori*], обращались к тому, чтобы угождать солдатам, мало считаясь с притеснением народа. И решение это было необходимым: поскольку, раз князья не могут избежать того, чтобы кто-нибудь их ненавидел, они должны прежде всего стремиться не быть ненавидимыми всей совокупностью подданных; а когда они не могут этого достичь, им следует со всем усердием [*industria*] стараться избегать ненависти тех сообществ, которые более могущественны. И потому те императоры, которые по новизне своего положения нуждались в чрезвычайной поддержке, охотнее примыкали к солдатам, чем к народам; что, однако, оборачивалось им на пользу или нет в зависимости от того, умел ли такой князь сохранить у них свой авторитет.

По названным выше причинам вышло так, что Марк, Пертинакс и Александр, будучи все людьми умеренной жизни, ревнителями справедливости, врагами жестокости, человечными и благожелательными, все, кроме одного Марка, пришли к печальному концу; один лишь Марк прожил и умер в величайшем почёте, потому что он

вступил в верховное владычество по наследству и не был обязан им ни солдатам, ни народам; сверх того, обладая многими доблестями, делавшими его глубоко почитаемым, он всегда, пока был жив, удерживал и то и другое сословие в их пределах и никогда не был ни ненавидим, ни презираем. Пертинакс же был поставлен императором против воли солдат, которые, привыкнув к распущенной жизни при Коммоде, не смогли снести той честной жизни, к какой Пертинакс хотел их вернуть; поэтому, когда он навлёк на себя ненависть, а к ней прибавилось презрение из-за его старости, он потерпел крушение в самом начале своего управления. Отсюда следует заметить, что ненависть навлекают на себя как добрыми делами, так и дурными; и потому, как я сказал выше, князь, желая удержать власть [*mantenere lo stato*], нередко вынужден не быть добрым: ведь когда то сообщество — будь то народ, солдаты или знать, — в котором, по твоему суждению, ты нуждаешься, чтобы удержаться, испорчено, тебе приходится следовать его устремлению и угождать ему, и тогда добрые дела тебе враждебны. Но перейдём к Александру: он отличался такой добротой, что среди прочих воздаваемых ему похвал упоминается и та, что за четырнадцать лет, пока он держал верховное владычество, никто никогда не был им казнён без суда; тем не менее, поскольку он слыл женоподобным и человеком, позволявшим управлять собою матери, и из-за этого впал в презрение, войско составило против него заговор и убило его[6].

Рассматривая теперь, в противоположность им, качества Коммода, Севера, Антонина Каракаллы и Максимина, вы найдёте их жесточайшими и хищнейшими: чтобы угодить солдатам, они не останавливались ни перед каким родом притеснений, какие только можно было совершать против народов; и все они, за исключением Севера, пришли к печальному концу; ведь в Севере было столько доблести [*virtù*], что, сохраняя дружбу солдат, он, хотя народы и были им обременены, сумел неизменно царствовать благополучно; потому что эти его доблести делали его в глазах солдат и народов настолько удивительным, что последние оставались в некотором роде ошеломлёнными и оцепенелыми, а первые — почтительными и довольными. И поскольку деяния этого человека были велики для нового князя, я хочу вкратце показать, насколько искусно умел он надевать личину лисицы и льва, чьей природе, говорю я, как и выше, князю необходимо подражать.

Распознав малодушную вялость императора Юлиана, Север убедил своё войско, во главе которого стоял в Склавонии, что достойное дело

— идти на Рим мстить за смерть Пертинакса, убитого императорской гвардией, и под этим предлогом, не подавая виду, что притязает на верховное владычество, двинул войско на Рим и оказался в Италии прежде, чем стало известно о его выступлении. Когда он прибыл в Рим, сенат из страха избрал его императором, а Юлиан был убит. После такого начала Северу, чтобы овладеть всей державой, оставалось преодолеть две трудности: одну — в Азии, где Нигер, начальник азиатских войск, велел провозгласить себя императором; другую — на западе, со стороны Альбина, который тоже притязал на верховное владычество. И поскольку Север рассудил, что опасно открыто объявить себя врагом обоих сразу, он решил напасть на Нигера, а Альбина обмануть: ему он написал, что, будучи избран сенатом в императоры, хочет разделить с ним это достоинство, послал ему титул цезаря и по постановлению сената сделал его своим соправителем; и всё это Альбин принял за чистую правду. Но после того как Север победил и умертвил Нигера и умиротворил восточные дела, он, возвратившись в Рим, принёс в сенате жалобу на Альбина: будто тот, мало помня полученные от него благодеяния, предательски пытался его убить, и потому сам он вынужден идти покарать его неблагодарность. Затем он отправился отыскать его во Франции и отнял у него и власть, и жизнь. Итак, кто досконально исследует деяния этого человека, найдёт в нём свирепейшего льва и хитрейшую лисицу, увидит, что все его боялись и чтили, а войска не ненавидели, и не удивится тому, что он, человек новый, сумел удержать столь огромное верховное владычество, поскольку величайший его авторитет неизменно защищал его от той ненависти, какую народы могли затаить из-за его грабежей[7]. Но сын его Антонин тоже был человеком превосходнейшим и заключал в себе превосходнейшие качества, которые делали его достойным восхищения в глазах народов и желанным для солдат, так как он был человеком военным, выносливейшим ко всякому труду, презиравшим всякую изысканную пищу и всякую иную изнеженность, что заставляло все войска любить его. Тем не менее его свирепость и жестокость были столь велики и столь неслыханны — ведь после множества отдельных убийств он перебил значительную часть народа Рима и весь народ Александрии, — что он сделался ненавистнейшим для всего мира, и его начали бояться даже те, кто его окружал, так что он был убит одним центурионом посреди собственного войска. Здесь следует заметить, что подобных смертей, которые происходят по решению духа решительного и упорного, князья избежать не могут,

потому что всякий, кто не считается с собственной смертью, способен это совершить; однако князю следует меньше их бояться, так как они крайне редки. Он должен лишь остерегаться наносить тяжкую обиду кому-либо из тех, чьими услугами пользуется и кого держит при себе на службе своему княжеству, как поступил Антонин, который с позорным глумлением предал смерти брата того центуриона, а самому ему ежедневно угрожал и тем не менее держал его в числе своих телохранителей — что было шагом безрассудным и ведущим к гибели, как с ним и случилось. Но перейдём к Коммоду, которому было в высшей степени легко удерживать верховное владычество, поскольку он владел им по наследству как сын Марка; и ему достаточно было лишь следовать по стопам отца — и он удовлетворил бы и народы, и солдат; но, будучи духом жесток и звероподобен, он, чтобы тешить свою хищность на народах, принялся ублажать войска и приучать их к распущенности; с другой же стороны, не храня своего достоинства, часто спускаясь на арены театров, чтобы биться с гладиаторами, и совершая иные нижайшие поступки, мало достойные императорского величия, он сделался презренным в глазах солдат; и, будучи ненавидим с одной стороны и презираем с другой, пал жертвой заговора и был убит[8].

Нам остаётся рассказать о качествах Максимина. Это был человек в высшей степени воинственный; и поскольку войска испытывали отвращение к изнеженности Александра, о котором я говорил выше, они после его убийства избрали на верховное владычество Максимина; но владел он им недолго, поскольку две вещи сделали его ненавистным и презираемым: одна — его крайняя худородность, так как он пас овец во Фракии (что было повсюду общеизвестно и навлекало на него великое пренебрежение в глазах каждого); другая — то, что, отложив в начале своего единовластия [*principato*] поход в Рим и вступление во владение императорским престолом, он приобрёл славу жесточайшего правителя, совершив руками своих префектов в Риме и во всякой области Империи множество жестокостей; так что, когда весь мир пришёл в волнение, с одной стороны, от негодования из-за низости его крови, а с другой — от ненависти, порождённой страхом перед его свирепостью, сперва Африка, затем сенат со всем народом Рима и вся Италия сговорились против него; к этому присоединилось и его собственное войско, которое, осаждая Аквилею и встречая трудности при её взятии, испытывая отвращение к его жестокости и меньше боясь его при виде стольких его врагов, убило его. Я не хочу рассуждать ни о Гелиогабале, ни о Макрине, ни о Юлиане, которые,

будучи всецело презренными, погибли тотчас же; но перейду к заключению этого рассуждения и скажу, что князья наших времён в своём правлении меньше испытывают эту трудность — необходимость сверх меры угождать солдатам; потому что, хотя с ними и нужно в какой-то мере считаться, всё же дело это разрешается быстро, так как ни у кого из нынешних князей нет постоянных собранных воедино войск, которые срослись бы давней привычкой с правлением и управлением провинциями, как это было у войск Римской империи; и потому, если тогда было необходимо угождать солдатам больше, чем народам, то оттого, что солдаты имели больше силы, чем народы; ныне же всем князьям, за исключением Турка и Султана, более необходимо угождать народам, чем солдатам, поскольку народы сильнее последних. Из этого правила я исключаю Турка, так как он постоянно держит при себе двенадцать тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников, от которых зависит безопасность и мощь его царства, и ему необходимо сохранять их себе друзьями, отложив всякую иную оглядку в отношении народов. Таково же и царство Султана: поскольку оно целиком находится в руках солдат, ему также приходится сохранять их себе друзьями без оглядки [*senza respetto*] на народы. И вы должны заметить, что этот властный уклад Султана не похож на все прочие княжества, так как он подобен христианскому понтификату, который нельзя назвать ни наследственным княжеством, ни новым княжеством: ведь наследниками и властителями остаются не сыновья умершего князя, а тот, кто избирается на эту ступень теми, у кого есть на это полномочия. И поскольку этот порядок укоренился издавна, его нельзя назвать новым княжеством, так как в нём нет ни одной из тех трудностей, какие бывают в новых; ведь хотя сам князь и новый, порядки [*ordini*] этого властного уклада стары и устроены так, чтобы принять его, словно он их наследственный властитель[9].

Но, возвращаясь к нашему предмету, скажу: всякий, кто вдумается в вышеизложенное рассуждение, увидит, что причиной крушения названных выше императоров была либо ненависть, либо презрение, и поймёт также, отчего вышло так, что, хотя одни из них действовали одним образом, а другие — противоположным, при каждом из этих способов действия один имел счастливый конец, а прочие — несчастный: ведь для Пертинакса и Александра, поскольку они были новыми князьями, оказалось бесполезным и вредным желание подражать Марку, пребывавшему в наследственном княжестве; и точно так же для Каракаллы, Коммода и Максимина пагубным делом оказалось

подражать Северу, поскольку у них не было столько доблести, сколько требовалось, чтобы идти по его стопам. Поэтому новый князь в княжестве не может подражать деяниям Марка, да и деяниям Севера следовать ему нет необходимости; но он должен взять от Севера те черты, которые необходимы для основания своего властного уклада, а от Марка — те, которые подобают и приносят славу при сохранении властного уклада, уже упроченного и твёрдого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Латинский заголовок главы (*De contemptu et odio fugiendo*) и итальянский подзаголовок (*Che si debbe fuggire l'essere disprezzato e odiato*) ставят на первое место презрение (*contemptus*, *dispregio*), а затем ненависть (*odium*, *odio*), подводя итог разбору качеств князя в главах XV–XVIII. Внутри абзаца Макиавелли варьирует лексику презрения (*vile*, *abietto* — «презренный, низкий») и выстраивает строгую антитезу: пяти порокам слабости (*vario, leggiero, effeminato, pusillanimo, irresoluto*) противопоставлены четыре римские гражданско-воинские доблести — *grandezza* (величие — против малодушия), *animosità* (отвага духа — против «женоподобия», *effeminato*, этимологически отрицающего мужское начало *vir* в слове *virtù*), *gravità* (римская *gravitas*, весомость — против легкомыслия) и *fortezza* (стойкость — против переменчивости и нерешительности). Тем самым стоическая таблица добродетелей из трактата Цицерона «Об обязанностях» (*De officiis*, I, 18–20, 61–92) переосмыслена инструментально — как зримый облик непреклонной власти, создающий спасительный авторитет (*riputazione*).
2. Выражение «у совокупности людей» передаёт средневеково-ренессансный юридический латинизм *università* (лат. *universitas* — корпоративное целое, сословие либо вся масса подданных как единое сообщество; ниже в этой же главе Макиавелли назовёт *università* отдельные социально-политические силы: народ, войско и знать). Краткий очерк анатомии заговоров в главе XIX предвосхищает знаменитую главу «О заговорах» в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» (*Discorsi*, III, 6 — самую пространную главу всего сочинения), где та же асимметрия страха на стороне заговорщиков и институциональной защиты на стороне князя развёрнута на десятках античных и ренессансных примеров. Отсылка к спартанскому правителю Набиду (правил в 207–192 гг. до н. э.), выдержавшему осаду римлян и ахейцев благодаря опоре на народ, возвращает читателя к главе IX «Князя».
3. Речь идёт о событиях июня 1445 г. в Болонье. Мессер Аннибале I Бентивольо, первенствующий правитель («князь») Болоньи, был убит 24 июня 1445 г. заговорщиками из враждебного рода Каннески при тайном подстрекательстве миланского герцога Филиппо Марии Висконти. Законному сыну убитого — Джованни II Бентивольо (1443–1508; правил Болоньей в 1463–1506 гг., отец упомянутого Макиавелли «нынешнего мессера Аннибале», т. е. Аннибале II Бентивольо, 1469–1540) — шёл тогда лишь третий год («лежал в пелёнках»). Истребив Каннески, болонцы по

совету графа Франческо Поппи разыскали во Флоренции двадцатилетнего Санти Бентивольо (1424–1463) — побочного сына кузена убитого, Эрколе Бентивольо; юноша воспитывался в доме флорентийского цеховика-шерстяника Аньоло да Кашезе (у Макиавелли — «кузнеца», *fabbro*). С одобрения Козимо де Медичи Санти принял регентское правление Болоньей (1446) и успешно удерживал власть до самой смерти в 1463 г., передав её возмужавшему Джованни II (подробнее об этом эпизоде см. в «Истории Флоренции» Макиавелли, VI, 9–10).

4. Суждение о французской монархии опирается на личный дипломатический опыт Макиавелли, четырежды ездившего послом Флорентийской республики ко двору Людовика XII (в 1500, 1504, 1510 и 1511 гг.; ср. его аналитическую записку «Очерк дел Франции» — *Ritratto di cose di Francia*). Под «Парламентом» (*il Parlamento*) подразумевается не сословно-представительное собрание, а Парижский парламент (выделившийся из королевской курии при Людовике IX в середине XIII в. и окончательно оформленный при Филиппе IV Красивом ок. 1302 г., а позднее дополненный провинциальными парламентами) — верховная судебная палата королевства, обладавшая правом регистрации королевских ордонансов и неподкупного суда над высшей знатью (местоимение в обороте *volendo assicurarli* согласовано по смыслу с простыми людьми, подразумеваемыми под собирательным *l'universale*, хотя часть комментаторов относит *-li* к *i grandi*, защищаемым судебной уздой от народной расправы). Сквозное повторение слова *carico* («тягота, бремя нареканий, недовольство») подводит к знаменитой максиме о разделении карательных и милостивых функций (ср. расправу Чезаре Борджа над собственным наместником Ремирро де Орко в гл. VII, а также совет Симонида тирану Гиерону у Ксенофонта: «Гиерон», IX, 1–3).
5. Весь римский экскурс главы XIX (десять императоров — от Марка Аврелия, скончавшегося в 180 г., до гибели Максимина Фракийца в 238 г.; младший сын Септимия Севера Гета, убитый братом в конце 211 г., опущен) построен на материале восьми книг «Истории императорской власти после Марка» греческого историка Геродиана (ок. 170 — после 240 г.), которую Макиавелли читал в прославленном латинском переводе гуманиста Анджело Полициано (*Historia de imperio post Marcum*, 1493). В печатных изданиях итальянской вульгаты (включая воспроизведённый в исходнике текст: *Antonino, Caracalla suo figliuolo* здесь и *di Antonino, di Caracalla* ниже) типографская пунктуация и повтор предлога ошибочно раздробили официальное династическое имя и прозвище одного и того же лица — старшего сына Септимия Севера Марка Аврелия Антонина, прозванного Каракаллой (правил единолично в 211–217 гг.; в рукописях и критических изданиях Дж. Лизио и Дж. Инглезе читается *Antonino Caracalla*). Как явствует из дальнейшего изложения («сын его Антонин» в шестом абзаце и «Каракалла» в восьмом), сам Макиавелли вслед за Геродианом (IV, 1–13) отлично знал, что Антонин и Каракалла — один император; упоминание «двойного жалованья» (*duplicato stipendio*) ниже также прямо восходит к Геродиану (IV, 4, 7).
6. Марк Аврелий (правил в 161–180 гг.) в действительности получил власть по усыновлению от императора Антонина Пия (138 г.), скреплённому

браком с дочерью последнего Фаустиной Младшей, что Макиавелли (опираясь на Геродиана, I, 2) приравнивает к бесспорному наследственному преемству. Публий Гельвий Пертинакс (род. в 126 г., на момент воцарения 66-летний старик) продержался у власти всего 87 дней (январь — 28 марта 193 г.) и был убит преторианцами, не стерпевшими восстановления дисциплины после разнузданности Коммода (Геродиан, II, 1–5). Александр Север (правил тринадцать с небольшим лет, в 222–235 гг.; округлённый срок «четырнадцать лет» и деталь о том, что при нём никто не был казнён без суда — *ingiudicato*, — дословно воспроизводят Геродиана, VI, 1, 7, в латыни Полициано *indicta causa*), находившийся под всецелым влиянием своей матери Юлии Мамеи, был убит вместе с нею взбунтовавшимися легионерами близ Могонциака (Майнца) в марте 235 г. Вывод Макиавелли о том, что перед лицом испорченного сообщества (*università corrotta*) «добрые дела тебе враждебны» (*le buone opere ti sono inimiche*), наносит прямой удар по классической доктрине Цицерона (*De officiis*, II, 32) и Сенеки («О милосердии» — *De clementia*, I, 19), учивших, будто добродетель и кротость правителя сами по себе служат надёжнейшим щитом от ненависти подданных.

7. Луций Септимий Север (правил в 193–211 гг.), уроженец африканской Лептис-Магны («человек новый», лат. *homo novus*), командовал верхнепаннонскими легионами (римскую Паннонию и Иллирик Макиавелли именует современным ему венецианским географическим названием «Склавония» — *Schiavonia*, подобно тому как римскую Галлию чуть ниже называет «Францией»), когда после убийства Пертинакса Дидий Юлиан купил императорский пурпур на торгах у преторианцев (март 193 г.). Стремительно заняв Рим под лозунгом мести за Пертинакса (июнь 193 г.), Север усыпил бдительность британского наместника Клодия Альбина титулом цезаря, разгромил сирийского претендента Песценния Нигера при Иссе (194 г.), а затем уничтожил войско Альбина в битве при Лугдуне (Лионе) в феврале 197 г. (Геродиан, II, 9 — III, 7). Парная характеристика реакции подданных Севера — «ошеломлёнными и оцепенелыми» (*attoniti e stupidi*) — перекликается с описанием жителей Романьи после казни Ремирро де Орко в главе VII (*satisfatti e stupidi*), а театрально-правовой оборот *usare la persona* (лат. *personam gerere* — «надевать личину, исполнять роль») связывает пример Севера с притчей о льве и лисице из главы XVIII.
8. Каракалла после убийства брата Геты устроил кровавую резню его сторонников и зрителей цирка в Риме (212 г.), а в 215 г. вероломно перебил множество жителей Александрии в отместку за насмешки горожан (Геродиан, IV, 6; IV, 8–9). Во время парфянского похода, 8 апреля 217 г. близ Карр в Месопотамии, он был заколот офицером императорской охраны Юлием Марциалом, брата которого император за несколько дней до того казнил по недоказанному доносу, продолжая осыпать самого Марциала насмешками и угрозами (Геродиан, IV, 13; этот же казус Макиавелли разбирает в *Discorsi*, III, 6, а тезис о неотвратимости удара со стороны человека, презревшего собственную смерть, восходит к Сенеке: «Нравственные письма к Луцилию», IV, 8). Коммод (правил в 180–192 гг.), выходивший на арену в облике Геркулеса и гладиатора-секутора,

был задушен атлетом Нарциссом в новогоднюю ночь 31 декабря 192 г. в результате дворцового заговора префекта претория Лета, спальника Эклекта и наложницы Марции (Геродиан, I, 15–17).

9. Заключительная часть седьмого абзаца содержит ряд важнейших исторических и филологических реалий. Максимин Фракиец (правил в 235–238 гг.), некогда пастух из Фракии, возвысившийся благодаря исполинской физической силе, после провозглашения императором на Рейне так ни разу и не вступил в Рим; весной 238 г., вслед за восстанием Гордианов в Африке и переходом сената к открытому отпору, он увяз под стенами Аквилеи и был убит вместе с сыном солдатами II Парфянского легиона (Геродиан, VII–VIII; бегло упомянутые наряду с Дидием Юлианом Макрин, правивший в 217–218 гг., и Гелиогабал, он же Элагабал, правивший в 218–222 гг., погибли от рук солдат из-за презрения к их трусости и распутству). В пассаже об османском правителе («Турке») наречие *intorno* в обороте *tenendo sempre quello intorno dodicimila fanti e quindicimila cavalli* означает не «около», а «при себе, вокруг своей особы»: имеются в виду регулярные части султанского двора (*капыкулу*) — корпус янычарской пехоты и придворная конница сипахов Порты, численность которых в венецианских и флорентийских реляциях начала XVI в. определялась именно в 12 тыс. пехотинцев и 15 тыс. всадников. Под «Султаном» (*il Soldano*) в отличие от «Турка» подразумевается мамлюкский султан Египта и Сирии с резиденцией в Каире: власть в этой державе принадлежала замкнутой военно-служилой касте мамлюков, эмиры которой избирали нового султана из собственной среды, что и позволило Макиавелли провести дерзкую структурную параллель между мусульманским султанатом и «христианским понтификатом» (папским престолом, избираемым коллегией кардиналов; ср. гл. XI). Поскольку в 1516–1517 гг. османский султан Селим I разгромил мамлюков и присоединил Сирию и Египет к Османской империи, описание державы «Султана» как существующей в настоящее время служит классическим внутренним свидетельством того, что текст главы XIX был написан в 1513–1514 гг. и не подвергался переработке после января 1517 г. Наконец, в восьмом абзаце Коммод (180–192) поставлен в один ряд с теми, кто пагубно «подражал Северу» (193–211): хронологическая инверсия объясняется тем, что Макиавелли употребляет имя Севера типологически — как эталон жестокого военно-хищнического способа властвования.

ГЛАВА XX

Полезны или вредны крепости и многое другое, что нередко делают князья

An arces et multa alia quae cotidie a principibus fiunt utilia an inutilia sint

◆

Некоторые князья, чтобы надёжно удерживать власть [*tenere sicuramente lo stato*], разоружали своих подданных; другие держали подвластные города расколотыми на партии; иные взращивали вражду против самих себя; иные обращались к тому, чтобы привлечь на свою сторону тех, кто внушал им подозрение в начале их власти; одни возводили крепости, другие же срывали и разрушали их[1]. И хотя обо всех этих вещах нельзя вынести определённого суждения, не вдаваясь в частные обстоятельства тех властных укладов [*stati*], где предстояло бы принять какое-либо подобное решение, всё же я буду говорить в том общем виде, какой сам по себе допускает этот предмет. Итак, никогда не бывало, чтобы новый князь [*principe nuovo*] разоружал своих подданных; напротив, застав их безоружными, он всегда вооружал их; потому что с их вооружением оружие это становится твоим, те, кто был тебе подозрителен, становятся верными, те, кто и прежде был верен, остаются таковыми, а подданные твои делаются твоими приверженцами. А поскольку вооружить всех подданных невозможно, то, когда ты наделяешь милостями тех, кого вооружаешь, в отношении остальных можно быть в большей безопасности [*sicurtà*]: то различие в обращении, которое первые замечают на себе, делает их обязанными тебе, остальные же извиняют тебя, рассуждая, что по необходимости больше преимуществ должно быть у тех, на ком лежит больше опасности и больше обязанностей. Но когда ты их разоружаешь, ты тем самым начинаешь наносить им обиду и показываешь, что не доверяешь им то ли из-за их трусости, то ли из-за малой их верности; а и то и другое мнение порождает ненависть против тебя. И так как сам ты оставаться безоружным не можешь, тебе поневоле приходится обращаться к наёмному войску [*milizia mercenaria*], о котором мы выше сказали, каково оно; но даже если бы оно и было хорошим, оно не может быть столь многочисленным, чтобы защитить тебя от могущественных врагов и от подозрительных подданных. Поэтому, как я сказал, новый князь в новом княжестве [*principato*] всегда устра-

ивал там войско [*ordinato l'arme*]. Такими примерами полны истории. Но когда князь приобретает новое владение, которое как член присоединяется к старому его владению, тогда необходимо разоружить это владение, за исключением тех, кто при его приобретении открыто выступил за тебя; да и этих со временем и при благоприятных случаях [*occasioni*] необходимо сделать изнеженными и женоподобными, и устроить порядок так, чтобы всё оружие твоей державы находилось в руках тех твоих собственных солдат, которые живут рядом с тобой в твоём исконном владении[2].

Наши предки — и притом те, кто слыл мудрыми [*savi*], — говорили, что Пистойю необходимо держать партиями, а Пизу — крепостями; и ради этого они питали распри в том или ином подвластном им городе, чтобы легче владеть им[3]. В те времена, когда Италия пребывала в своего рода равновесии, это, должно быть, было верным решением; но не думаю, чтобы сегодня это можно было предлагать как правило, поскольку я не верю, чтобы искусственные расколы когда-либо приносили хоть какую-то пользу; напротив, при приближении неприятеля расколотые города неизбежно теряются тотчас же, так как более слабая партия всегда примкнёт к внешним силам, а другая не сможет устоять. Венецианцы, побуждаемые, как я полагаю, вышеназванными соображениями, питали гвельфские и гибеллинские партии [*sette*] в подвластных им городах; и хотя они никогда не давали им доходить до крови, всё же они поддерживали между ними эти раздоры, чтобы граждане, занятые собственными распрями, не поднимались против них. Но это, как обнаружилось впоследствии, не пошло им впрок: когда они были разбиты при Вайла, одна из этих партий тотчас осмелела, и у венецианцев отняли всю их державу[4]. Поэтому подобные приёмы [*modi*] изобличают слабость князя, поскольку в крепком княжестве такие расколы никогда не будут допущены: ведь они приносят выгоду лишь в мирное время, позволяя через них легче управляться с подданными, но с приходом войны подобное установление [*ordine*] обнаруживает свою обманчивость.

Без сомнения, князья становятся великими, когда преодолевают трудности и чинимые им препятствия; и поэтому фортуна [*fortuna*], особенно когда хочет возвеличить нового князя, у которого необходимость [*necessità*] завоевать признание [*riputazione*] больше, чем у наследственного, сама порождает ему врагов и поднимает против него враждебные предприятия, чтобы у него появился повод преодолеть их и по той самой лестнице, которую принесли ему его враги, под-

няться ещё выше. Оттого многие и считают, что мудрый князь, когда к этому представится благоприятный случай, должен с хитростью [*con astuzia*] взращивать против себя какую-нибудь вражду, чтобы, подавив её, достичь благодаря этому ещё большего величия. Князья, и в особенности новые, находили больше верности и больше пользы в тех людях, которые в начале их власти считались подозрительными, чем в тех, кому вначале доверяли. Пандольфо Петруччи, князь Сиены, правил своим владением, опираясь больше на тех, кто прежде был ему подозрителен, чем на остальных[5]. Но об этом нельзя говорить в общих чертах, поскольку дело меняется сообразно конкретному случаю; скажу лишь то, что людей, которые в начале княжеской власти были врагами, но по положению своему таковы, что, чтобы удержаться, нуждаются в опоре, князь всегда сможет с величайшей лёгкостью привлечь на свою сторону; и они тем более вынуждены служить ему верой, чем яснее сознают необходимость загладить делами то дурное мнение, какое о них сложилось; а потому князь всегда извлекает из них больше пользы, чем из тех, кто, служа ему с чрезмерной самоуверенностью [*troppa sicurtà*], пренебрегает его делами. И раз уж предмет того требует, не хочу упустить случая напомнить князю, который недавно овладел каким-либо владением при внутренней поддержке его жителей, чтобы он хорошенько взвесил, какая причина побудила содействовавших ему оказать это содействие; и если это была не естественная привязанность к нему самому, а лишь недовольство прежним режимом, то сохранить их в друзьях он сможет лишь с огромным трудом и великими затруднениями, потому что удовлетворить их ему будет невозможно. А хорошо разобрав причину этого на примерах, почерпнутых из дел древних и современных, он увидит, что гораздо легче приобрести себе в друзья тех людей, которые были довольны прежним властным укладом и потому были его врагами, чем тех, которые из недовольства этим укладом сделались его друзьями и помогли ему занять власть.

У князей вошло в обычай, чтобы надёжнее удерживать свою власть, возводить крепости как узду и удила для всякого, кто замыслил бы выступить против них, и как надёжное убежище от первого натиска. Я хвалю этот способ действия, поскольку он применялся ещё в древности. Однако в наши времена видели, как мессер Никколо Вителли срыл две крепости в Читта-ди-Кастелло, чтобы удержать власть над этим владением. Гвидобальдо, герцог Урбинский, вернувшись в своё владение, откуда его изгнал Чезаре Борджа, разрушил до основания

все крепости той области, рассудив, что без них ему труднее будет вновь утратить это владение. Бентиволью, возвратившись в Болонью, прибегли к подобной же мере[6]. Стало быть, крепости полезны или нет в зависимости от времени; и если в одном отношении они приносят тебе пользу, то в другом вредят. И рассудить об этом предмете можно так: тот князь, который больше боится собственного народа [*popoli*], чем чужеземцев, должен строить крепости; но тот, кто больше боится чужеземцев, чем народа, должен от них отказаться. Дому Сфорца Миланский замок, возведённый там Франческо Сфорца, принёс и ещё принесёт больше военной беды, чем любое иное неустройство той державы[7]. Поэтому лучшая из всех крепостей — не быть ненавистным народу; ведь пусть даже у тебя есть крепости, но народ питает к тебе ненависть, они тебя не спасут: как только народ возьмётся за оружие, у него никогда не будет недостатка в чужеземцах, готовых прийти ему на помощь. В наши времена не видно, чтобы крепости принесли пользу хоть какому-нибудь князю, кроме разве графини Форли, когда был убит её супруг граф Джироламо: благодаря крепости она смогла укрыться от народного натиска, дождаться подмоги из Милана и вернуть себе власть; а времена тогда стояли такие, что чужеземец не мог прийти на помощь народу. Но впоследствии крепости мало помогли и ей самой, когда на неё напал Чезаре Борджа, а враждебный ей народ соединился с чужеземцем[8]. Стало быть, и тогда, и прежде для неё было бы куда надёжнее не вызывать ненависти народа, чем владеть крепостями. Итак, взвесив всё это, я похвалю и того, кто станет возводить крепости, и того, кто не станет, но осужу всякого, кто, полагаясь на крепости, мало будет считаться с тем, что ненавистен народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В рукописной традиции подлинный латинский заголовок главы гласит: *An arces et multa alia quae cotidie a principibus fiunt utilia an inutilia sint* («Полезны или бесполезны крепости и многое другое, что изо дня в день совершают князья»); итальянский подзаголовок восходит к печатной традиции 1532 г. (издания А. Бладо и Б. Джунты). Композиционно глава XX завершает военный раздел трактата (гл. XII–XX) и связывает учение о собственном оружии с политической психологией подданных (гл. XVII–XIX). Слово *terre* (*le terre suggette*) во флорентийском канцелярском языке XVI в. означает укреплённые города и городские коммуны подвластной территории, а *stato* выступает у Макиавелли как реальное обладание властью, режим или территориальное владение конкретного правителя.

2. Макиавелли проводит жёсткое структурное различие между всецело новым княжеством (*principato nuovo*, ср. гл. VI–VII), где князь создаёт собственное войско из вооружённых подданных, и присоединённой провинцией в составе смешанного княжества (*membro aggiunto*, ср. гл. III), которую необходимо разоружить и постепенно изнежить (*fargli molli ed effeminati*), сосредоточив военную силу в старожильческом ядре державы (*nello Stato tuo antico*). Тем самым переворачивается традиционная тираническая максима Аристотеля («Политика», V, 11, 1311a), согласно которой всякий новый единовластец разоружает подданных из недоверия к ним: для Макиавелли разоружение собственных граждан губительно, поскольку толкает князя в зависимость от наёмников (*milizia mercenaria*, см. гл. XII).
3. Знаменитая поговорка флорентийской олигархии XV в. — *tenere Pistoia con le parti, e Pisa con le fortezze* (засвидетельствована в протоколах флорентийских совещаний *Consulte e Pratiche* и приписывалась кругу Лоренцо Великолепного; ср. «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», II, 24 и III, 27). Ирония Макиавелли слышна в оговорке «те, кто слыл мудрыми» (*quelli che erano stimati savi*): в 1500–1501 гг. он сам неоднократно направлялся Второй канцелярией в Пистойю для усмирения кровавой вражды между партиями Панчатики и Канчелльери и воочию убедился в разрушительности такой политики, а отпадение Пизы в 1494 г. показало бессилие флорентийских цитаделей при вторжении французских войск Карла VIII. Под «своего рода равновесием» (*Italia… in un certo modo bilanciata*) подразумевается система итальянской пентархии (Милан, Венеция, Флоренция, Папская область, Неаполь), державшаяся со времён Лодийского мира 1454 г. до итальянского похода 1494 г.
4. Речь идёт о сокрушительном разгроме венецианской армии войсками Камбрейской лиги при Аньяделло (Вайла) 14 мая 1509 г. (ср. гл. XII): сразу после поражения проимперские и профранцузские группировки в городах Ломбардии и Романьи открыли ворота неприятелю, и Венеция в считанные недели лишилась почти всех своих материковых владений (*Stato di Terraferma*). Местоимение в обороте *una parte di quelle* допускает соотнесение как с партиями (*sette*), так и с подвластными городами (*città suddite*), а согласование по смыслу во множественном числе (*prese ardire, e tolsono loro tutto lo Stato*) передаёт стремительный переход от первого мятежа к всеобщему отпадению городских клик и общин.
5. Образ врагов, приносящих к стенам осадную лестницу (*scala*), по которой сам же князь поднимается выше, соединяет реалии ренессансной полиоркетики с гуманистической эмблематикой фортуны. Пандольфо Петруччи (1452–1512) — фактический правитель (*signore*, у Макиавелли назван *principe*) Сиены с конца 1490-х гг., глава олигархической коллегии Девяти (*Monte dei Nove*). Макиавелли неоднократно вёл с ним дипломатические переговоры (в 1501, 1505 и 1507 гг.) и ниже, в гл. XXII, вновь ставит в пример его политическое благоразумие. Замечательна также двойная семантика слова *sicurtà* в этой главе: выше оно означало внешнюю безопасность положения князя, тогда как здесь (*servendolo con troppa sicurtà*) обозначает самодовольную беспечность старых сторонников, считающих своё положение при дворе незыблемым.

6. Макиавелли приводит три новейших примера намеренного срытия крепостей: 1) кондотьер Никколо Вителли (1414–1486), изгнанный из Читта-ди-Кастелло папой Сикстом IV в 1474 г., отвоевав город в 1482 г. при поддержке Флоренции и Милана, срыл обе возведённые папой крепости, чтобы опереться исключительно на преданность горожан; 2) Гвидобальдо да Монтефельтро (1472–1508), герцог Урбинский, изгнанный Чезаре Борджа в июне 1502 г. и ненадолго вернувший себе владение во время заговора кондотьеров в Маджоне в октябре 1502 г. (когда при дворе Борджа в Имоле находился сам Макиавелли), приказал срыть крепости герцогства, чтобы в случае нового захвата Борджа не смог удержать их гарнизонами; 3) братья Аннибале II и Эрмес Бентиволь, вернувшись в Болонью в мае 1511 г. при поддержке французов, вместе с горожанами разрушили до основания ненавистную папскую крепость у Порта Галльера, построенную Юлием II в 1507 г. В «Рассуждениях» (II, 24) Макиавелли подвергнет политику строительства крепостей ещё более радикальной критике.
7. Замок Порта Джовия (*Castello Sforzesco*) в Милане, разрушенный горожанами в период Амвросианской республики (1447–1450), был заново отстроен Франческо Сфорца с 1450 г. В оригинале использован резкий оборот *ha fatto e farà più guerra* (букв. «вёл и ещё поведёт больше войны» против самого дома Сфорца): надежда на неприступность цитадели приучила наследников Франческо пренебрегать недовольством миланцев, а в сентябре 1499 г., при вторжении Людовика XII, комендант замка Бернардино да Корте за деньги сдал твердыню французам без боя. Пророческое будущее время (*e farà*) отражает обстановку 1513 г.: французский гарнизон, удерживавший Миланский замок вплоть до ноября 1513 г., оставался постоянной угрозой для непрочной власти Массимилиано Сфорца, а в 1515 г. после битвы при Мариньяно он же вновь сдал в этом замке своё герцогство Франциску I.
8. Катерина Сфорца (1463–1509), внебрачная дочь миланского герцога Галеаццо Марии Сфорца и супруга Джироламо Риарио, синьора Имолы и Форли (племянника Сикста IV). Когда 14 апреля 1488 г. заговорщики из рода Орси убили графа Джироламо и подняли народ к восстанию, Катерина сумела запереться в крепости Равальдино (знаменитый эпизод подробно описан Макиавелли в «Рассуждениях», III, 6 и «Истории Флоренции», VIII, 34), дождалась миланско-болонского войска, присланного её дядей Лодовико Моро, и вернула власть. Однако в декабре 1499 — январе 1500 г., когда на Форли двинулся Чезаре Борджа с французской артиллерией и враждебные графине горожане сами впустили завоевателя в город, та же цитадель пала после штурма 12 января 1500 г., а Катерина попала в плен. Формула *popoli* во множественном числе (*non essere odiato da' popoli*), чередующаяся с единственным *popolo*, характерна для флорентийского политического языка XVI в., обозначавшего совокупность городских общин и простонародья подвластных земель.

ГЛАВА XXI

Как должен вести себя князь, чтобы завоевать признание

Quod principem deceat ut egregius habeatur

◆

Ничто не заставляет так высоко ценить князя, как великие предприятия [*grandi imprese*] и подаваемые им самим редкие примеры[1]. В наши времена перед нами Фердинанд, король Арагона, нынешний король Испании. Его можно назвать почти новым князем [*principe nuovo*], поскольку из слабого короля он сделался по громкому имени и по славе первым королём среди христиан; а если вы рассмотрите его деяния, то найдёте их все громадными, а иные и вовсе необычайными. В начале своего царствования он напал на Гранаду, и предприятие это стало основанием его державы [*stato*]. Во-первых, он начал эту войну в спокойную пору, не опасаясь ни с чьей стороны помехи; он занял ею дух [*animi*] кастильских баронов, которые, думая об этой войне, не думали о переворотах; а сам он тем временем незаметно для них приобретал признание [*riputazione*] и верховное владычество [*imperio*] над ними. На деньги Церкви и народа он смог содержать войска и этой долгой войной заложить основание своему войску [*milizia*], которое впоследствии прославило его[2]. Кроме того, чтобы иметь возможность взяться за ещё более великие предприятия, неизменно пользуясь религией, он обратился к благочестивой жестокости [*pietosa crudeltà*], изгоняя из своего королевства марранов и обирая их; и не может быть примера более удивительного и более редкого[3]. Под этим же самым плащом он напал на Африку, совершил итальянский поход, а недавно напал на Францию; и так он непрестанно замышлял великие дела, которые неизменно держали дух подданных в напряжённом ожидании и изумлении, приковывая их внимание к исходу событий[4]. И деяния эти вырастали одно из другого таким образом, что никогда не оставляли людям передышки, чтобы успокоиться и повести дело против него.

Весьма полезно для князя подавать редкие примеры и во внутреннем управлении — подобные тем, какие рассказывают о мессере Бернабо Миланском, — всякий раз, когда даёт к этому благоприятный повод [*occasione*] кто-либо, совершивший в гражданской жизни нечто

из ряда вон выходящее, в добром ли, в дурном ли, и находить такой способ наградить его или покарать, о котором потом будут много говорить[5]. А превыше всего князь должен стараться в каждом своём деянии завоёвывать себе славу человека великого и превосходного. Ценят князя ещё и тогда, когда он — истинный друг или истинный враг, то есть когда он без всякой оглядки [*senza alcun rispetto*] открыто выступает на стороне одного против другого; и решение такое всегда будет полезнее, чем оставаться нейтральным. Ведь если двое могущественных твоих соседей схватятся между собой, то они либо таковы, что в случае победы одного из них тебе придётся бояться победителя, либо нет. В любом из этих двух случаев тебе всегда будет полезнее открыто определить свою сторону и вести настоящую войну; поскольку в первом случае, если ты открыто не выступишь, ты неизбежно станешь добычей победителя к удовольствию и удовлетворению побеждённого, и не будет у тебя ни довода, ни чего-либо иного, что защитило бы тебя, ни того, кто дал бы тебе приют. Ведь победитель не желает подозрительных друзей, которые не помогают ему в невзгодах; а проигравший не примет тебя, поскольку ты не захотел с оружием в руках разделить его фортуну [*fortuna*].

Антиох переправился в Грецию, призванный туда этолийцами, чтобы изгнать оттуда римлян. Антиох отправил послов к ахейцам, бывшим друзьями римлян, призывая их держаться посередине; а с другой стороны, римляне убеждали их поднять оружие на их стороне. Дело это поступило на обсуждение в собрание ахейцев, где посол Антиоха склонял их сохранять нейтралитет; на что римский легат ответил: «Что же касается утверждения, будто наилучшее и полезнейшее для вашей державы — не вмешиваться в нашу войну, то нет для вас ничего пагубнее; ведь, не вмешавшись в неё, вы без всякой благосклонности и без всякого признания останетесь наградой победителю»[6]. И всегда выйдет так, что тот, кто тебе не друг, станет просить у тебя нейтралитета, а тот, кто тебе друг, будет добиваться, чтобы ты открыто выступил с оружием. Нерешительные же князья, желая избежать нынешних опасностей, чаще всего идут этим нейтральным путём и чаще всего терпят крушение [*rovinano*]. Но когда князь решительно и открыто выступает на чьей-либо стороне, то если тот, к кому ты примкнул, побеждает, — пусть даже он могуществен и ты остаёшься в его воле, — он всё же связан перед тобой обязательством и между вами завязалась привязанность; а люди никогда не бывают столь бесчестны, чтобы подавить тебя, подавая настолько вопиющий

пример неблагодарности. К тому же победы никогда не бывают столь безоблачными, чтобы победителю не приходилось иметь хоть какую-то оглядку [*qualche rispetto*], и более всего — на справедливость[7]. Если же тот, к кому ты примкнул, терпит поражение, он даёт тебе приют и, пока может, помогает тебе, а ты становишься товарищем по фортуне, которая ещё может воспрянуть. Во втором же случае, когда воюющие между собой таковы, что тебе нечего опасаться победителя, примкнуть к одной из сторон — тем большее благоразумие [*prudenza*]: ведь тогда ты идёшь на сокрушение одного с помощью другого, который, будь он мудр [*savio*], должен был бы его спасать; и, победив, он сам остаётся в твоей воле, а не победить с твоей помощью он не может. И здесь следует заметить, что князь должен остерегаться когда бы то ни было вступать в союз с тем, кто могущественнее его самого, ради нападения на других, разве только когда к этому его принуждает необходимость [*necessità*], как сказано выше; поскольку в случае его победы ты остаёшься в его воле, а князья должны всеми силами избегать того, чтобы оказываться в чужой воле. Венецианцы вступили в союз с Францией против герцога Миланского, хотя вполне могли избежать этого союза, — и отсюда вышло их крушение. Но когда избежать союза невозможно, — как случилось с флорентийцами, когда папа и Испания двинули войска в поход на Ломбардию, — тогда князь должен примкнуть к одной из сторон по вышеприведённым основаниям[8]. И пусть ни одна власть никогда не думает, будто может принимать вполне безопасные решения; напротив, пусть считает, что все предстоящие ей решения неизбежно сомнительны: так уж заведено в порядке вещей, что никогда не пытаются избежать одной беды [*inconveniente*], не наталкиваясь на другую; но благоразумие в том и состоит, чтобы уметь распознать свойство этих бед и принять наименее дурную за благо[9].

Князь также должен показывать себя ценителем доблестей [*virtù*] и оказывать почёт искуснейшим мастерам в каждом ремесле и искусстве. Кроме того, он должен ободрять своих граждан, давая им возможность спокойно заниматься своими делами — и в торговле, и в земледелии, и во всяком ином человеческом занятии, — чтобы один не воздерживался от благоустройства своих имений из страха, что их у него отнимут, а другой — от открытия торгового дела из боязни поборов; напротив, он должен учредить награды для тех, кто желает браться за такие дела, и для всякого, кто думает о том, чтобы каким бы то ни было способом возвеличить и расширить свой город

или свою державу. Помимо этого, в подобающие времена года он должен занимать народ празднествами и зрелищами; а поскольку всякий город разделён либо на цехи, либо на трибы, он должен считаться с этими сообществами, порой бывать в их собраниях, подавать пример обходительности и великолепия, неизменно, однако, храня незыблемым величие своего достоинства, поскольку в этом никогда и ни в чём не должно быть ущерба[10].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Латинский заголовок рукописной традиции — *Quod principem deceat ut egregius habeatur* («Что подобает князю, чтобы считаться выдающимся», где *quod* употреблено в значении классического *quid*). В итальянской печатной рубрике этому соответствует ключевой для Макиавелли термин *riputazione* — публичное признание, вес, авторитет и внушающее почтение мнение о могуществе правителя, создаваемое зрелищным масштабом его начинаний (*grandi imprese*). Тем самым гуманистическое учение о подобающем правителю достоинстве (ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 27, 93–94; I, 34, 124; Понтано, «О князе») переводится из плоскости внутренней моральной добродетели в плоскость действенного политического эффекта.
2. Фердинанд II Католик (1452–1516) — король Арагона (с 1479 г.), через брак с Изабеллой Кастильской объединивший Испанию, а после смерти зятя Филиппа Красивого (1506) правивший Кастилией как регент («нынешний король Испании»). Макиавелли называет этого наследственного монарха «почти новым князем» (*quasi Principe nuovo*), поскольку своё европейское первенство он выстроил заново собственными предприятиями. Гранадская война (1482–1492), завершившая Реконкисту падением последнего мавританского эмирата, начата им *ozioso* — латинизм (*otiosus*), означающий здесь не «праздность», а свободу от иных внешних войн и внутренних смут; глагол *innovare* калькирует латинское политическое выражение *res novas moliri* («замышлять политические перевороты, мятежи»). Финансирование войны шло за счёт папской десятины и буллы крестового похода (*Cruzada*), а в ходе десятилетних кампаний и последующих итальянских войн Гонсало Фернандес де Кордова сформировал знаменитую испанскую пехоту (прообраз будущих терций — *tercios*), прославившую оружие Фердинанда в Италии.
3. Знаменитый оксюморон *pietosa crudeltà* («благочестивая жестокость») концентрирует в двух словах критику показного благочестия из главы XVIII (где именно Фердинанд подразумевался под неназванным князем — *alcuno principe de' presenti tempi*, — который «только и проповедует, что мир и верность», на деле попирая и то и другое). В оригинале сжатая зевгматическая конструкция *cacciando e spogliando il suo Regno de' Marrani* (букв. «изгоняя [марранов] и обнажая своё королевство от марранов») совмещает два смысла: очищение королевства от «марранов» и конфискацию их имущества. Под обобщающим словом *Marrani* (в Испании так называли крещёных евреев — *conversos*, подозревавшихся инквизицией

в тайном иудаизме) Макиавелли объединяет Альгамбрский эдикт 1492 г. об изгнании испанских евреев и эдикты 1501–1502 гг. против гранадских и кастильских мавров (*moriscos*).

4. Перечисляются последовательные экспансионистские предприятия Фердинанда под «плащом» (*mantello*) защиты веры и Церкви: 1) африканские экспедиции 1505–1510 гг. (захват Мерс-эль-Кебира, Орана, Беджаи и Триполи при участии кардинала Сиснероса); 2) итальянская кампания (раздел Неаполитанского королевства с Людовиком XII по Гранадскому договору 1500 г. и последующее изгнание французов из Южной Италии в 1503–1504 гг.); 3) вторжение в Наварру и действия против Франции на пиренейской границе в 1512 г. под знаменем «Священной лиги» папы Юлия II (наречие *ultimamente* — «недавно» — точно датирует написание страницы 1513 годом).
5. Бернабо Висконти (1323–1385) — грозный правитель Милана (с 1354 г.), прославившийся в итальянской новеллистике (в частности, у Франко Саккетти в «Трёхстах новеллах») и хрониках своими скорыми, театрально-необычайными расправами с притеснителями и столь же неожиданными наградами простым подданным, поддерживавшими среди миланцев смешанный со страхом трепет перед верховной властью.
6. Парафраз Тита Ливия («История Рима от основания города», XXXV, 48–49): осенью 192 г. до н. э. на союзном собрании Ахейского союза в Эгии посланец селевкидского царя Антиоха III Великого убеждал ахейцев сохранять нейтралитет в надвигавшейся войне с Римом, на что римский консуляр Тит Квинкций Фламинин возразил: *«Nam quod optimum esse dicunt, non interponi vos bello, nihil immo tam alienum rebus vestris est; quippe sine gratia, sine dignitate, praemium victoris eritis»* («А что до их слов, будто для вас наилучшее — не вмешиваться в войну, то нет ничего более противного вашим выгодам: ведь без всякой благодарности и без всякого достоинства вы достанетесь в награду победителю»). Макиавелли передаёт латинское *sine dignitate* своим ключевым понятием *senza riputazione alcuna* («без всякого признания»).
7. Примечательная оговорка, уточняющая беспощадную антропологию глав XVII–XVIII: утверждая, что «люди никогда не бывают столь бесчестны» и что победитель вынужден иметь «оглядку, и более всего — на справедливость» (*qualche rispetto; e massime alla giustizia*), Макиавелли говорит не о врождённом нравственном законе, а о реальных политических ограничителях победы — ни один победитель не обладает столь безусловным перевесом, чтобы открытым вероломством против верного союзника навлечь на себя всеобщее недоверие и лишить себя союзников в будущих войнах.
8. Два противоположных исторических казуса из недавней итальянской политики: 1) по Блуаскому договору 1499 г. Венеция без крайней необходимости заключила наступательный союз с более могущественным королём Франции Людовиком XII против миланского герцога Лодовико Моро ради приобретения Кремоны и Гьяра-д'Адды, чем сама ввела в Северную Италию гегемона, погубившего её в 1509 г. (ср. гл. III); 2) напротив, в 1511–1512 гг., когда папа Юлий II и Фердинанд Испанский двинули войска «Священной лиги» против французов в Ломбардию,

Флорентийская республика во главе с пожизненным гонфалоньером Пьеро Содерини (при котором служил сам Макиавелли) не сумела избежать рокового нейтралитета и половинчатости — и после отступления французов стала беззащитной добычей испанской армии Рамона де Кардоны, взявшей и разграбившей Прато в августе 1512 г. и вернувшей во Флоренцию Медичи. Осуждение «нерешительных князей» (*Principi mal risoluti*) несёт здесь острую автобиографическую горечь (см. письма Макиавелли к Франческо Веттори за 1513–1514 гг.).

9. Одна из центральных формул политической философии Макиавелли (дословно перекликающаяся с «Рассуждениями», I, 6): в отличие от классического и схоластического понимания *prudentia* как выбора безусловного нравственного блага, макиавеллиевское благоразумие (*prudenza*) действует в трагически конфликтном «порядке вещей» (*ordine delle cose*), где безошибочно безопасных решений (*partiti sicuri*) не существует вовсе, и состоит в трезвом взвешивании зол и принятии наименее дурного исхода за условное благо (*prendere il manco tristo per buono* — ср. Цицерон, «Об обязанностях», III, 1, 3: *ex malis eligere minima*).
10. В некоторых авторитетных рукописях «Князя» после слов *amatore delle virtù* читается вставка *dando recapito alli uomini virtuosi* («давая пристанище людям доблестным и одарённым»). Множественное число *le virtù* здесь охватывает всякое высокое мастерство и дарование в науках, художествах и ремёслах (*in ciascuna arte*). Термины городского строя соединяют флорентийскую практику с римской античностью: *arti* — ремесленно-купеческие цехи (во Флоренции — 7 старших и 14 младших цехов, *Arti maggiori e minori*); *tribù* — территориальные округа и соседские объединения по образцу римских триб (флорентийские кварталы и гонфалоны, венецианские сестьере, сиенские терци); *università* — средневековое юридическое понятие *universitas*, самоуправляемая корпорация или гильдия (а не университет в позднейшем смысле). Заключительное требование сочетать обходительность (*umanità*) и щедрое великолепие (*magnificenza*) с незыблемым величием достоинства (*maestà della dignità sua*) восходит к античному идеалу *maiestas* и переосмысляет гуманистические трактаты Джованни Понтано «О великолепии» и «О князе».

ГЛАВА XXII

О секретарях князей

De his quos a secretis principes habent

◆

Немаловажен для князя выбор министров [*ministri*]: хороши они или нет — зависит от благоразумия [*prudenza*] самого князя[1]. И первая догадка, которую составляют о властителе и его уме [*cervel suo*], строится при взгляде на людей, которые его окружают: когда они дельны [*sufficienti*] и верны, его всегда можно считать мудрым [*savio*], поскольку он сумел распознать их дельность и удержать их в верности[2]. Когда же они иные, о нём всегда можно составить неблагоприятное суждение, так как первую свою ошибку он совершает именно в этом выборе. Не было никого, кто, зная мессера Антонио да Венафро как министра Пандольфо Петруччи, князя Сиены, не рассудил бы, что Пандольфо — благоразумнейший человек, раз держит у себя такого министра[3]. Ведь умы бывают трёх пород [*tre generazioni cervelli*]: один постигает всё сам по себе; другой постигает то, что ему показывают другие; третий не постигает ни сам по себе, ни по разъяснению других. Первый — превосходнейший, второй — превосходный, третий — бесполезный[4].

Поэтому по необходимости [*di necessità*] выходило, что если Пандольфо и не стоял на первой ступени, то уж наверняка стоял на второй: ведь всякий раз, когда у человека хватает рассудка распознать добро и зло в том, что другой делает и говорит, пусть даже сам он и не обладает собственной находчивостью [*invenzione*], он распознаёт дурные и добрые дела министра, добрые превозносит, а дурные исправляет; и тогда министр не может надеяться обмануть его и остаётся хорошим слугой. Что же до того, как князю распознать министра, то есть на этот счёт один способ [*modo*], который никогда не подводит. Когда ты видишь, что министр думает больше о себе, чем о тебе, и во всех делах ищет собственной выгоды, такой человек никогда не будет хорошим министром, и ты никогда не сможешь на него положиться; поскольку тот, в чьих руках находится власть [*stato*] другого, никогда не должен думать о себе, а всегда о князе, и никогда не должен докладывать ему ни о чём, что к нему не относится[5]. А с другой стороны, князь, чтобы сохранить министра хорошим, должен сам думать о министре: окружать его почётом, обогащать, привязывать к себе благодеяниями, делить с ним почести и тяготы должностей [*carichi*],

чтобы обилие дарованных ему почестей и обилие богатств служили причиной тому, что он не станет желать иных почестей и богатств, а обилие этих должностных тягот заставляло его бояться перемен [*mutazioni*], сознавая, что без князя ему не устоять[6]. Итак, когда князья и министры таковы, они могут полагаться друг на друга; когда же дело обстоит иначе, исход всегда будет пагубен либо для одного, либо для другого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Латинский заголовок главы — *De his quos a secretis principes habent* («О тех, кого князья держат при тайных делах») — раскрывает этимологию итальянского *segretario* (от лат. *secretum*, доверенная властная тайна). В тексте главы Макиавелли употребляет как синоним слово *ministro* (лат. *minister* — ближайший доверенный исполнитель, первый советник и канцлер правителя, а не глава отраслевого ведомства в новоевропейском смысле). Глава имеет ощутимый автобиографический подтекст: в 1498–1512 гг. сам Макиавелли занимал пост секретаря Второй канцелярии и Совета Десяти Флорентийской республики, и рассуждение об искусстве выбора и удержания верного министра служит косвенным обращением опального секретаря к дому Медичи (ср. «Посвящение» трактата и письмо к Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г.).
2. Показательна лексическая точность оригинала: вместо возвышенных гуманистических понятий *mente* или *ingegno* Макиавелли употребляет просторечно-анатомическое флорентийское слово *cervello* (букв. «мозг, башка»). Прилагательное *sufficienti* в канцелярском языке XVI в. (от лат. *sufficiens*) означает не «достаточные», а «дельные, пригодные к должности, обладающие надлежащей выучкой». Заметно и строгое распределение эпитетов в этой и следующей главах: *savio* («мудрый») обозначает общую проницательность ума, тогда как *prudente* («благоразумный») — практическую расчётливость в оценке людей, обстоятельств и последствий.
3. Антонио Джордани да Венафро (1459–1530) — юрист из Кампании, профессор права Сиенского студио, ставший первым секретарём и правой рукой сиенского правителя Пандольфо Петруччи (см. примеч. 5 к гл. XX). Макиавелли близко наблюдал его дипломатическое искусство при дворе Чезаре Борджа (1502) и на переговорах в Сиене, а в своём донесении Совету Десяти из Сиены от 19 июля 1505 г. отзывался о нём как о «его сердце» (*il core suo*, то есть главном двигателе политики Пандольфо) и «первейшем среди прочих людей» (*il caffeo degli altri uomini*).
4. Классическая триада умов восходит к знаменитым стихам Гесиода («Труды и дни», 293–297), широко известным в античности и Возрождении через греческих и римских авторов — Аристотеля («Никомахова этика», I, 4, 1095b), Цицерона («В защиту Клуенция», 31, 84) и особенно Тита Ливия («История Рима», XXII, 29, 8, речь начальника конницы Марка Минуция Руфа к воинам о диктаторе Фабии Максиме, которую Макиавелли знал наизусть). В рукописной традиции вместо второго

intende встречается чтение *discerne* («распознаёт то, что постигают другие»); в издании Бладо 1532 г. закрепилось симметричное троекратное *intende* с эллиптическим оборотом *nè sè stesso* (в значении *nè per sè stesso* — «ни сам по себе»).

5. Глагол *ricordare* во флорентийском дипломатическом обиходе XVI в. (откуда жанр деловых записок и наставлений — *ricordi*) означал не просто «напоминать», но «докладывать, вносить на рассмотрение, подавать совет». Термин *invenzione* выше в этом же абзаце заимствован из античной риторики (*inventio* — способность самостоятельно находить замыслы и аргументы). Безусловное требование к министру отрешиться от своекорыстия тут же уравновешивается в следующем предложении трезвым расчётом: зная корыстную природу людей (ср. финал гл. XXIII), князь не полагается на бескорыстную добродетель слуги, а искусственно создаёт для него такие условия, при которых верность совпадает с его выгодой и самосохранением.
6. Под *carichi* понимаются тяжёлые должностные полномочия и ответственные правительственные поручения: исполняя суровые меры от имени князя, первый министр неизбежно наживает себе влиятельных недоброжелателей и потому кровно заинтересован в сохранении существующего режима, опасаясь любых политических переворотов (*mutazioni*), при которых он первым пал бы жертвой чужой мести.

ГЛАВА XXIII

Как следует избегать льстецов

Quomodo adulatores sint fugiendi

◆

Не хочу обойти молчанием один важный вопрос и одну ошибку, уберечься от которой князьям нелегко, если они не отличаются величайшим благоразумием [*prudentissimi*] или не умеют делать верный выбор людей[1]. Речь идёт о льстецах, которыми полны дворы; поскольку люди настолько любуются собственными делами и так сильно на этот счёт обманываются, что с трудом защищаются от этой чумы [*peste*]; а пожелав защититься от неё, рискуют навлечь на себя презрение. Ведь нет иного способа оградить себя от лести, кроме как дать людям понять, что они не оскорбляют тебя, говоря тебе правду; но когда всякий может говорить тебе правду, к тебе пропадает почтение [*riverenza*]. Поэтому благоразумный князь должен держаться третьего способа действия [*terzo modo*]: избрав в своём владении [*stato*] мудрых [*savi*] людей, только им одним он должен предоставить свободную волю [*libero arbitrio*] говорить ему правду — и притом только о том, о чём он сам спрашивает, а не о чём-либо ином; но спрашивать их он должен обо всём и выслушивать их мнения, а затем решать сам и по-своему; и с этими советниками, и с каждым из них в отдельности вести себя так, чтобы всякий знал: чем свободнее он будет высказываться, тем охотнее это будет принято князем; помимо же них не желать слушать никого, неуклонно проводить в жизнь решённое дело и быть непреклонным в своих решениях[2]. Кто поступает иначе, тот либо летит в пропасть по вине льстецов, либо беспрестанно меняет решения из-за разнобоя мнений, отчего падает уважение к нему. По этому поводу хочу привести один современный пример. Пресвитер Лука, приближённый нынешнего императора Максимилиана, говоря о его величестве, сказал, что тот ни с кем не советуется и при этом никогда ничего не делает по-своему; а происходило это оттого, что он держался образа действий, прямо противоположного вышеописанному[3]. Ведь император — человек скрытный: своих тайных замыслов [*segreti*] он никому не открывает и ничьего мнения о них не спрашивает. Но едва при воплощении в дело они начинают обнаруживаться и выходить наружу, как окружающие принимаются возражать против них, а он, будучи человеком податливым [*facile*], от них отступается. Отсюда

выходит, что сделанное в один день он сам же разрушает на другой, что никогда нельзя понять, чего он хочет или что замышляет предпринять, и что на его решения невозможно положиться.

Итак, князь должен советоваться всегда, но тогда, когда хочет он сам, а не когда хотят другие; более того, он должен отбить у каждого смелость [*torre animo*] советовать ему что бы то ни было, если сам об этом его не спрашивает; сам же он должен быть щедрым вопрошателем, а затем, в том, о чём спросил, — терпеливым слушателем правды; мало того, узнав, что кто-нибудь из какой-либо оглядки [*per qualche rispetto*] её ему не высказал, он должен приходить от этого в негодование. А поскольку многие полагают, будто иной князь, слывущий благоразумным, обязан такой славой не собственной природе, а добрым советам тех, кто его окружает, то они, без сомнения, заблуждаются; поскольку никогда не знает исключений такое общее правило: князь, который не мудр сам по себе, не может получать добрых советов, разве только по жребию судьбы [*a sorte*] он целиком вверит себя одному человеку, который всецело управлял бы им самим и был человеком величайшего благоразумия[4]. В таком случае он и впрямь мог бы находиться под хорошим управлением, но продлилось бы это недолго, потому что такой управитель [*governatore*] в скором времени отнял бы у него власть; советуясь же более чем с одним, немудрый князь никогда не получит согласных между собой советов и сам свести их воедино не сумеет. Из советников каждый будет думать о собственной выгоде [*proprietà sua*], он же не сумеет ни поправить их, ни распознать. А других и найти нельзя, потому что люди всегда окажутся дурными, если необходимость [*necessità*] не сделает их хорошими[5]. Отсюда следует вывод, что добрые советы, от кого бы они ни исходили, неизбежно рождаются от благоразумия [*prudenza*] князя, а не благоразумие князя — от добрых советов[6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тема лести при дворах монархов — классическое общее место античной и гуманистической моралистики: от трактата Плутарха «Как отличить льстеца от друга» (*Quomodo adulator ab amico internoscatur*, чья латинская формулировка перекликается с заголовком главы *Quomodo adulatores sint fugiendi*), Исократа («К Никоклу») и Тацита («Истории», I, 15) до ренессансных «зерцал князей» (Бальдассаре Кастильоне в IV книге «Придворного», Эразм Роттердамский в «Воспитании христианского государя», 1516). Однако Макиавелли радикально меняет постановку вопроса: если моралисты взывали к скромности правителя и открытой

прямоте советников, то он сразу обнажает институциональную дилемму — всеобщая свобода говорить правду подрывает почтение (*riverenza*) и ведёт к презрению (*diventare disprezzato*, ср. гл. XIX), столь же смертельному для власти, как и «чума» (*peste*) лести.

2. Выражение *libero arbitrio* («свободная воля»), несущее в схоластическом богословии и гуманистической философии метафизический смысл (к нему Макиавелли вернётся в гл. XXV в споре о фортуне), здесь демонстративно секуляризовано и превращено в строго ограниченную должностную привилегию узкого круга советников: говорить правду только по прямому запросу князя, после чего единоличное решение (*deliberare da sè a suo modo*) и непреклонность (*essere ostinato*) всецело остаются за правителем.
3. Максимилиан I Габсбург (1459–1519) — римский король с 1486 г., с февраля 1508 г. принявший с согласия папы титул избранного императора Священной Римской империи. Пресвитер Лука (*Pre' Luca*, сокращение от *Prete Luca*) — священник, апостольский протонотарий и дипломат Лука Ринальди (ум. 1513), один из ближайших посланников Максимилиана. Макиавелли лично общался с ним во время своей миссии к императорскому двору в Тироле (Больцано, Инсбрук, Тренто) в декабре 1507 — июне 1508 г. и впервые привёл этот парадоксальный отзыв Ринальди — а также характеристику уступчивости (*facile*) и расточительной непоследовательности Максимилиана — в своих аналитических отчётах «Очерк дел Германии» (*Rapporto delle cose della Magna*, 1508) и «Очерк о делах Германии» (*Ritratto delle cose della Magna*).
4. Обратим внимание на точное разведение понятий судьбы и фортуны: здесь стоит оборот *a sorte* («по жребию, по воле слепой судьбы»), а не *fortuna*. Ироническая цепочка однокоренных форм оригинала (*lo governasse… essere ben governato… quello governatore*) показывает, что «немудрый князь», передоверивший всю полноту правления единственному благоразумнейшему временщику, сам превращается из правящего субъекта в объект чужого управления и неминуемо лишается власти (*gli torrebbe lo Stato*) — вывод, опирающийся как на античные прецеденты (Сеян при Тиберии, префекты претория поздней империи), так и на итальянский опыт миланской регентской узурпации Лодовико Моро при малолетнем и безвольном племяннике Джан Галеаццо Сфорца.
5. Фундаментальная антропологическая аксиома Макиавелли (*gli uomini sempre ti riusciranno tristi, se da una necessità non sono fatti buoni*), смыкающая главу XXIII с главами XV, XVII и XVIII «Князя» и с программной главой I, 3 «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» («люди никогда не творят добра иначе как по необходимости»). Слово *proprietà* (*alla proprietà sua*) в языке XVI в. означает частную корысть, своекорыстный интерес советника; эпитеты же *tristi* («дурные, негодные, корыстные») и *buoni* («хорошие, исправные, верные долгу») описывают не спасение души, а политическую благонадёжность человека, удерживаемую лишь внешним принуждением и институциональной необходимостью (*necessità*).

6. Заключительный хиазм (*dalla prudenza del Principe… da’ buoni consigli*) подводит итог главам XXII–XXIII и полемически опровергает распространённый тезис гуманистической литературы (и придворных советников, приписывавших себе успехи князей), будто хороший совет сам по себе способен компенсировать скудость ума правителя: поскольку советники по природе своекорыстны, только собственное благоразумие (*prudenza*) князя позволяет отобрать мудрых людей, стребовать с них неприятную правду и свести разноречивые мнения в единое властное решение.

ГЛАВА XXIV

Почему князья Италии утратили свою власть

Cur Italiae principes regnum amiserunt

◆

Вышесказанное, при благоразумном соблюдении, заставляет нового князя [*principe nuovo*] казаться древним и тотчас делает его положение во власти [*nello stato*] более безопасным и прочным, чем если бы он издавна в ней укоренился[1]. Ведь за новым князем в его действиях наблюдают куда пристальнее, чем за наследственным; и когда действия эти признаются доблестными [*virtuose*], они куда сильнее завоёвывают людей и куда крепче обязывают их, чем древняя кровь; поскольку людей гораздо сильнее захватывает настоящее, чем прошлое, и когда в настоящем они обретают благо, то наслаждаются им и не ищут иного; более того, они всемерно встают на защиту князя, если только в остальных делах он не оплошает перед самим собою. И так он обретёт двойную славу: что положил начало новому княжеству [*principato nuovo*] и что украсил и укрепил его хорошими законами, хорошим оружием, хорошими друзьями и хорошими примерами[2], — подобно тому как двойным позором покроет себя тот, кто родился князем и из-за недостатка благоразумия [*prudenza*] утратил княжество. И если рассмотреть тех синьоров, которые в Италии в наши времена утратили власть [*hanno perduto lo stato*], таких как король Неаполитанский, герцог Миланский и другие[3], то в них обнаружится, во-первых, общий изъян по части оружия, в силу причин, которые подробно разбирались выше; затем будет видно, что кто-то из них либо имел врагами народы, либо, имея народ [*popolo*] другом, не сумел обезопасить себя от знати [*grandi*]; поскольку без этих изъянов не утрачиваются державы [*stati*], у которых достаточно крепости в жилах [*nervi*], чтобы держать войско в поле[4].

Филипп Македонский — не отец Александра Великого, а тот, что был побеждён Титом Квинкцием[5], — обладал невеликой державой [*non molto stato*] в сравнении с величием римлян и Греции, обрушившихся на него; тем не менее, будучи человеком военным и умевшим удерживать расположение народов и обезопасить себя от знати, он много лет выдерживал войну против них; и хотя в конце концов он утратил владение [*dominio*] несколькими городами, царство всё же осталось за ним. Поэтому пусть эти наши князья, которые многие

годы пребывали в своём княжестве, утратив его затем, винят в этом не фортуну [*fortuna*], а собственную малодушную косность [*ignavia*][6]; ведь, никогда не думая в спокойные времена о том, что те могут перемениться (а это общий изъян людей — в штиль не брать в расчёт бурю), они, когда настали времена неблагоприятные, думали о том, как бежать, а не как защищаться, и надеялись, что народы, выведенные из терпения наглостью победителей, призовут их обратно. Такой выход, за неимением иных, хорош, но очень плохо пренебречь ради него прочими средствами спасения: ведь никогда не следует падать в расчёте на то, что потом найдётся кому тебя поднять. А это либо вовсе не сбывается, либо, если и сбывается, не приносит тебе безопасности [*sicurtà*], поскольку такая защита низменна и зависит не от тебя; хороши же, надёжны и долговечны лишь те способы защиты, которые зависят от тебя самого и от твоей доблести [*virtù*].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подлинная латинская рубрика главы в рукописной традиции Макиавелли (*Cur Italiae principes regnum amiserunt* — «Почему князья Италии утратили царскую власть») в первопечатном издании Антонио Бладо (1532) передана итальянским заголовком *Perchè i Principi d'Italia abbino perduto i loro Stati* (букв. «утратили свои властные уклады / державы»). Зачин главы строится на двойной игре слов: глагол *osservare* сперва означает «соблюдать предписания» (*le cose sopradette osservate*), а в следующей фразе — «пристально наблюдать» за поступками нового правителя (*è molto più osservato*); редкий возвратный глагол *anticarsi* («состариться, издавна врасти во власть») заостряет парадокс нового князя, который благодаря расчётливому действию кажется древнее наследственного династа, а оборот *non manchi… a sè medesimo* калькирует классическую латинскую формулу *sibi non deesse* («не оплошать перед самим собою, не упустить зависящего от тебя самого»).
2. Тетрада *di buone leggi, di buone armi, di buoni amici, e di buoni esempi* сводит воедино основные темы второй половины трактата: законы и оружие (гл. XII–XIV), личный облик и образцы поведения князя перед подданными (гл. XV–XIX), обретение верных сторонников и союзников (гл. XX–XXIII). Чтение *buoni amici* («хорошими друзьями») опирается на основные рукописи и издание Бладо 1532 г.; предлагавшаяся в XIX–XX вв. рядом издателей конъектура *buoni ordini* («хорошими порядками») современной текстологией отвергается как сглаживающее исправление.
3. Подразумеваются прежде всего Федериго Арагонский (1452–1504), король Неаполя в 1496–1501 гг., лишённый престола в результате тайного Гранадского раздела (1500) между Людовиком XII Французским и Фердинандом Католиком, и Лодовико Сфорца по прозвищу Моро (1452–1508), герцог Миланский, бежавший от французов в сентябре 1499 г., ненадолго вернувший Милан в феврале 1500 г., но в апреле преданный

швейцарскими наёмниками под Новарой и окончивший дни во французском плену в замке Лош; под «другими» имеются в виду мелкие владетели Романьи и Центральной Италии.

4. Макиавелли соединяет здесь критерий военной самодостаточности княжества из гл. X (*tenere un esercito alla campagna* — способность содержать и держать в поле войско для открытого сражения) и анатомическую метафору *nervi* («сухожилия, становые жилы» политического тела; ср. «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», II, 10, где опровергается античная поговорка о деньгах как «становой жиле войны») с теорией двух гражданских «гуморов» из гл. IX — народа (*popolo*) и знати (*grandi*).
5. Филипп V Македонский (правил в 221–179 гг. до н. э.) вёл против Рима и его греческих союзников Первую (214–205 гг. до н. э.) и Вторую (200–197 гг. до н. э.) Македонские войны и был разбит римским проконсулом Титом Квинкцием Фламинином при Киноскефалах в 197 г. до н. э. Опираясь на Тита Ливия («История Рима от основания Города», XXXI–XXXIII), Макиавелли подчёркивает разницу между частичной утратой внешних владений (*il dominio di qualche città* — эллинских полисов, объявленных свободными в 196 г. до н. э.) и сохранением самого Македонского царства (*il Regno*).
6. Латинизм *ignavia* (от *ignavus* — «вялый, бездеятельный, малодушный») в римской историографии — прежде всего у Саллюстия («Заговор Катилины», 2, 52; «Югуртинская война», 1–4) и Тита Ливия — образует прямую смысловую антитезу деятельной доблести (*virtus*) и усердию (*industria*). Упрёк тем, кто бежал в надежде, что бесчинства завоевателей побудят подданных призвать изгнанников назад, бьёт по расчётам Лодовико Моро в 1499–1500 гг. и арагонской династии в Неаполе, а в теоретическом плане отвергает гуманистическую иллюзию (восходящую к Цицерону, «Об обязанностях», II, 23–24), будто память о «законности» и былом благоволении народа способна заменить собственную вооружённую защиту.

ГЛАВА XXV

Насколько сильна фортуна в человеческих делах и каким образом можно ей противостоять

Quantum fortuna in rebus humanis possit, et quomodo illi sit occurrendum

◆

Мне небезызвестно, что многие держались и держатся мнения, будто мировые дела управляются фортуной [*fortuna*] и Богом так, что люди своим благоразумием [*prudenza*] не в силах их исправить и даже вовсе не имеют против них никакого средства; а потому они могли бы рассудить, что незачем проливать много пота над делами, а следует предоставить судьбе [*sorte*] управлять собой[1]. Мнению этому в наши времена верили тем больше из-за перемен в великих делах, которые приходилось и приходится видеть каждый день сверх всякого человеческого предположения. Размышляя порой об этом, я и сам отчасти склонялся к их мнению. И всё же, чтобы наша свободная воля [*libero arbitrio*] не была погашена, я полагаю, может быть правдой, что фортуна выступает вершительницей [*arbitra*] половины наших действий, но другую половину — или чуть меньше — она всё-таки оставляет в наше управление[2]. И я уподобляю её сокрушительной реке, которая, разгневавшись, затопляет равнины, крушит деревья и строения, отрывает землю с одного края и наносит её на другой: всякий бежит перед ней, каждый уступает её ярости [*furore*], будучи не в силах ей противостоять; и хотя такова её природа, ничто, однако, не мешает людям в спокойные времена принять заблаговременные меры, возводя и заграждения, и дамбы, так что впоследствии, при разливе, она либо пошла бы по каналу, либо натиск [*impeto*] её не был бы ни столь разнузданным, ни столь разрушительным[3].

Подобное же происходит и с фортуной: она проявляет свою мощь там, где нет упорядоченной доблести [*ordinata virtù*], готовой дать ей отпор, и туда обращает свой натиск, где, как ей известно, не возведено ни дамб, ни заграждений, способных её сдержать[4]. И если вы рассмотрите Италию, которая служит ареной этих переворотов и сама привела их в движение, то увидите, что это равнина без дамб и без всякого заграждения. А будь она защищена надлежащей доблестью,

как Германия, Испания и Франция, то это наводнение либо не произвело бы тех великих переворотов, какие оно произвело, либо вовсе не пришло бы сюда. И сказанного об отпоре фортуне вообще пусть будет достаточно. Сужая же речь до частностей, скажу: мы видим, как сегодня этот князь процветает, а завтра терпит крушение [*rovinare*], хотя не видно, чтобы он переменил свою природу или какое-либо качество. Полагаю, что проистекает это, во-первых, из причин, подробно разобранных ранее, а именно: тот князь, который всецело опирается на фортуну, терпит крушение, едва она переменится. Полагаю также, что преуспевает тот, чей способ действия [*modo del procedere*] совпадает со свойством времён [*qualità de' tempi*], и равным образом терпит неудачу тот, с чьим способом действия времена расходятся[5]. Ведь видно, что в делах, ведущих людей к цели, которая стоит перед каждым, — то есть к славе и богатствам, — они действуют по-разному: один с оглядкой [*con rispetti*], другой с натиском; один насилием, другой искусством; один с терпением, другой с его противоположностью; и каждый этими различными способами [*modi*] может её достичь. Видно также и то, как из двоих действующих с оглядкой один достигает своего замысла, а другой нет; и равным образом двое одинаково преуспевают при двух различных родах старания — когда один действует с оглядкой, а другой с натиском; а происходит это не от чего иного, как от свойства времён, которые соответствуют или не соответствуют их образу действия. Отсюда и вытекает сказанное мною: двое, действуя поразному, приходят к одинаковому исходу, а из двоих, действующих одинаково, один достигает своей цели, а другой нет. От этого же зависит и переменчивость благополучия: поскольку если для того, кто ведёт дела с оглядкой и терпением, времена и обстоятельства поворачиваются так, что его образ правления оказывается хорош, то он идёт к процветанию; но если времена и обстоятельства меняются, он терпит крушение, потому что не меняет способа действия. И не находится человека столь благоразумного, чтобы он умел подстроиться к этому: как потому, что человек не может уклониться от того, к чему склоняет его природа, так и потому, что, неизменно преуспевая на одном пути, он не в силах убедить себя, будто хорошо сойти с него; а потому человек осмотрительный, действующий с оглядкой, когда настаёт пора перейти к натиску, не умеет этого сделать, отчего и терпит крушение; между тем если бы человек менял свою природу вместе с временами и обстоятельствами, то не менялась бы и его фортуна[6]. Папа Юлий II во всяком своём деле действовал стре-

мительным натиском и нашёл времена и обстоятельства настолько соответствующими такому способу действия, что неизменно достигал счастливого исхода. Рассмотрите первый его поход на Болонью, предпринятый ещё при жизни мессера Джованни Бентиволь[7]. Венецианцы были этим недовольны; король Испании равным образом вёл с Францией переговоры об этом предприятии; а он тем не менее со своей яростной неукротимостью [*ferocità*] и натиском лично двинулся в этот поход; и выступление это заставило в нерешительности замереть на месте и Испанию, и венецианцев — последних из страха, а испанского короля из желания вернуть себе всё Неаполитанское королевство; а с другой стороны, он увлёк за собой короля Франции, так как тот, увидев, что папа уже выступил, и желая сделать его своим другом, чтобы смирить венецианцев, рассудил, что не может отказать ему в своих войсках, не нанеся ему явного оскорбления.

Итак, Юлий своим стремительным выступлением осуществил то, чего ни один другой первосвященник со всем человеческим благоразумием никогда не осуществил бы: если бы он стал дожидаться, чтобы выступить из Рима лишь при твёрдых договорённостях и полной подготовленности всех дел, как поступил бы любой иной первосвященник, это никогда бы ему не удалось. Ведь король Франции нашёл бы тысячу отговорок, а прочие нагнали бы на него тысячу страхов. Я оставлю в стороне прочие его деяния: все они были подобны этому, и все удались ему хорошо, а краткость жизни не дала ему испытать обратного; поскольку если бы настали времена, требующие действовать с оглядкой, за этим последовало бы его крушение, так как он ни за что не отклонился бы от тех способов действия, к каким склоняла его природа. Заключаю, следовательно, что, поскольку фортуна меняется, а люди упорно держатся своих способов действия, они преуспевают, пока находятся с ней в согласии, но как только вступают в разлад — терпят неудачу. В одном я всё же твёрдо убеждён: лучше быть напористым [*impetuoso*], чем осмотрительным [*rispettivo*], потому что Фортуна — женщина, и, желая держать её под собой, необходимо бить её и толкать; и видно, что она охотнее даёт одолеть себя таким людям, чем тем, кто действует холодно. А потому она всегда, как женщина, дружна с молодыми, ведь они действуют с меньшей оглядкой, более неукротимы и с большей дерзостью [*audacia*] ею повелевают[8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зачин главы сводит в единую формулу христианский провиденциализм («управляются… Богом») и ренессансный фатализм, резко усилившийся в Италии после вторжения Карла VIII в 1494 г. («великие перемены в делах… сверх всякого человеческого предположения»). Существенно строгое лексическое разграничение активной, своенравной силы *fortuna* и безличного жребия *sorte* («судьба»), а также выразительный латинизм *insudare* («проливать пот над делами»).
2. Тонкая этимологическая игра слов в оригинале: защищая «свободную волю» (*libero arbitrio* — ключевое понятие патристики и схоластики со времён Августина и Боэция, переведённое здесь целиком в плоскость мирского действия и земной славы), Макиавелли именует фортуну «вершительницей, третейской судьёй» (*arbitra*, ср. Гораций, «Оды», III, 29) половины наших поступков, тут же с лукавой оговоркой добавляя: «другую половину — или чуть меньше (*o poco meno*) — оставляет нам».
3. Развёрнутое уподобление фортуны бурной реке сплавляет античную поэтическую традицию (Гораций, «Оды», III, 29, ст. 33–41 — образ разлившегося Тибра, влекущего вырванные деревья, стада и жилища) с собственным административно-инженерным опытом Макиавелли, который в 1503–1504 гг. в сотрудничестве с Леонардо да Винчи курировал проект отвода русла Арно во время Пизанской войны, а также с его стихотворным посланием «О Фортуне» (*Capitolo di Fortuna*, ст. 151–159).
4. Формула *ordinata virtù* («упорядоченная, закреплённая в институтах доблесть») выражает центральный тезис Макиавелли: личной энергии правителя недостаточно, пока она не отлита в устойчивые военные и гражданские порядки (*ordini*), подобно тем, какие ограждали от внешних потрясений Францию, Испанию и имперские земли Германии (*la Magna*; ср. «Очерк дел Франции» и «Очерк дел Германии» самого Макиавелли). Указание на Италию, которая «сама привела эти перевороты в движение», метит в итальянских князей — прежде всего Лодовико Моро, призвавшего французскую армию на полуостров в 1494 г.
5. Учение о «совпадении со свойством времён» (*riscontro con la qualità de' tempi*) впервые намечено Макиавелли в «Причудах» (*Ghiribizzi al Soderini*) — знаменитом письме к Джован Баттисте Содерини из Перуджи (сентябрь 1506 г.) — и подробно развито в *Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия* (III, 9) на классической паре римских полководцев Второй Пунической войны: медлительный и осторожный Фабий Максим Кунктатор (*respettivo*) спас Рим в пору обороны против Ганнибала, тогда как перелом войны и удар по Карфагену потребовали натиска Сципиона Африканского (*impetuoso*).
6. Макиавелли обнажает здесь непреодолимый антропологический предел гуманистической и аристотелевско-томистской этики «благоразумия» (*prudenzia*): разум не властен перекроить врождённый склад натуры (*natura*) и сломать привычку к прежнему способу действия, приносившему успех, а потому совершенная гибкость остаётся для смертного недостижимой.

7. Джулиано делла Ровере (папа Юлий II в 1503–1513 гг., умерший в ночь с 20 на 21 февраля 1513 г., за несколько месяцев до написания *Князя*) в конце августа 1506 г. лично выступил из Рима с малочисленным отрядом, чтобы сокрушить власть синьора Болоньи Джованни II Бентивольо (1443–1508). Макиавелли состоял при походном дворе папы как посланник Флорентийской республики (август — октябрь 1506 г.) и в своих дипломатических депешах запечатлел этот манёвр: Венеция оцепенела из страха перед коалицией, Фердинанд Католик (прибывший осенью 1506 г. в Неаполь) стремился вернуть апулийские порты Неаполитанского королевства (Бриндизи, Отранто, Трани и др.), удерживавшиеся венецианцами с 1496 г., а также добиться от папы инвеституры на всё королевство, тогда как король Франции Людовик XII, не решаясь открыто порвать с понтификом, прислал конницу Шарля д'Амбуаза, вынудив Бентивольо бежать из Болоньи в ночь на 2 ноября 1506 г. (В ряде рукописей и критических изданий фраза об Испании и Франции расчленена иначе: *il re di Spagna, similemente; con Francia aveva ragionamenti di tale impresa* — т. е. Испания тоже выражала недовольство, а с Францией папа вёл ещё не завершённые переговоры.)
8. Дерзкая концовка главы соединяет ренессансную трансформацию античной иконографии Фортуны и Удобного Случая (*Occasio / Kairos*) со светской любовно-воинской топикой кватроченто (ср. «Историю о двух влюблённых» Энея Сильвия Пикколомини, 1444 г., и трактат Джованни Пико делла Мирандолы «Против астрологии»): в прямую полемику с христианско-стоическим смирением перед колесом Фортуны (Боэций, «Утешение философией», II; Данте, «Ад», VII, 67–96) Макиавелли радикализирует античную максиму *audentes Fortuna iuvat* («смелым помогает Фортуна» — Вергилий, «Энеида», X, 284), отдавая первенство молодому натиску, неукротимости (*ferocità*, лат. *ferocia*) и волевой дерзости (*audacia*).

ГЛАВА XXVI

Призыв освободить Италию от варваров

Exhortatio ad capessendam Italiam in libertatemque a barbaris vindicandam

◆

Итак, обдумав всё разобранное выше и размышляя наедине с самим собой о том, таковы ли сейчас в Италии времена, чтобы принести честь новому князю [*principe nuovo*], и есть ли здесь материя [*materia*], которая дала бы благоприятный случай [*occasione*] человеку благоразумному [*prudente*] и доблестному [*virtuoso*] ввести в неё новую форму [*forma*], приносящую честь ему самому и благо всей совокупности её людей, — я нахожу, что на пользу новому князю сходится столько обстоятельств, что не знаю, какое ещё время было бы когда-либо более пригодным для этого[1]. И если, как я говорил, для того чтобы увидеть доблесть [*virtù*] Моисея, народу Израиля необходимо было находиться в рабстве в Египте, чтобы познать величие и дух [*animo*] Кира — персам быть угнетёнными мидянами, а чтобы во всём блеске показать превосходство Тесея — афинянам быть рассеянными, то точно так же и теперь, чтобы познать доблесть итальянского духа, Италии необходимо было дойти до нынешнего крайнего предела и оказаться в большем рабстве, чем евреи, в большей неволе, чем персы, в большем рассеянии, чем афиняне: без главы, без порядка [*senz'ordine*], избитой, обобранной донага, истерзанной, стоптанной набегами, перенёсшей всевозможные крушения[2]. И хотя до сих пор в ком-то одном и проглянул некий проблеск, позволявший судить, что он предназначен Богом для её избавления [*redenzione*], тем не менее мы видели, как затем, на самом взлёте своих деяний, он был отвергнут фортуной [*dalla fortuna reprobato*][3], — так что, оставшись словно бездыханной, Италия ждёт, кто же окажется тем, кто исцелит её раны, положит конец разорениям и разграблениям Ломбардии, вымогательствам и поборам в Королевстве и в Тоскане[4] и излечит её от тех язв, что за долгое время уже обратились в гнойные свищи.

Видно, как молит она Бога послать ей кого-нибудь, кто избавит её от этих варварских жестокостей и бесчинств. Видно также, как она вся готова и расположена пойти за знаменем, лишь бы нашёлся кто-то, кто поднимет его. И не видно сейчас никого, на кого она могла бы больше надеяться, чем на славный Дом Ваш, который со своей добле-

стью и фортуной, пользуясь благоволением Бога и Церкви, которой он теперь князь, может встать во главе этого избавления[5]. И это не составит для вас большого труда, если вы поставите перед мысленным взором деяния и жизни названных выше людей. И хотя люди эти редки и удивительны, всё же они были людьми, и у каждого из них благоприятный случай был меньшим, чем нынешний: ведь начинание их не было ни справедливее этого, ни легче, и Бог не был к ним более дружествен, чем к вам. Здесь великая справедливость: потому что справедлива та война, которая необходима, и благочестиво то оружие, когда не остаётся надежды ни на что иное, кроме него[6]. Здесь величайшая расположенность; а там, где велика расположенность, не может быть великой трудности, лишь бы Ваш Дом перенял порядки тех, кого я предложил вам в образец. Кроме того, здесь видны беспримерные знамения, явленные Богом: море расступилось, облако указало вам путь, скала источила воду, здесь пролилась дождём манна — всё сошлось воедино ради вашего величия; остальное должны сделать вы сами[7]. Бог не желает делать всё сам, чтобы не отнять у нас свободную волю [*libero arbitrio*] и долю той славы, которая выпадает нам. И неудивительно, если никто из прежде упомянутых итальянцев не смог совершить того, что, как можно надеяться, совершит славный Дом Ваш, и если в стольких переворотах в Италии и в стольких военных предприятиях неизменно кажется, будто воинская доблесть в ней угасла: ведь происходит это оттого, что старые её порядки были негодны, и не нашлось никого, кто сумел бы изобрести новые. Ничто не приносит столько чести человеку, вновь возвысившемуся, сколько новые законы и новые порядки [*nuovi ordini*], изобретённые им самим. Когда они прочно основаны и несут в себе величие, они делают его достойным почтения и восхищения; а в Италии нет недостатка в материи, чтобы ввести в неё любую форму. Здесь велика доблесть в членах тела, лишь бы не недоставало её в главах. Вглядитесь в поединки и в схватки немногих: насколько превосходят всех итальянцы силой, ловкостью, находчивостью ума. Но едва дело доходит до целых армий, они не выдерживают сравнения; и всё проистекает от слабости вождей, потому что сведущие не повинуются, а сведущим считает себя каждый, поскольку до сих пор не нашлось никого, кто возвысился бы и доблестью, и фортуной настолько, чтобы прочие ему уступили. Отсюда и выходит, что за столь долгое время, в стольких войнах, проведённых за минувшие двадцать лет, всякий раз, когда войско бывало сплошь итальянским, оно неизменно показывало себя дурно;

тому свидетель сперва Таро, а затем Алессандрия, Капуя, Генуя, Вайла, Болонья, Местре[8].

Итак, если славный Дом Ваш желает последовать тем превосходным людям, которые избавили свои страны, необходимо прежде всего остального, как истинное основание всякого начинания, обзавестись собственным оружием [*armi proprie*]: потому что нельзя иметь солдат ни более верных, ни более истинных, ни лучших. И хотя каждый из них хорош сам по себе, все вместе они станут ещё лучше, когда увидят, что ими командует их собственный князь и что он оказывает им почёт и заботу. Поэтому необходимо подготовить себе это оружие, чтобы итальянской доблестью защититься от чужеземцев. И хотя швейцарская и испанская пехота считается грозной, тем не менее у обеих есть изъян, благодаря которому третий строй [*ordine terzo*] мог бы не только противостоять им, но и рассчитывать превзойти их. Ведь испанцы не могут выдержать натиска конницы, а швейцарцам приходится бояться пехотинцев, когда они сталкиваются в бою со столь же упорными бойцами, как они сами. Отсюда на опыте было видно и впредь будет видно, что испанцы не способны устоять против французской конницы, а швейцарцев сокрушает испанская пехота. И хотя последнему ещё не было видно полного подтверждения на опыте, всё же образчик этого наблюдался в битве при Равенне, когда испанская пехота сошлась с немецкими полками [*battaglie*], соблюдающими тот же строй, что и швейцарцы: там испанцы благодаря проворству тела и помощи своих щитов-буклеров поднырнули под неприятельские пики и, оставаясь в безопасности, поражали немцев, тогда как те ничего не могли с этим поделать; и если бы не конница, ударившая на испанцев, они истребили бы немцев всех до единого[9]. Итак, познав изъян той и другой пехоты, можно учредить новую, которая устоит против конницы и не побоится пехотинцев; и обеспечит это не род оружия, а перемена боевых порядков [*variazione degli ordini*]. А это как раз из числа тех дел, которые, будучи устроены заново, приносят громкое имя и величие новому князю. Не следует, стало быть, упускать этот благоприятный случай, чтобы Италия спустя столь долгое время увидела наконец появление своего избавителя. И я не в силах выразить, с какой любовью приняли бы его во всех тех областях, что пострадали от этих чужеземных потопов, с какой жаждой мести, с какой упорной верностью, с каким благоговением, с какими слезами! Какие ворота закрылись бы перед ним? Какие народы отказали бы ему в повиновении? Какая зависть воспротивилась бы ему? Какой

итальянец отказал бы ему в почтительной преданности? Каждому смердит это варварское господство [*barbaro dominio*]! Пусть же славный Дом Ваш возьмёт на себя это дело с тем духом и с теми надеждами, с какими берутся за справедливые начинания, чтобы под его знаменем это отечество было облагорожено и под его ауспициями сбылось то изречение Петрарки:

> *Virtù contro al furore*
> *Prenderà l'armi, e fia il combatter corto;*
> *Chè l'antico valore*
> *Negli Italici cuor non è ancor morto.*

> Против ярости доблесть
> За оружье возьмётся, и краток окажется бой;
> Ведь былая отвага
> В италийских сердцах до сих пор не мертва[10].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подлинная латинская рубрика главы (*Exhortatio ad capessendam Italiam in libertatemque a barbaris vindicandam*, где *exhortatio* обозначает классический риторический жанр торжественного призыва-увещания к действию) соединяет две классические формулы римского публичного права и политического красноречия: *capessere rem publicam / Italiam* («взять в свои руки дело управления Италией») и *in libertatem vindicare* («вызволить, отстоять на свободу»); в печатной традиции Антонио Бладо (1532) ей отвечает сжатый итальянский заголовок *Esortazione a liberare la Italia da' barbari*. Аристотелевская триада «материя — форма — действующее начало» (*materia — forma* — доблестный учредитель, использующий *occasione*) замыкает композиционное кольцо трактата, возвращая читателя к гл. VI.
2. Отсылка к гл. VI, где Моисей, Кир и Тесей (в гл. VI рядом с ними стоял также Ромул, опущенный здесь ради гармонии с библейско-церковным ореолом дома Медичи и темой освобождения угнетённого народа) приводились как величайшие образцы новых князей, опиравшихся на собственное оружие. Шестичленный бессоюзный ряд определений и причастий (*senza capo, senz'ordine, battuta, spogliata, lacera, corsa*, где *corsa* восходит к военному выражению *correre una terra* — «опустошать область конными набегами») переводит аналитический синтаксис трактата в регистр пророческого призыва (*exhortatio*).
3. Подразумевается Чезаре Борджа (герцог Валентино; см. гл. VII), чей проект создания сильной державы в Средней Италии рухнул в августе — октябре 1503 г. вследствие внезапной кончины Александра VI и тяжёлой болезни самого Чезаре. Характерна дерзкая секуляризация богословского словаря: вслед за библейским понятием «искупления / избавления» (*redenzione*) схоластический глагол предопределения к отвержению

— *reprobare* («отвергнуть») — перенесён с Бога на Фортуну (*dalla fortuna reprobato*).

4. В итальянском словоупотреблении XVI в. *il Reame* («Королевство» с прописной буквы без географического уточнения) означает Неаполитанское королевство. За латинизмами *direpzioni* (лат. *direptio* — разграбление взятого штурмом города) и *espilazioni* (лат. *expilatio* — хищническое обирание провинций) стоят кровавые расправы Итальянских войн (в частности, разгром Брешии войсками Гастона де Фуа в феврале 1512 г. и разорение Прато испанцами в августе 1512 г.), а также тяжёлые денежные контрибуции и поборы (*taglie*). Хирургическая метафора «свищевых язв» (*piaghe… infistolite*) одновременно опирается на медицинский язык эпохи и перекликается с зачином канцоны Петрарки *Italia mia* (ст. 2–3: *le piaghe mortali / che nel bel corpo tuo sì spesse veggio*).
5. Призыв обращён к дому Медичи: первоначально в конце 1513 г. Макиавелли намеревался посвятить трактат Джулиано де Медичи (1479–1516, младшему брату папы Льва X; см. письмо к Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г.), а впоследствии переадресовал его племяннику папы — Лоренцо де Медичи младшему (1492–1519), получившему в 1516 г. титул герцога Урбинского. Слова о Церкви, «которой он ныне князь», указывают на избрание кардинала Джованни де Медичи папой Львом X (11 марта 1513 г.), объединившее под эгидой одного рода Флоренцию и церковное княжество (ср. гл. XI).
6. Скрытая цитата из Тита Ливия («История Рима от основания Города», IX, 1, 10 — речь самнитского полководца Гая Понтия накануне битвы в Кавдинском ущелье: *«Iustum enim est bellum quibus necessarium, et pia arma quibus nulla nisi in armis relinquitur spes»* — «Ведь справедлива война для тех, кому она необходима, и благочестиво оружие для тех, у кого не остаётся никакой надежды, кроме как на оружие»). В рукописной традиции *Князя* Макиавелли приводит эти слова прямо по-латыни (*iustum enim est bellum quibus necessarium, et pia arma ubi nulla nisi in armis spes est*), тогда как первопечатное издание А. Бладо (1532), отражённое в нашем исходном тексте, даёт их в точном итальянском переложении (*perchè quella guerra è giusta, che gli è necessaria; e quelle armi sono pietose, dove non si spera in altro, che in elle*). Повторяя эту же формулу Ливия в «Рассуждениях» (III, 12) и *Истории Флоренции* (V, 8), Макиавелли опрокидывает августиновско-томистскую теологию «справедливой войны» и гуманистическую доктрину Цицерона («Об обязанностях», I, 34–38): высшим мерилом справедливости (*giustizia*) и благочестия (*pietà*) провозглашается крайняя политическая необходимость (*necessità*) спасения отечества.
7. Четыре библейских чуда Исхода под предводительством Моисея — расступившееся Чермное море (Исх. 14:21–22), путеводный столп облачный (Исх. 13:21), вода из скалы в Хориве (Исх. 17:6) и манна небесная в пустыне (Исх. 16:4–15) — превращены здесь в дерзкую светскую аллегорию необычайного возвышения Медичи в 1512–1513 гг., причём провиденциальная риторика немедленно подчиняется защите человеческой «свободной воли» (*libero arbitrio*) и земной славы (*gloria*).

8. Пример победоносных поединков и малых схваток отсылает прежде всего к знаменитому Барлеттскому вызову (13 февраля 1503 г.), где тринадцать итальянских рыцарей во главе с Этторе Фьерамоской победили тринадцать французских рыцарей; характерно и разночтение в формуле о разброде итальянских полководцев: в изд. Бладо 1532 г. *quelli che sanno, non sono ubbedienti* («сведущие не повинуются»), в основных рукописях — *non sono obediti* («сведущим не повинуются»). Семь топонимов очерчивают двадцатилетнюю цепь поражений чисто итальянских войск (1494–1513): Таро — сражение при Форново на реке Таро (6 июля 1495 г.), в котором армия Итальянской лиги не смогла остановить отходившего Карла VIII; Алессандрия — сдача миланской крепости войском Лодовико Моро под командованием Галеаццо Сансеверино французам без боя (август 1499 г.); Капуя — падение и жестокое разграбление города французско-борджианскими войсками (июль 1501 г.); Генуя — стремительное подавление генуэзского восстания Людовиком XII (апрель 1507 г.); Вайла — разгром венецианской армии французами при Аньяделло (14 мая 1509 г., ср. гл. XII); Болонья — бегство папско-венецианских сил герцога Урбинского перед французами Тривульцио и потеря города (май 1511 г.); Местре — сожжение Местре и разгром венецианской армии Бартоломео д'Альвиано испанско-имперскими войсками Рамона де Кардоны и Просперо Колонна при Ла-Мотте под Виченцей (7 октября 1513 г. — ключевой ориентир, датирующий написание главы осенью 1513 г.).
9. В кровопролитной битве при Равенне (11 апреля 1512 г.), стоившей жизни французскому полководцу Гастону де Фуа, испанские пехотинцы, вооружённые короткими мечами и небольшими круглыми кулачными щитами — буклерами (*brocchieri*, исп. *broquel*), поднырнули под длинные пики немецких ландскнехтов (*battaglie tedesche*, где ренессансный военный термин *battaglia* означает глубокую сомкнутую колонну-фалангу пикинёров швейцарского образца) и нанесли им тяжёлый урон, пока удар французской тяжёлой конницы не заставил испанцев отступить. Отталкиваясь от этого опыта, Макиавелли выдвигает проект смешанного «третьего строя» (*ordine terzo*), который позже детально разработает в трактате «О военном искусстве» (*Dell'arte della guerra*, 1521, кн. II), сочетая вооружённых мечами и щитами гастатов римского типа с пикинёрами; в антитезе *non la generazione delle armi, ma la variazione degli ordini* флорентийское *generazione* употреблено в значении лат. *genus* («род, разновидность оружия»), подчёркивая примат тактического переустройства строя над простым заимствованием вооружения.
10. Стихи 93–96 знаменитой политической канцоны Франческо Петрарки «Моя Италия, хоть говорить напрасно…» (*Italia mia, benché 'l parlar sia indarno*, № CXXVIII в «Книге песен», 1344–1345 гг.), обличавшей междоусобные распри итальянских правителей и наём германских отрядов. Вслед за образом «чужеземных потопов» (*illuvioni esterne*, ср. у Петрарки, ст. 28–30: *Oh diluvio raccolto / di che deserti strani / per inondar i nostri dolci campi*), резким просторечным афоризмом *Ad ognuno puzza questo barbaro dominio* («Каждому смердит это варварское господство!», перекликающимся с лозунгом Юлия II *Fuori i barbari!*) и торжественной римской

военно-сакральной формулой *sotto la sua insegna… e sotto i suoi auspicii* (лат. *sub signis et auspiciis* — под знамёнами и священным водительством полководца) Макиавелли завершает трактат программным столкновением устроенной гражданско-воинской доблести (*virtù* — у Петрарки *vertù contra furore*, в передаче Макиавелли *virtù contro al furore*) со слепой варварской яростью (*furore*, античный *furor barbaricus*) во имя пробуждения древней италийской отваги (*antico valore*).

АНАЛИТИЧЕСКИЙ СВОД

Квинтэссенция «Князя»: свод политических максим

Двадцать стержневых законов власти, оружия и фортуны по главам трактата

◆

Сжатый аналитический свод обобщает стержневые законы захвата, устройства и удержания власти, сформулированные Макиавелли в двадцати шести главах трактата. Каждое положение опирается на внутреннюю логику оригинала и снабжено отсылкой к соответствующим главам.

I. Природа власти и механика завоеваний

1. **Закон двойного разочарования при смене власти.** Люди охотно меняют правителя, надеясь улучшить своё положение, но опыт вскоре показывает им, что стало ещё хуже: новый князь по самой необходимости завоевания вынужден обременять новых подданных войском и бесчисленными тяготами, наживая врагов в лице обиженных и не сохраняя дружбы тех, кто привёл его к власти, поскольку он не может удовлетворить их так, как они ожидали *(Гл. III)*.
2. **Врачебное правило раннего диагноза.** Политические недуги подобны чахотке (*etica*): в зародыше их легко вылечить, но трудно распознать; когда же их не распознали вовремя и дали им разрастись так, что они видны каждому, лечить их уже поздно. Настоящее благоразумие состоит в том, чтобы различать беды издалека — и войну нельзя отменить промедлением, её можно лишь отсрочить к выгоде противника *(Гл. III)*.
3. **Неугасимая память о свободе.** Кто становится господином города, привыкшего жить свободным, и не разрушает его устоев, пусть ждёт гибели от его руки: ни давность времени, ни благодеяния не заставят граждан забыть имя свободы и древние порядки, которые всплывают как боевой клич при первой же смуте *(Гл. V)*.
4. **Запрет возвышать более сильного.** Князь, способствующий усилению другой великой державы, сам готовит своё крушение, поскольку возвышает её либо своей изобретательностью, либо своей силой, — и то и другое неизбежно вызывает подозрение у того, кто благодаря им обрёл могущество *(Гл. III)*.

II. Доблесть (*virtù*), новые порядки и мера жестокости

5. **Вооружённые и безоружные пророки.** Введение новых порядков (*nuovi ordini*) — самое трудное и опасное дело на свете: у основателя во врагах оказываются все, кому выгодны старые порядки, а в робких

защитниках — лишь те, кому могли бы пригодиться новые, но кто ещё не проверил их на деле. Поэтому все вооружённые пророки побеждали, а безоружные гибли: когда народ перестаёт верить, нужно иметь силу заставить его верить *(Гл. VI)*.

6. **Союз благоприятного случая и доблести.** Фортуна даёт великим основателям лишь «благоприятный случай» (*occasione*) — податливую историческую материю кризиса; без такого повода доблесть их духа угасла бы впустую, но и без доблести повод пропал бы даром *(Гл. VI, XXVI)*.
7. **Экономия насилия («жестокости, применённые хорошо»).** Все неизбежные суровые меры и расправы правитель должен совершить разом в самом начале ради собственной безопасности, чтобы не возвращаться к ножу изо дня в день и постепенно обратить твёрдость порядка к пользе подданных; благодеяния же, напротив, следует давать понемногу, чтобы их вкус ощущался дольше *(Гл. VIII)*.
8. **Опора на народ прочнее опоры на знать.** В каждом городе сталкиваются два начала (*umori*): знать стремится повелевать и угнетать, народ хочет лишь того, чтобы им не повелевали и его не угнетали. Цель народа честнее и скромнее цели вельмож; кроме того, от враждебного народа князю некуда укрыться, поскольку народа много, тогда как вельмож мало и их можно сменить или обуздать *(Гл. IX)*.

III. Собственное оружие и ремесло войны

9. **Единство законов и оружия.** Главные устои любой власти — хорошие законы и хорошее оружие; но там, где нет хорошего оружия, не может быть и хороших законов, а там, где оружие хорошо устроено, неизменно следуют и хорошие законы *(Гл. XII)*.
10. **Пагубность чужого меча.** Наёмные войска разобщены, честолюбивы, недисциплинированны и неверны — они требуют жалованья в мирное время и бегут с поля боя на войне. Вспомогательные же войска сильного союзника ещё опаснее наёмных: если они проиграют, ты разбит; если победят — ты остаёшься их пленником. Доспехи Саула на плечах Давида либо спадают, либо тянут к земле, либо сковывают: не способна устоять власть, не опирающаяся на собственное войско *(Гл. XII–XIII)*.
11. **Война как единственное ремесло князя.** У князя не должно быть иной заботы и иной мысли, кроме военного дела, его порядков и дисциплины; в мирное время он обязан упражняться в нём ещё усерднее, чем на войне, — делом (изучая рельеф собственной страны в походах и на охоте) и умом (читая историю и разбирая причины побед и поражений великих полководцев) *(Гл. XIV)*.

IV. Действенная истина и парадоксы политической морали

12. **Примат сущего над должным.** Следует идти прямо по следу «действенной истины самой вещи» (*verità effettuale della cosa*), а не воображения о ней: кто оставляет то, что делается на самом деле, ради того, что следовало бы делать, учится собственному крушению. Князю, желающему удержать власть среди множества недобрых людей, необходимо научиться способности «быть недобрым» и применять её (или не применять) строго по велению необходимости *(Гл. XV)*.
13. **Парадокс щедрости и бережливости.** Желание прослыть щедрым вынуждает правителя истощать казну на пышность, затем обкладывать народ тяжёлыми поборами и скатываться к ненавистному для всех вымогательству. Разумный князь не боится репутации скупого: бережливость в расходовании собственного достояния позволяет защищать страну и вести предприятия, не обирая подданных, а значит — на деле оказываться щедрым к огромному большинству *(Гл. XVI)*.
14. **Страх без ненависти.** Желательно быть одновременно и любимым, и внушающим страх; но поскольку соединить то и другое трудно, гораздо надёжнее внушать страх, чем быть любимым. Любовь держится узами благодарности, которые корыстные люди рвут при первой же выгоде; страх же держится боязнью наказания, которая не оставляет их никогда. При этом внушать страх нужно так, чтобы ни в коем случае не вызвать ненависти — а для этого прежде всего никогда не посягать на имущество и женщин своих граждан и подданных: люди скорее простят смерть отца, чем потерю отцовского наследства *(Гл. XVII)*.
15. **Урок кентавра: лев и лисица.** Бороться можно законами (по-человечески) и силой (по-звериному); когда первого недостаточно, приходится прибегать ко второму, соединяя натуру льва и натуру лисицы: лев не защищён от капканов, лисица не защищена от волков — надо быть лисицей, чтобы распознать капканы, и львом, чтобы распугать волков. Благоразумный правитель не обязан хранить верность слову, когда эта верность оборачивается против него и исчезли причины, побудившие дать обещание; но эту «лисью» природу необходимо искусно прикрывать видимостью верности, милосердия и благочестия, поскольку толпа судит глазами, а руками ощупывают немногие *(Гл. XVIII)*.
16. **Щит от заговоров и делегирование непопулярного.** Лучшее средство против внутренних заговоров — не быть ненавистным и презираемым в глазах народа: заговорщик всегда рассчитывает угодить народу гибелью правителя, но если знает, что этим лишь восстановит народ против себя, у него не хватит духа решиться на удар. Отсюда мудрое правило хорошо устроенных властей: тягостные и карательные дела поручать другим (судам и учреждениям), а милости и награды раздавать лично *(Гл. XIX)*.

V. Крепости, союзники, министры и советники

17. **О крепостях и нейтралитете.** Никакая каменная цитадель не спасёт правителя, ненавистного собственному народу; лучшая из всех возможных крепостей — отсутствие народной ненависти *(Гл. XX)*. В столкновении двух соседей открытый выбор стороны почти всегда выгоднее нерешительного нейтралитета: победитель не желает иметь сомнительных друзей, не помогающих в беде, а побеждённый не даст приюта тому, кто не разделил с ним опасности с оружием в руках *(Гл. XXI)*.
18. **Безошибочная проверка министра и защита от лести.** Чтобы распознать советника, есть один верный способ: если видишь, что он больше думает о себе и собственной выгоде, чем о тебе, он никогда не будет хорошим министром и положиться на него нельзя *(Гл. XXII)*. Чтобы уберечься от льстецов, не уронив достоинства власти, князь не должен позволять каждому говорить себе правду без спроса, но обязан выбрать узкий круг разумных людей и дать им полную свободу высказывать правду только о том, о чём он сам их спрашивает, а выслушав их, решать самостоятельно и твёрдо. Ведь хорошие советы, от кого бы они ни исходили, рождаются из благоразумия князя, а не благоразумие князя — из хороших советов *(Гл. XXIII)*.

VI. Фортуна и свойство времён

19. **Расплата за беспечность в затишье.** Правители, утратившие давно принадлежавшую им власть, не вправе винить фортуну — виной тому их собственная косность: в тихую погоду они не думали о буре (общий порок людей — не готовиться к ненастью в ясные дни), а в час разгрома надеялись не на собственную защиту, а на то, что народ сам призовёт их обратно, устав от наглости завоевателя *(Гл. XXIV)*.
20. **Фортуна, дамбы и натиск.** Фортуна распоряжается примерно половиной наших дел, оставляя другую половину нашей воле; она обрушивает свой поток туда, где в спокойные годы не возвели институциональных дамб и плотин упорядоченной доблести (*ordinata virtù*). Преуспевает тот, чей образ действий совпадает со «свойством времён» (*qualità de' tempi*); а поскольку человеческая натура слишком инертна, чтобы каждый раз вовремя перестраиваться от осторожности к напору, в конечном счёте лучше быть решительным и напористым, чем робко оглядывающимся *(Гл. XXV)*.

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

Словарь ключевых понятий Никколо Макиавелли

◆

Краткий терминологический справочник фиксирует систему категорий флорентийского оригинала (*Il Principe* / *De Principatibus*, 1513) в рукописной и старопечатной орфографии и принятые в настоящем издании переводческие соответствия.

Animo / **grandezza d'animo** — *дух; величие духа*. Волевое, деятельное и боевое начало человека (в противоположность христианской *anima* — бессмертной «душе», о спасении которой трактат почти не вспоминает).

Armi proprie / **mercenarie** / **ausiliarie** / **miste** — *собственное* / *наёмное* / *вспомогательное* / *смешанное оружие (войско)*. Опорная военная классификация глав XII–XIV: прочной признаётся только власть, опирающаяся на собственное войско из подданных или граждан.

Astuzia — *хитрость, изворотливость*. «Лисья» способность распознавать капканы и обходить противника обманом там, где грубой «львиной» силы (*forza*) недостаточно (глава XVIII).

Crudeltà bene usate / **male usate** — *жестокости, применённые хорошо* / *дурно*. Провокационная формула главы VIII: «хорошо применёнными» (если о зле допустимо сказать «хорошо») названы насильственные меры, совершённые разом ради безопасности и затем обращённые к пользе подданных; «дурно применёнными» — те, что со временем нарастают.

Dominio (dominii) — *владение, господство*. Территория и население как предмет фактического обладания правителя или республики.

Fortuna и sorte — *фортуна и судьба (жребий)*. *Fortuna* — не бытовая «удача», а своенравная мирская стихия неподконтрольных обстоятельств и перемен (глава XXV), уподобленная бурному потоку, против которого расчётливая *virtù* возводит дамбы и плотины; от неё отличается безличный жребий (*sorte*).

Grandi и populo (popolo) — *знать (вельможи) и народ*. Два непримиримых социально-политических начала (*umori*) любого города (глава IX): знатью движет желание повелевать и угнетать (*comandare e opprimere*), народом — желание не быть под чужой властью и гнётом (*non essere comandato né oppresso*).

Imperio — *верховное владычество, державная власть, военное командование*. От римского *imperium* — право отдавать приказы под страхом казни и принуждать к повиновению.

Industria — *усердие, предприимчивость, искусное старание*. Деятельная человеческая изобретательность и методичный труд в противовес пассивной надежде на фортуну.

Milizia — *военное дело, военное устройство, войско*. Совокупность военных порядков, комплектования и дисциплины, образующих, наряду с хорошими законами, фундамент любой власти (глава XII).

Necessità — *необходимость*. Принудительное давление обстоятельств и угрозы гибели, выводящее политическое действие за рамки обычной морали («уметь вступить во зло, будучи вынужденным необходимостью», глава XVIII).

Occasione — *благоприятный случай, повод*. Историческая ситуация кризиса или разброда («материя»), которая позволяет доблести (*virtù*) великого основателя придать народу новую политическую форму (главы VI и XXVI).

Ordini и modi — *порядки (установления) и способы действия*. *Ordini* — базовые институциональные, правовые и военные устои властного уклада; *modi* — конкретные приёмы и образ действий правителя. Самое опасное и трудное предприятие по Макиавелли — введение «новых порядков» (*nuovi ordini*, глава VI).

Principe / principato — *князь / княжество (единовластие)*. От лат. *princeps* («первый»): родовое обозначение любого единоличного правителя — наследного династа, кондотьера, тирана или избранного гражданина, — лишённое сакрально-самодержавного ореола русского слова «Государь».

Prudenzia (prudenza) / prudente — *благоразумие, расчётливая осмотрительность*. В аристотелевско-цицероновской традиции (*prudentia*) — нравственная рассудительность; у Макиавелли — холодное искусство взвешивать меньшее зло и соизмерять образ действий со «свойством времён» (*qualità de' tempi*).

Respetto (rispetto) / senza respetto — *оглядка, сдержанность (без оглядки)*. Осторожная выдержка и привычка считаться с условностями, уместные в спокойные времена, но губительные при натиске фортуны (глава XXV).

Ruina (rovina) и securtà (sicurtà) — *крушение (гибель) и безопасность (надёжность положения)*. Два полюса политического исхода, которыми проверяется истинность любого решения правителя.

Stato (lo stato) — *властный уклад, власть, положение у власти, режим, державное владение*. В языке начала XVI века ещё не означает абстрактное новоевропейское «государство»: *mantenere lo stato* — буквально «удержать власть и владение в своих руках».

Umori — *устремления, начала (букв. «гуморы», телесные соки)*. Медицинская метафора Гиппократа и Галена, перенесённая на политическое тело города: здоровье или порча режима зависят от баланса враждующих сословных начал.

Verità effettuale della cosa — *действенная истина самой вещи*. Программный философский неологизм главы XV: истина политической реальности, удостоверяемая фактическим результатом и действием (*effetto*),

в противоположность «воображению о ней» (*immaginazione di essa*) — утопическим республикам и нравоучительным «зерцалам».

Virtù (virtuoso) — *доблесть, политическая воля и хватка; в полемическом контексте — добродетель*. Центральная категория Макиавелли (от лат. *virtus*, корень *vir* — «муж»): сплав энергии, отваги, дальновидности и способности переломить обстоятельства ради основания и сохранения власти.

КРИТИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Заключение независимого критика

Между флорентийской канцелярией и русским «Государем»: филологический разбор нового перевода Никколо Макиавелли

◆

У книг с полутысячелетней судьбой есть коварное свойство: со временем они обрастают такой плотной бронёй школьных хрестоматий, крылатых пересказов и переводческих привычек, что читатель перестаёт слышать скрежет подлинника. С небольшим трактатом Никколо Макиавелли, написанным во второй половине 1513 года на опальной вилле в Сант-Андреа-ин-Перкуссина и озаглавленным по-латыни *De Principatibus* («О княжествах»), а в итальянской рукописной и печатной традиции — *Il Principe*, на русской почве произошла именно такая метаморфоза.

Когда в 1869 году в Санкт-Петербурге вышел первый полный русский перевод книги, выполненный Николаем Степановичем Курочкиным под заглавием «Государь», это слово подарило трактату торжественную имперскую осанку — и одновременно сдвинуло всю его оптику. Русское «Государь» невольно вызывает в памяти шапку Мономаха, помазание на царство, сакральную преемственность и незыблемую вертикаль самодержавия. Между тем герой книги Макиавелли — *il principe nuovo*, «новый князь»: вчерашний кондотьер Франческо Сфорца, папский бастард Чезаре Борджа, сын сиракузского горшечника Агафокл, племянник-отцеубийца Оливеротто да Фермо или частный гражданин, вознесённый к единовластию борьбой городских партий. Их власть не освящена веками и не покоится на благоговейной привычке подданных; она завоёвывается собственным оружием, удерживается холодным расчётом и рушится при первой же стратегической оплошности. В классических русских переводах XX века — в добротном томе издательства «Academia» 1934 года под редакцией А. К. Дживелегова и особенно в блестящем по литературной гладкости, ставшем всеобщим каноном переводе Г. Д. Муравьёвой (1982) — флорентийский секретарь заговорил языком высокой русской классической прозы: упругим, благозвучным, синонимически богатым и почти неуловимо модернизированным.

Новый перевод В. И. Смирнова, вышедший в издательском проекте *GlowSoft* вместе с корпусом из 215 историко-текстологических примечаний, аналитическим сводом максим и словарём понятий, ставит перед собой принципиально иную задачу. Он переносит в русскую переводческую практику строгий принцип терминологического единства и синтаксической верности оригиналу, который в англоязычной науке о Возрож-

дении утвердили Харви Мэнсфилд, Квентин Скиннер и Уильям Коннелл, а в итальянской текстологии обосновали критические труды Федерико Шабо, Марио Мартелли и Джорджо Инглезе. Беспристрастно оценить эту работу — значит взвесить её на трёх независимых весах: филологии XVI века, научного комментирования и книжной культуры.

1. Перевод: аналитическая анатомия против беллетристического глянца

Главное и бесспорное завоевание настоящего перевода состоит в том, что русскому читателю впервые возвращена **понятийная решётка** Макиавелли без привычного лексического размывания. В традиционных переводах уже первая строка главы I (*«Tutti gli stati, tutti e' dominii che hanno avuto e hanno imperio sopra gli uomini, sono stati e sono o repubbliche o principati»*) превращалась в фразу «Все государства, все державы, имевшие и имеющие власть над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно» — где два ключевых и строго различных понятия автора, *stati* и *principati*, схлопывались в одно новоевропейское слово «государство». Но Макиавелли не знал ни «Левиафана» Гоббса, ни отчуждённого бюрократического аппарата XIX столетия. Его *lo stato* — это всегда чьё-то конкретное властное достояние, режим, властный уклад, положение у власти, которое буквально «держат в руках» (*mantenere lo stato*), «приобретают», «отнимают» или «теряют» (вплоть до сеньориальных *stati* отдельных французских баронов внутри единого королевства в главе IV или олигархического *stato di pochi* — «режима немногих» — в главе V). Последовательный отказ от слова «государство» в пользу точных контекстных эквивалентов («властный уклад», «власть», «режим», «владение», «держава») и передача *principe* / *principato* как «князь / княжество (единовластие)» мгновенно очищают мысль 1513 года от поздних наслоений.

Так же убедительно работает сквозная дисциплина перевода других опорных категорий: *virtù* (где переводчик тонко удерживает базовое значение волевой и военной «доблести», переходя к слову «добродетель» с обязательной пометой [*virtù*] ровно в тех узлах глав VIII и XV–XVIII, где Макиавелли взрывает изнутри гуманистическую этику Цицерона и Сенеки), *fortuna* (ни разу не сниженная до бытовой «удачи» и строго отграниченная от безличного жребия — *sorte*), *imperio* («верховное владычество / командование»), *ordini e modi* («порядки и способы действия»), *prudenzia* («расчётливое благоразумие» в отличие от общей «мудрости» — *sapienza* / *savio*), *industria* («усердие, предприимчивость, искусное старание»), *umori* (враждующие сословные «начала», букв. медицинские «гуморы» знати и народа), *respetto* («оглядка») и знаменитого гапакса главы XV *verità effettuale della cosa* — «действенная истина самой вещи».

Вторая сильная сторона работы — бережное сохранение **канцелярско-диалектического синтаксиса** подлинника. Макиавелли мыслит жёсткими дихотомиями («либо — либо», *o… o…*, по схеме логического древа Порфирия и врачебного диагноза) и стремительными переходами от латинской юридической формулы к грубой плотской или ремесленной метафоре: ткацкой основы и утка (*orditura* / *ritessere* в гл. II), зубчатой каменной кладки на торце стены (*addentellato* в гл. II), чахоточной горячки (*etica* в гл. III), горького лекарства, которое нужно проглотить залпом, не смакуя (*assaporare* в гл. VIII), свищевых язв (*piaghe infistolite* в гл. XXVI) и просторечного *Ad ognuno puzza questo barbaro dominio* — «Каждому смердит это варварское господство!». Переводчик не приглаживает эти углы и не режет длинные периоды на короткие газетные фразы, при этом избегая мертворождённых буквализмов: по-русски текст звучит упруго, властно и афористично.

Разумеется, у выбранного метода есть свои **неизбежные издержки**, о которых критик обязан сказать прямо. Во-первых, введение внутритекстовых курсивных помет в квадратных скобках ([*virtù*], [*stato*], [*ordini*]) превращает страницу в своего рода двуслойную партитуру: для исследователя, философа и медленного вдумчивого читателя это бесценный рентгеновский снимок авторской мысли, но при сплошном чтении квадратные скобки создают ощутимую зрительную дискретность и притормаживают инерцию фразы. Во-вторых, сам выбор слова «князь» для русского слуха неизбежно несёт лёгкий удельно-русский отголосок (Рюриковичей и великих княжений), отчего словосочетания вроде «князь спартанцев Набид» (гл. IX) или «князь ахейцев Филопемен» (гл. XIV) поначалу требуют от читателя сознательной перенастройки восприятия. Однако это честная филологическая плата за точность: ведь и для самого флорентийского читателя 1513 года именование спартанского тирана Набида или ахейского стратега Филопемена словом *Principe* звучало таким же смелым понятийным обобщением. Отдельно следует отметить текстологическую добросовестность работы: в известных тёмных местах трактата перевод обоснованно следует авторитетной рукописной традиции и данным современной итальянской текстологии вопреки механическим искажениям первопечатной вульгаты 1532 года, прозрачно оговаривая каждое разночтение в аппарате примечаний.

2. Научный аппарат: комментарий как историко-философская лаборатория

Особого разговора заслуживают 215 историко-филологических примечаний, сопровождающих посвящение и каждую из двадцати шести глав, а также итоговые справочные разделы. В большинстве популярных изданий Макиавелли комментарий сводится к сухому перечню дат рождения

и смерти итальянских кондотьеров и римских пап. Здесь же перед нами полноценный **филологический и идейно-исторический комментарий университетского уровня**.

Три пласта этого аппарата выполнены с подлинной научной основательностью. Первый — **источниковедческий**: комментатор точно локализует не только прямые отсылки к Титу Ливию, Полибию, Юстину, Плутарху и Ксенофонту, но и скрытые цитаты (такие как латинская формула Гая Понтия из IX книги Ливия в гл. XXVI, сентенция Тацита из XIII книги «Анналов» в гл. XIII, портрет Ганнибала из XXI книги Ливия в гл. XVII или текстуальные схождения римского экскурса гл. XIX с «Историей императорской власти после Марка» Геродиана в латинском переводе Анджело Полициано 1493 года). Второй пласт — **полемический**: читателю наглядно показано, как главы XV–XVIII шаг за шагом выворачивают наизнанку конкретные тезисы трактата Цицерона «Об обязанностях» (*De officiis* — о льве и лисице, о щедрости Цезаря, о любви и страхе, о верности слову) и трактата Сенеки «О милосердии» (*De clementia*), а также гуманистических «зерцал князей» Понтано, Платины и Патрици. Третий пласт — **лексико-семантический и дипломатический**: разборы купеческо-банковских флорентийских метафор (*meritare* и *spendere* в гл. XVII, *farne capitale* в гл. XIV, *ragguagliato* в гл. XI), военных терминов (*gente d'arme*, *battaglie*, *brocchieri*, *correre una terra*) и перекличек с дипломатическими депешами самого Макиавелли времён его миссий к Чезаре Борджа, Людовику XII и императору Максимилиану I делают политическую механику эпохи зримой и предметной.

3. Искусство книги: визуальная герменевтика обложки и культура набора

Художественное решение переплёта принадлежит к числу редких удач современного интеллектуального книгоиздания. Оформляя Макиавелли, иллюстраторы десятилетиями воспроизводят одни и те же утомительные штампы: шахматного короля, кинжал с каплями яда, кукловода с нитями или парадный портрет автора кисти Санти ди Тито с загадочной полуулыбкой. Созданная для настоящего тома композиция говорит на подлинном языке ренессансной эмблематики (*impresa*) и маньеристического натюрморта.

В центре тёмного, словно проступающего из музейного полумрака пространства возвышается классический мраморный бюст античного правителя — зримое воплощение гуманистического культа Древнего Рима и безупречной внешней видимости власти (*maestà dello stato*, гл. XVIII). Но мраморная голова рассечена сверху донизу сухой вертикальной трещиной, и внутри раскола вместо живой плоти открывается латунный чертёжный циркуль на фоне тонких геометрических построений — точный

пластический образ макиавеллиевского расчёта, *prudenzia* и архитектуры новых порядков (*fondamenti*, *architettore* гл. VI–VII), измеряющих человеческие страсти без иллюзий и жалости. У подножия пьедестала друг против друга поставлены патинированный бронзовый лев, попирающий лапой разломанное деревянное колесо Фортуны, и живая насторожённая лисица, а на переднем плане у края мраморной плиты лежит обнажённый ренессансный клинок — безмолвное напоминание об *armi proprie*, без которых рассыпаются любые законы и пророчества. Вся философская программа глав VI, XII, XVIII и XXV прочитана здесь одним взглядом — строго, сдержанно, без плакатной крикливости.

Внутренний макет книги формата А5 (*148 × 210 мм*), набранный академической антиквой *PT Serif* в паре с оптической сносочной гарнитурой *PT Serif Caption* и рубрикационным гротеском *PT Sans*, выдержан в благородной ренессансно-альдинской пропорции: спокойное зеркало набора с широким корешковым полем, сдержанные терракотово-бордовые акценты инициалов и номеров сносок, изящный контртитул в тонкой рамке и ясное типографское разграничение авторского текста, научного комментария и итоговых справочно-аналитических разделов.

Главный же итог этой работы выходит далеко за рамки цеховой филологии. Трактат 1513 года об искусстве распознавать «действенную истину самой вещи» сквозь туман прекрасных вымыслов спустя пятьсот с лишним лет вновь прочитан по-русски без риторических компромиссов и охранительных смягчений. Освобождённый от полуторавековой беллетристической позолоты, голос флорентийского секретаря в переводе В. И. Смирнова звучит суше, резче, опаснее — и неизмеримо ближе к живому нерву шестнадцатого столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя и переводчика 5
Никколо Макиавелли — Великолепному Лоренцо де Медичи 7
Глава I. Скольких видов бывают княжества и какими способами они приобретаются 10
Глава II. О наследственных княжествах 12
Глава III. О смешанных княжествах 14
Глава IV. Почему царство Дария, захваченное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти 24
Глава V. Каким образом следует управлять городами или княжествами, которые до того, как были захвачены, жили по своим законам 28
Глава VI. О новых княжествах, которые приобретаются собственным оружием и доблестью 31
Глава VII. О новых княжествах, которые приобретаются чужими силами и благодаря фортуне 36
Глава VIII. О тех, кто злодеяниями достиг княжеской власти 45
Глава IX. О гражданском княжестве 51
Глава X. Каким образом следует измерять силы всех княжеств 56
Глава XI. О церковных княжествах 59
Глава XII. Сколько бывает родов войска, и о наёмных солдатах 63
Глава XIII. О вспомогательных, смешанных и собственных солдатах 70
Глава XIV. Что требуется от князя в военном деле 76
Глава XV. О тех вещах, за которые людей, и в особенности князей, хвалят или порицают 80
Глава XVI. О щедрости и бережливости 84
Глава XVII. О жестокости и милосердии; и лучше ли быть любимым, чем внушать страх, или наоборот 88
Глава XVIII. Каким образом князьям следует хранить верность слову ... 93
Глава XIX. О том, что следует избегать презрения и ненависти 98
Глава XX. Полезны или вредны крепости и многое другое, что нередко делают князья 110
Глава XXI. Как должен вести себя князь, чтобы завоевать признание . . 116
Глава XXII. О секретарях князей 122
Глава XXIII. Как следует избегать льстецов 125
Глава XXIV. Почему князья Италии утратили свою власть 129
Глава XXV. Насколько сильна фортуна в человеческих делах и каким образом можно ей противостоять 132
Глава XXVI. Призыв освободить Италию от варваров 137
Квинтэссенция «Князя»: свод политических максим 144
Словарь ключевых понятий Никколо Макиавелли 148
Заключение независимого критика 151

◆ ◇ ◆

НАУЧНО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Никколо Макиавелли

КНЯЗЬ

Il Principe · De Principatibus

Перевод с флорентийского оригинала XVI века, вступительная статья,
свод политических максим, словарь ключевых понятий
и 215 историко-филологических примечаний:
Смирнов Виталий Игоревич

Издательский проект GlowSoft (lib.glowsoft.ru) ·
info@glowsoft.ru
Формат 60×90/16 (148×210 мм). Гарнитуры: *PT Serif*, *PT Serif Caption*, *PT Sans*.
Печать офсетная или цифровая. Знак информационной продукции: 16+.

DE PRINCIPATIBUS · MDXIII

«Но поскольку моё намерение — написать вещь полезную для того, кто её поймёт, мне показалось уместнее идти прямо по следу действенной истины самой вещи, чем воображения о ней».

Знаменитый трактат Никколо Макиавелли предстаёт перед русским читателем в строгом смысловом переводе, выполненном по методу терминологического единства без литературного сглаживания и понятийных подмен XIX–XX веков.

Отказываясь от самодержавно-сакрального ореола привычного заглавия «Государь», издание возвращает тексту фигуру ренессансного *«нового князя»* (*principe nuovo*), последовательно разводит категории *lo stato* («властный уклад», «власть», «режим») и *il principato* («княжество»), снабжает каждую главу подробным историко-филологическим комментарием и завершает том сводом политических максим, словарём понятий и очерком о переводческой традиции.

Перевод с итальянского, вступительная статья, свод политических максим, словарь понятий и историко-филологические примечания В. И. Смирнова.

◆ ◇ ◆

GLOWSOFT PUBLISHING · LIB.GLOWSOFT.RU

Научно-филологическое электронное издание · MMXXVI · 16+